

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДИЦИНА. ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДЫ

Ефремова Н.В., Румянцева З.С., Резниченко Н.А.
Роль инфекционного агента в генезе невынашивания беременности 4

Бобунов Д.Н., Овасапян Э.Д., Чеснокова А.А., Катыхина В.В., Мармыш В.А. Основные особенности физикального обследования плечевого сустава..... 8

Искендерова Б.Е., Мусабекова Ж.А., Кабдрахманова А.Ж., Ахметова С.С., Жунусова М.К. Генетические предикторы хронической болезни почек у детей 12

Ефремова Н.В., Румянцева З.С., Сулима А.Н., Москвина В.О. Современные аспекты этиопатогенеза гиперпластических процессов эндометрия у женщин репродуктивного возраста 16

ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ И СПОРТИВНАЯ МЕДИЦИНА, ЛЕЧЕБНАЯ ФИЗКУЛЬТУРА, КУРОРТОЛОГИЯ И ФИЗИОТЕРАПИЯ

Бобунов Д.Н., Бондаренко Д.С., Шалишева Д.Д., Ткачук М.А., Морозов Д.А. Лечебная физкультура после хирургического восстановления сухожилий пальцев кисти..... 20

Сезнева Т.Н., Павлова В.Б., Ващалова Н.А., Балабанов Ю.В., Грачев А.В. Опыт использования метода БОС по параметрам ЭМГ в восстановительном лечении детей с идиопатическим сколиозом 23

Хасанова Н.А. Внедрение комплексной программы реабилитации лиц с травмами дистальной части лучевой кости в условиях санатория..... 30

Ачабаева А.Б., Хозаев М.К., Калмыкова А.А., Акежева Ф.Т., Алиев Т.И. Оценка эффективности комплексной реабилитации после COVID-19: систематизация результатов наблюдений 33

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Громакова В.Г. Факторы институциональной трансформации общества согласно социосинергетической теории 37

Дьяков И.А. Проблема современных молодёжных субкультур России 44

Капралова Е.А. Трансформация феномена социального благополучия в концепции социального государства..... 48

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-76398 от 26.07.2019
Индекс Роспечати 65002
ISSN 2686-9365

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель: ООО «Городец»
Издаётся с 2010 года
Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: fapz@list.ru Сайт: www.medsociofil.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аверин Юрий Петрович, д-р соц. наук, проф., зав. кафедрой Методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **Агапов Платон Валериевич**, канд. соц. наук, доц., МГУ имени М.В. Ломоносова; **Алиханов Халлар Абумуслимович**, д-р мед. наук проф., Государственная классическая академия им. Маймонида; **Алиханов Багдади Абумуслимович**, д-р мед. наук, проф., Центральная клиническая больница РАН; **Апресян Рубен Грантович**, д-р филос. наук проф., заведующий сектором этики Института философии РАН; **Багдасарян Надежда Гегамовна**, д-р филос. наук, проф., МГУ им. Н.Э. Баумана; **Барков Сергей Александрович**, д-р соц. наук, проф., завкафедрой социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **Бородин Владимир Иванович**, д-р мед. наук, проф. Терапевтический центр «Гранат»; **Бурмыкина Ирина Викторовна**, д-р соц. наук, проф., Липецкий государственный педагогический университет; **Волков Юрий Григорьевич**, д-р филос. наук, проф., научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета; **Грабельных Татьяна Ивановна**, д-р соц. наук, проф., Иркутский государственный университет; **Григорьев Святослав Иванович**, д-р соц. наук, проф., чл.-корр. РАН; **Дмитриев Анатолий Васильевич**, д-р филос. наук проф., чл.-корр. РАН, гл. научный сотрудник Института социологии РАН; **Добренков Владимир Иванович**, д-р филос. наук, проф., завкафедрой истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **Добренкова Екатерина Владимировна**, д-р соц. наук, проф., первый проректор Международной Академии Бизнеса и Управления; **Желтов Виктор Васильевич**, д-р филос. наук, проф., декан факультета политических наук и социологии Кемеровского государственного университета; **Каплунова Вера Юрьевна**, д-р мед. наук, гл. научный сотрудник НИО «Метаболический синдром» НИЦ Московского мед. исследовательского ун-та им. И.М. Сеченова; **Кравченко Альберт Иванович**, д-р филос. наук, проф., ведущий научный сотрудник, МГУ имени М.В. Ломоносова; **Мамедов Агамали Кулам-Оглы**, д-р соц. наук, проф., завкафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **Маршак Аркадий Львович**, д-р филос. наук, проф., главный научный сотрудник Института социологии РАН; **Найдыш Вячеслав Михайлович**, д-р филос. наук, проф., завкафедрой онтологии и теории познания Российского ун-та дружбы народов; **Овсянников Сергей Александрович**, д-р мед. наук, проф., МГМСУ; **Осипов Александр Михайлович**, д-р соц. наук, проф., главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; **Петров Владимир Николаевич**, д-р соц. наук, проф., заведующий кафедрой социологии Кубанского государственного университета; **Петрова Татьяна Эдуардовна**, д-р соц. наук проф., кафедры социологии молодежи и молодежной политики Санкт-Петербургского государственного университета; **Пятницкий Николай Юрьевич**, канд. мед. наук, доц., в.н.с. ФГБНУ НЦПЗ; **Рахманов Азат Борисович**, д-р филос. наук, социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова; **Садохин Александр Петрович**, д-р культурологии, проф., почетный работник высшего профессионального образования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Самыгин Сергей Иванович**, д-р соц. наук, проф., Южный федеральный университет; **Силласте Галина Георгиевна**, д-р филос. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, завкафедрой «Социология» Финансового университета при Правительстве РФ; **Сычев Андрей Анатольевич**, д-р филос. наук, проф., кафедра философии Мордовского государственного ун-та им. Н.П. Огарева; **Терентьев Александр Александрович**, д-р мед. наук, проф., чл.-корр. РАН, проф. кафедры биохимии Российского исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова

СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА

Ахметов Сайранбек Махсутович, ректор Казахстанского университета инновационных и телекоммуникационных систем (КазИИТУ), д-р тех. наук, проф., академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, академик РАЕН; **Вукичевич Слободан**, проф., факультет философии, Университет Черногории; **Кропп Фредрик**, декан факультета Монтеррейского университета (США); **Митрович Любиша**, проф., факультет философии, Университет г. Ниш (Сербия); **Титаренко Лариса Григорьевна**, д-р соц. наук, проф., факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет (Республика Беларусь); **Фарро Антимо Луиджи**, проф., д-р социологии, Римский университет Салпинца; **Чжан Шууха**, директор Института научной информации Академии общественных наук Китая; **Соколова Галина Николаевна**, д-р филос. наук, проф., заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии Институт социологии НАН Беларуси (Минск); **Ари Палениу**, проф., директор кампуса г. Керва Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия); **Джун Гуан**, проф., зам. декана Института экономики и бизнесадминистрирования, Пекинский технологический университет (Китай); **Лай Дешенг**, проф., декан Института экономики и бизнесадминистрирования, Пекинский технологический университет (Китай); **Марек Вочозка**, проф., ректор Технико-экономического института в Чешских Будейовицах (Чехия); **Христиан Мундт**, доктор медицины, директор психиатрической клиники (г. Гейдельберг, Германия); **Она Гражина Ракускиене**, проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)

Главный редактор:
Бородин В.И., д-р мед. наук, проф.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Подписано в печать: 30.03.2021 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Задвернюк Л.В., Тюкавкина И.Л. Исследование устойчивости городских агломераций Дальнего Востока: на примере Хабаровской городской агломерации 53

Акимова И.А., Моторина И.Е., Попова А.А. Экологическая культура в контексте идей синергетики 60

Шукшина Л.В., Эйфир М.М. Взаимосвязь зависти и уровня субъективно экономического благополучия у современной молодежи 65

Задвернюк Л.В., Панчук Н.Н. Трансформация восприятия в культуре и обществе образа идеального города 70

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Жуков А.В., Младенов В.И., Гаврилова Ю.В. Трансформация взаимодействия государства и религиозных конфессий в досоветской России 78

Звонова Е.Е. Христианская и «промеевская» антропологии: противоречие или сущностное тождество 84

Луценко А.В. Западноевропейское неоязычество в его отношении к этике светского гуманизма 90

Попов В.В., Буланая Ю.В. Феноменологический конструкт «настоящее» в субъективном времени индивида в пространстве семьи во включающем и традиционном обществе 94

Потапова Л.В. Правозащитная и правоохранительная виды деятельности органов прокуратуры Российской Федерации: к вопросу о наполнении смысловых объемов 98

Похожаев В.И. Социально-философский анализ категории национальной политики государства 102

Сафронов А.В. Понимание знака за пределами пользы и информации. Знак в теории не-систем 108

Суховская Д.Н. Теоретико-методологические подходы к исследованию социальных ожиданий от обучения 122

Фурманова А.Я. Конструкт служения-лидерства: особенности применения руководителями с различным уровнем религиозного сознания 127

Чупраков К.С. Роль музыки в развитии духовного мира военнослужащего: социально-философский анализ 133

TABLE OF CONTENTS

THE MEDICINE. APPLIED RESEARCH AND METHODS

<i>Efremova N.V., Rumyantseva Z.S., Reznichenko N.A.</i> The role of the infectious agent in the genesis of mission of pregnancy.....	4
<i>Bobunov D.N., Ovasapyan E.D., Chesnokova A.A., Katykhina V.V., Marmysh V.A.</i> Main features of the physical examination of the shoulder joint.....	8
<i>Iskenderova B.E., Musabekova Zh.A., Abdrakhmanova A. Zh., Akhmetova S.S., Zhunusova M.K.</i> Genetic predictors of chronic kidney disease in children.....	12
<i>Efremova N.V., Rumyantseva Z.S., Sulima A.N., Moskvina V.O.</i> Modern aspects of etiopatogenesis of endometrial hyperplastic processes in women of reproductive age.....	16

RECOVERY AND SPORTS MEDICINE, THERAPEUTIC EXERCISE, RESORTOLOGY AND PHYSIOTHERAPY

<i>Bobunov D.N., Bondarenko D.S., Shalishева D.D., Tkachuk M.A., Morozov D.A.</i> The rapeutic activity after for surgical restoration of the tendons of the fingers.....	20
<i>Sezneva T.N., Pavlova V.B., Vaschalova N.A., Balabanov Yu.V., Grachev A.V.</i> Experience in using the biofeedback method based on EMG parameters in the rehabilitation treatment of children with idiopathic scoliosis.....	23
<i>Khasanova N.A.</i> Implementation of a comprehensive rehabilitation program for persons with injuries of the distal part of the radius in a sanatorium.....	30
<i>Achabaeva A.B., Khozaev M.K., Kalmykova A.A., Akezheva F.T., Aliev T.I.</i> Evaluation of the effectiveness of comprehensive rehabilitation after COVID-19: systematization of observational results.....	33

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT

<i>Gromakova V.G.</i> Factors of the institutional transformation of society according to the socio-synergetic theory.....	37
<i>Diyakov I.A.</i> The problem of modern youth subcultures in Russia.....	44
<i>Kapralova E.A.</i> Transformation of the phenomenon of social well-being in the concept of a welfare state.....	48

SOCIOLOGY: THEORY, BASIC CONCEPTS, MODERN APPROACHES

<i>Zadvernyuk L.V., Tyukavkina I.L.</i> Study of sustainability of urban agglomerations of the Far East: on the example of the Khabarovsk urban agglomeration.....	53
<i>Akimova I.A., Motorina I.E., Popova A.A.</i> Ecological culture in the context of ideas of synergetics.....	60
<i>Shukshina L.V., Eyfir M.M.</i> The relationship between envy and the level of subjective economic well-being among modern youth.....	65
<i>Zadvernyuk L.V., Panchuk N.N.</i> Transformation of perception in culture and society of the image of an ideal city.....	70

PHILOSOPHICAL OUTLOOK

<i>Zhukov A.V., Mladenov V.I., Gavrilova Ju.V.</i> Transformation of interaction between the state and religious confessions in pre-Soviet Russia.....	78
<i>Zvonova E.E.</i> Christian and "Promethean" anthropologies: contradiction or essential identity.....	84
<i>Lutsenko A.V.</i> Western European Neopaganism in its relation to the ethics of secular humanization.....	90
<i>Popov V.V., Bulanaya Yu.V.</i> Phenomenological construction "the present" in the subjective time of the individual in the space of the family in the inclusive and traditional society.....	94
<i>Potapova L.V.</i> Human rights and law enforcement activities of the prosecution authorities of the Russian Federation: on the issue of filling semantic volumes.....	98
<i>Pokhozhaev V.I.</i> Socio-philosophical analysis of the category of national policy of the state.....	102
<i>Safronov A.V.</i> Understanding the sign is beyond usefulness and information. Sign in the theory of non-systems.....	108
<i>Sukhovskaya D.N.</i> Theoretical and methodological approaches to the study of social expectations from learning.....	122
<i>Furmanova A. Ya.</i> Service-leadership construct: features of application by leaders with different levels of religious consciousness.....	127
<i>Chuprakov K.S.</i> The role of music in the development of the spiritual world of a soldier: a socio-philosophical analysis.....	133

Роль инфекционного агента в генезе невынашивания беременности

Ефремова Наталия Владимировна,

студент Института «Медицинская академия имени С.И. Георгиевского», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
E-mail: natasha_horunzhaya@mail.ru

Румянцева Зоя Сергеевна,

кандидат медицинских наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой акушерства, гинекологии и перинатологии № 1, Института «Медицинская академия имени С.И. Георгиевского», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
E-mail: zoyarum@inbox.ru

Резниченко Наталья Анатольевна,

доктор медицинских наук, профессор кафедры акушерства, гинекологии и перинатологии № 1, Института «Медицинская академия имени С.И. Георгиевского», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
E-mail: professorreznichenko@mail.ru

Все большую значимость в современном мире приобретает невынашивание беременности, его встречаемость в настоящее время достигает 1,5–5,2%. В статье рассматривается проблема влияния инфекционного фактора на возникновение ранних потерь беременности, приобретаемая всё большую значимость в условиях современных методов ранней диагностики и лечения. Показано, что возникновение преждевременных родов ассоциировано с развитием инфекционно-воспалительных заболеваний. Ведущая роль во влиянии инфекционного агента в развитии преждевременных родов отводится сроку гестации. Чем меньше срок беременности, тем выше риск возникновения преждевременного родоразрешения в связи с действием инфекционного фактора. Вероятность преждевременных родов возрастает с увеличением колонизации нижних отделов мочеполовых путей стрептококком группы В. Для профилактики акушерских и перинатальных осложнений необходима своевременная диагностика урогенитальной инфекции с полным курсом антибактериальной терапии.

Ключевые слова: беременность, инфекция, невынашивание, преждевременные роды, выкидыш.

Невынашивание является частым осложнением беременности, встречаемость которого достигает от общего числа 1,5–5,2% [1]. Развитие самопроизвольного выкидыша, возникающего у здоровых женщин раннего репродуктивного возраста на фоне инфекции, в 10–12% случаев является результатом первой беременности. Риск повторной потери плода увеличивается после одного самопроизвольного прерывания до 15,1–22,3%, после двух до 25,1–28,7%, после трех до 30,6–35,2% [2,3]. TORCH-инфекции с развитием острых инфекционно-воспалительных заболеваний играют основную роль в генезе ранних потерь беременности [4]. При изучении препаратов ворсин хориона у женщин с самопроизвольными выкидышами методом полимеразной цепной реакцией было выявлено 14,6% ДНК *Ureaplasma parvum*, 3,4% *U. Urealiticum*, 5,8% *M. Hominis*, 3,2% *S. Trachomatis*, являющихся бессимптомными инфекциями [5].

Сроку гестации отводится ведущая роль во влиянии инфекционного агента на развитие преждевременных родов. Зачастую при их возникновении в сроке до 30 недель присутствует внутриматочная инфекция, когда при родах после 34 недель беременности, ее определение крайне редко [6,7]. Было выявлено, что в 21–24 неделю частота встречаемости острого хориоамнионита равна 93,9%, когда в 25–28–38,9%, в 29–32–34,8%, в 33–36–11,1%, а в 37–40–4,1%. Чем меньше срок беременности, тем выше риск возникновения преждевременного родоразрешения в связи с действием инфекционного фактора [8].

Бактериальный вагиноз, который ассоциирован с аномальной микрофлорой нижних отделов генитального тракта, связан с инфицированием амниотической жидкости восходящим путем через цервикальный канал. Чем меньше срок гестации при его диагностике, тем выше риск позднего выкидыша или преждевременных родов [9]. В качестве профилактики перинатальных и акушерских осложнений возможно применение клиндамицина. Его назначение обеспечивает снижение риска преждевременных родов в первом триместре беременности на 41,1%, а поздних выкидышей на 81,2% [10].

Было доказано, что вероятность пиелонефрита во втором-третьем триместре беременности возрастает до 29–41%, как осложнение бессимптомной бактериурии в отсутствии антибактериальной терапии на ранних сроках беременности. При-

менение фосфомицина показывает повышение эффективности в отношении полирезистентных штаммов бактерий, составляющую 78,1–93,6% при приеме 3г препарата однократно и приводящую к гибели уропатогенных микроорганизмов в моче в течение нескольких часов [11].

Колонизация нижних отделов мочеполовых путей стрептококком группы В увеличивает вероятность преждевременных родов. Определено, что у 72% беременных женщин, которые перенесли урогенитальную инфекцию, происходит гематогенное инфицирование фетоплацентарного комплекса с лимфогистиоцитарной инфильтрацией оболочек плода и поражение сосудов стромы и ворсин последа [12]. Вследствие этих изменений возникают плацентит, фуникулит и гистологический хориоамнионит, появление которого говорит о распространении инфекции через все плодные оболочки, начиная с децидуального слоя плаценты [13]. При данных патологиях было выполнено цитологическое исследование околоплодных вод после амниоцентеза, где выявлено повышение количества полиморфно-ядерных лейкоцитов. При лимфогистиоцитарной инфильтрации в плаценте вероятность рождения ребенка с врожденной пневмонией, энцефалитом и менингитом составляет 45,2% [14].

В ответ на воздействие бактерий возникает воспалительная реакция, приводящая к развитию преждевременной отслойки нормально расположенной плаценты и преждевременному излитию околоплодных вод [1–3]. Происходит выделение интерлейкина 1,6,8 и фактора некроза опухоли, являющихся провоспалительными цитокинами, хемокинов и синтез простагландинов. Разрыв плодных оболочек индуцируется резким повышением уровня эластаз нейтрофилов и матриксных металлопротеаз. Определено, что степень воспаления коррелирует с выраженностью бактериальной обсеменения околоплодных вод и лейкоцитарной инфильтрацией в последе [15].

Классическими методами диагностики затруднена идентификация бактерий, находящихся в составе биопленок, повышена их резистентность к антибактериальной терапии. В околоплодные воды не происходит миграция полиморфноядерных лейкоцитов ввиду низкого распознавания данных бактериальных клеток иммунной системой матери [16,17]. Путем трансвагинального ультразвукового исследования в амниотической полости возможно определение микробных биопленок в виде сладжа, составляющего скопления плотного эхо-позитивного осадка и располагающегося в нижнем полюсе плодного пузыря пристеночно [18]. Доказано, что укорочение шейки матки во втором триместре беременности является предиктором преждевременного излития околоплодных вод. Риск его возникновения на 18–23 неделе при длине шейки ≤ 15 мм составляет 50,8%, чем при укорочении ≤ 25 мм – 19,9%. Установлено, что при наличии сладжа преждевременные роды возникают в 67,5% случаев. В отсутствии противомикроб-

ной терапии выявляется сладж у женщин в 15–24 недели беременности совместно с инфекционно-воспалительными заболеваниями, частота которых составляет: бактериальный вагиноз – 99,7%, вульвовагинальный кандидоз – 54,4%, острый пиелонефрит – 18,5%. При этом возрастает вероятность преждевременных родов до 47,8%, ассоциированная с появлением сладжа в околоплодных водах вследствие контаминации фетоплацентарного комплекса бактериальными возбудителями [19,20].

В соответствии с клиническими исследованиями снижение риска преждевременных родов при укорочении шейки матки возможно благодаря длительному применению вагинального прогестерона до 36 недель беременности. По своей эффективности он превосходит дидрогестерон, 17-оксипрогестерона капроат. Сочетание использования вагинального прогестерона и индометацина позволяет в 67,6% случаев купировать угрожающий поздний выкидыш на фоне инфекционного поражения [20]. Происходит ингибирование выделения провоспалительных цитокинов и синтеза простагландинов, что предотвращает укорочение шейки матки и преждевременного излития околоплодных вод. Внутривенное антибактериальное лечение на сроке 15–24 недели беременности при наличии сладжа в околоплодных водах позволяет снизить риск инфекционных осложнений [9–11].

Заключение. Акушерские и перинатальные осложнения часто ассоциированы с инфекционно-воспалительными заболеваниями. Бактериальная инфекция является одним из основных факторов, влияющих на развитие поздних выкидышей и преждевременных родов. Ранняя диагностика урогенитальной инфекции и ее своевременное лечение позволяет предупредить распространение воспалительного процесса на фетоплацентарный комплекс и избежать развитие плацентита, фуникулита и хориоамнионита, способствующих возникновению ранних потерь беременности. Снижение инфекционных осложнений со стороны матери и плода обеспечивается поддержанием нормального микробиоценоза половых органов. В настоящее время продолжается поиск современных методов лечения, позволяющих улучшить перинатальные исходы у беременных женщин с невынашиванием инфекционного генеза.

Литература

1. Синякова А. А., Шипицына Е.В., Будилова О.В., Болотских В.М., Савичева А.М. Оценка эффективности лечения вагинальных инфекций у пациенток с невынашиванием беременности в анамнезе // Журнал акушерства и женских болезней. – 2019. – № 5. – С. 63–74.
2. Григушкина Е. В., Малышкина А.И., Сотникова Н.Ю., Таланова И.Е., Крошкина Н.В. Патогенетические аспекты привычного невынаши-

- вания беременности // Вестник Ивановской медицинской академии. – 2021. – № 2. – С. 30–36.
3. Мамедалиева Н. М., Мошкалова Г.Н., Сапаралиева А.М. Современные аспекты прегравидарной подготовки при невынашивании беременности инфекционного генеза // Репродуктивная медицина. – 2018. – № 4(37). – С. 11–14.
 4. Султонова Н.А. Современные аспекты диагностики привычного невынашивания у беременных в первом триместре // Смоленский медицинский альманах. – 2021. – № 3. – С. 105–107.
 5. Contini C., Rotondo J.C., Magagnoli F. et al. Investigation on silent bacterial infections in specimens from pregnant women affected by spontaneous miscarriage // *Journal of Cellular Physiology*. – 2019. – № 1. – P. 100–107.
 6. Di Renzo D.C., Cabero Roura L., Facchinetti F. et al. Preterm labor and birth management: recommendations from the European Association of Perinatal Medicine // *The Journal of Maternal-Fetal and Neonatal Medicine*. – 2017. – № 17. – P. 2011–2030.
 7. Куст А. В., Козелкова Е.В., Садыгова А.В., Борзова Н.Ю., Смирнова А.В., Батрак Н.В. Инфекционный статус у женщин с угрозой прерывания и привычным невынашиванием беременности в анамнезе. // Российский иммунологический журнал. – 2019. – № 2–1. – С. 362–364.
 8. Oh K. J., Kim S.M., Hong J.S. et al. Twenty-four percent of patients with clinical chorioamnionitis in preterm gestations have no evidence of either culture-proven intraamniotic infection or intraamniotic inflammation // *American Journal of Obstetrics and Gynecology*. – 2017. – № 6. – P. 604.E1–604.E11.
 9. Аллахъяров Д. З., Петров Ю.А., Палиева Н.В. Роль инфекционного фактора в невынашивании беременности // Медико-фармацевтический журнал пульс. – 2021. – № 12. – С. 85–91.
 10. Марданян А.А., Калинина Н.С. Изучение влияния восходящих бактериальных инфекций на формирование невынашивания беременности // *Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral»*. – 2019. – № 3. – С. 19.
 11. Мамбетова С.Ж., Самигуллина А.Э. Патфизиологические аспекты гестационного пиелонефрита с нарушением уродинамики // *Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана*. – 2020. – № 12. – С. 46–51.
 12. Досова С.Ю. Роль вагинального микробиома в патогенезе привычного невынашивания беременности // *Тверской медицинский журнал*. – 2020. – № 2. – С. 5–15.
 13. Gomez-Lopez N., Romero R., Xu Y. et al. Neutrophil extracellular traps in the amniotic cavity of women with intra-amniotic infection: a new mechanism of host defense // *Reproductive sciences*. – 2017. – № 8. – P. 1139–1153.
 14. Семенюк Л.Н., Воронкова Н.М. Роль стрептококков группы В в развитии невынашивания беременности и мертворождаемости // *Репродуктивное здоровье. Восточная Европа*. – 2019. – № 1. – С. 29–37.
 15. Батурина И.Л., Логинова Ю.В., Емельянов И.В., Никушкина К.В., Зотова М.А., Никонова Т.И. Анализ Т- и В-клеток различного уровня дифференцировки и их прогностическая роль при невынашивании беременности // *Российский иммунологический журнал*. – 2020. – № 2. – С. 181–186.
 16. Иругова Э.З., Тлостанова Л.К., Мидов А.З., Сабанова Р.К., Губжокова А.Б. Факторы, влияющие на развитие невынашивания беременности // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: естественные и технические науки*. – 2019. – № 1. – С. 92–96.
 17. Gomez-Lopez N., Romero R., Garsia-Flores V. et al. Amniotic fluid neutrophils can phagocytize bacteria: A mechanism for microbial killing in the amniotic cavity // *American journal of reproductive immunology*. – 2017. – № 4. – P. 139–48.
 18. Kusanovic J.P., Romero R., Martinovic C. et al. Transabdominal collection of amniotic fluid “sludge” and identification of *Candida albicans* intraamniotic infection // *The Journal of Maternal-Fetal and Neonatal Medicine*. – 2018. – № 10. – P. 1279–1284.
 19. Adanir I., Ozyuncu O., Gokmen Karasu A.F., Ongeroglu L. Amniotic fluid “sludge”; prevalence and clinical significance of it in asymptomatic patients at high risk for spontaneous preterm delivery. // *The Journal of Maternal-Fetal and Neonatal Medicine*. – 2018. – № 2. – P. 135–140.
 20. Пустотина О.А. «Сладж» в околоплодных водах // *Медицинский совет*. – 2018. – № 7. – С. 64–73.

THE ROLE OF THE INFECTIOUS AGENT IN THE GENESIS OF MISSION OF PREGNANCY

Efremova N.V., Rumyantseva Z.S., Reznichenko N.A.
Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky

The article deals with the problem of the influence of the infectious factor on the occurrence of early pregnancy losses, which is becoming increasingly important in the context of modern methods of early diagnosis and treatment. It has been shown that the occurrence of preterm labor is associated with the development of infectious and inflammatory diseases. To prevent the development of obstetric and perinatal complications, timely diagnosis of urogenital infection with a full course of antibiotic therapy is necessary.

Keywords: pregnancy, infection, miscarriage, premature birth, miscarriage.

References

1. Sinyakova A. A., Shipitsyna E.V., Budilovskaya O.V., Bolotikh V.M., Savicheva A.M. Evaluation of the effectiveness of the treatment of vaginal infections in patients with a history of miscarriage // *Journal of Obstetrics and Women’s Diseases*. – 2019. – № 5. – P. 63–74.
2. Grigushkina E. V., Malyskhina A.I., Sotnikova N. Yu., Talanova I.E., Kroshkina N.V. Pathogenetic aspects of recurrent miscarriage // *Bulletin of the Ivanovo Medical Academy*. – 2021. – № 2. – P. 30–36.
3. Mamedaliev N. M., Moshkalova G.N., Saparaliev A.M. Modern aspects of pregravid preparation for miscarriage of infec-

- tious genesis // *Reproductive Medicine*. – 2018. – № 4(37). – P. 11–14.
4. Sultonova N.A. Modern aspects of diagnosing recurrent miscarriage in pregnant women in the first trimester // *Smolensk Medical Almanac*. – 2021. – № 3. – P. 105–107.
 5. Contini C., Rotondo J.C., Magagnoli F. et al. Investigation on silent bacterial infections in specimens from pregnant women affected by spontaneous miscarriage // *Journal of Cellular Physiology*. – 2019. – № 1. – P. 100–107.
 6. Di Renzo D.C., Cabero Roura L., Facchinetti F. et al. Preterm labor and birth management: recommendations from the European Association of Perinatal Medicine // *The Journal of Maternal-Fetal and Neonatal Medicine*. – 2017. – № 17. – P. 2011–2030.
 7. Kust A.V., Kozelkova E.V., Sadygova A.V., Borzova N. Yu., Smirnova A.V., Batrak N.V. Infectious status in women with a threatened miscarriage and a history of recurrent miscarriage. // *Russian Journal of Immunology*. – 2019. – № 2–1. – P. 362–364.
 8. Oh K. J., Kim S.M., Hong J.S. et al. Twenty-four percent of patients with clinical chorioamnionitis in preterm gestations have no evidence of either culture-proven intraamniotic infection or intraamniotic inflammation // *American Journal of Obstetrics and Gynecology*. – 2017. – № 6. – P. 604.E1–604.E11.
 9. Allahyarov D. Z., Petrov Yu. A., Palieva N.V. The role of the infectious factor in miscarriage // *Medico-pharmaceutical journal pulse*. – 2021. – № 12. – P. 85–91.
 10. Mardanyan A. A., Kalinina N.S. Studying the influence of ascending bacterial infections on the formation of miscarriage // *International Journal of Applied Sciences and Technologies “Integral”*. – 2019. – № 3. – P. 19.
 11. Mambetova S. Zh., Samigullina A.E. Pathophysiological aspects of gestational pyelonephritis with impaired urodynamics // *Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan*. – 2020. – № 12. – P. 46–51.
 12. Dosova S. Yu. The role of the vaginal microbiome in the pathogenesis of recurrent miscarriage // *Tver Medical Journal*. – 2020. – № 2. – P. 5–15.
 13. Gomez-Lopez N., Romero R., Xu Y. et al. Neutrophil extracellular traps in the amniotic cavity of women with intra-amniotic infection: a new mechanism of host defense // *Reproductive sciences*. – 2017. – № 8. – P. 1139–1153.
 14. Semenyuk LN, Voronkova NM The role of group B streptococci in the development of miscarriage and stillbirth // *Reproductive health. Eastern Europe*. – 2019. – № 1. – P. 29–37.
 15. Baturina I. L., Loginova Yu. V., Emelyanov I.V., Nikushkina K.V., Zotova M.A., Nikonova T.I. Analysis of T- and B-cells of different levels of differentiation and their prognostic role in miscarriage // *Russian Journal of Immunology*. – 2020. – № 2. – P. 181–186.
 16. Irgova E. Z., Tlostanova L.K., Midov A.Z., Sabanova R.K., Gubzhokova A.B. Factors affecting the development of miscarriage // *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: natural and technical sciences*. – 2019. – № 1. – P. 92–96.
 17. Gomez-Lopez N., Romero R., Garsia-Flores V. et al. Amniotic fluid neutrophils can phagocytize bacteria: A mechanism for microbial killing in the amniotic cavity // *American journal of reproductive immunology*. – 2017. – № 4. – P. 139–48.
 18. Kusanovic J.P., Romero R., Martinovic C. et al. Transabdominal collection of amniotic fluid “sludge” and identification of *Candida albicans* intraamniotic infection // *The Journal of Maternal-Fetal and Neonatal Medicine*. – 2018. – № 10. – P. 1279–1284.
 19. Adanir I., Ozyuncu O., Gokmen Karasu A.F., Ongeroglu L. Amniotic fluid “sludge”; prevalence and clinical significance of it in asymptomatic patients at high risk for spontaneous preterm delivery. // *The Journal of Maternal-Fetal and Neonatal Medicine*. – 2018. – № 2. – P. 135–140.
 20. Pustotina O. A. “Sludge” in amniotic fluid // *Medical Council*. – 2018. – № 7. – P. 64–73.

Основные особенности физикального обследования плечевого сустава

Бобунов Дмитрий Николаевич,

к.м.н., доцент кафедры лечебной физкультуры и спортивной медицины, ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова»
E-mail: bobunovdn@gmail.com

Овасапян Эдгар Джаникович,

студент, ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова»
E-mail: bobunovdn@gmail.com

Чеснокова Анна Алексеевна,

студент, ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова»
E-mail: bobunovdn@gmail.com

Катыхина Валентина Валерьевна,

студент, ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова»
E-mail: bobunovdn@gmail.com

Мармыш Валерия Александровна,

студент, ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова»
E-mail: bobunovdn@gmail.com

Движения в плечевом суставе представляют собой сложное взаимодействие мягкотканых и суставных структур, которые важно учитывать при физикальном обследовании. Это сильно затрудняет дифференциальную диагностику и постановку диагноза и приводит к некачественному оказанию медицинской помощи. Важной функцией плечевого пояса является помощь в перемещении верхней конечности по плоскостям. В нем выделяют грудино-ключичное, акромиально-ключичное, лопаточно-грудинное и плечелопаточное сочленения. Синхронизация работы всех суставов имеет ключевое значение, а дисфункция одного из них снижает функциональные возможности верхней конечности в целом.

На основе экспериментальных данных разработана методика физикального обследования плечевого сустава, позволяющая ускорить диагностику функциональных возможностей поврежденной конечности и общей работоспособности пациента, что позволяет значительно снизить сроки восстановительного лечения и временной нетрудоспособности.

Ключевые слова: реабилитация, лечение, плечевая кость, перелом, плечевой сустав, лечебная физкультура, восстановление.

Введение

Грудино-ключичный сустав малоподвижен, но испытывает значительные нагрузки, поэтому подвержен остеоартрическим дегенерациям, образованию остеофитов, нередко наблюдается отек мягких тканей. Акромиально-ключичный сустав также имеет сниженную амплитуду движения и подвержен дегенеративно-дистрафическим изменениям, что значительно снижает двигательную функцию плечевого сустава в целом. Лопаточно-грудинное сочленение не является синовиальным, стабилизируется благодаря мягкотканым прикреплениям лопатки к грудной клетке. Плече-лопаточный сустав имеет большую амплитуду движения и является многоосевым шаровидным соединением. Его вспомогательным аппаратом служат подлопаточное сухожилие спереди, сухожилие надостной мышцы и длинной головки двуглавой мышцы сверху и сухожилия подостной и малой круглой мышцы сзади. Ротаторная манжета стабилизирует головку плечевой кости, образуя ось вращения, поэтому дельтовидная и большая грудная мышца имеют возможность эффективно прилагать силу. Немаловажное значение в стабилизации плечевого сустава имеют капсулярные связки, в особенности нижняя суставно-плечевая связка (НСПС). Это самый важный элемент в пассивной стабилизации передней головки плечевой кости. Отрыв сухожилия в переднем крае суставной впадины – частое повреждение, последствие которого – передняя травматическая нестабильность плеча. Разрыв сухожилия НСПС может происходить и с плечевой стороны. НСПС обеспечивает переднюю пассивную устойчивость головки плечевой кости и может быть разорвана после смещения или переднего травматического подвывиха головки плечевой кости.

Цель исследования: подготовить методику физикального обследования плечевого сустава для обучения врачей восстановительного профиля.

Материалы и методы исследования

При осмотре пациента важное значение имеет его поза и как он располагают верхнюю конечность. Следует визуально оценить придерживает ли пациент руки или держит ее расслабленной. На сколько активно он использует руку и подает ли врачу для рукопожатия и как меняется его мимика во время движения рукой, в зависимости от интенсивности и локализации боли. Возникающие расстройства пациента могут быть связаны с этническим происхождением, полом, возрастом, типом телосложения, статическим или динамическим положением туловища, классом труда, активностью в свобод-

ное время, а также непривычными для пациента действиями.

Локализация симптомов информирует врача о причине жалоб. Например, боль, локализованная выше латеральных отделов плечевого сустава, может исходить из С5. Иррадиация болей в плечевой сустав могут исходить из височного сустава и локтевого, а также от внутренних органов: сердца, желчного пузыря, поджелудочной железы.

Пальпация пациента начинается из положения сидя. Следует обратить внимание на симметричность контуров костей, мышц и складок кожи, далее оценить изменения окраски кожи, родимые пятна, открытые полости, раны и шрамы. Чтобы оценить подлежащие структуры необходимо использовать направленное и щадящее усилие, чтобы боль у пациента не усилилась. Допускается изменение боли по шкале ВАШ на 1–2 балла. Для определения костных структур переднего отдела врачу необходимо встать лицом к сидящему пациенту и положить указательный палец на углубление между ключицами, а именно яремную вырезку. Далее палец смещается кверху и латерально где пальпируется суставная щель грудино-ключичного сустава. Суставы обследуются одновременно, при этом следует попросить пациента «пожать» плечами, что даст возможность эффективнее оценить расположение и стабильность сустава.

Продолжая пальпацию в латеральном направлении для оценки ключицы. Выпуклость, подвижность, крепитация по ходу кости может указывать на перелом. Также важно оценить состояние надключичных лимфатических узлов, расположенных латеральнее грудино-ключично-сосцевидной мышцы. Чтобы оценить структуру акромиально-ключичного сустава следует смещать палец вдоль ключицы к ее латеральному краю, где можно пропальпировать суставную щель. Врачу следует попросить пациента разогнуть плечо, для ощущения движения в суставе. Акромиального отросток имеет уплощенную поверхность и для его необходимо большим и указательным пальцем пропальпировать задний латеральный отдел сустава. Далее, чтобы пропальпировать большой бугорок плечевой кости, следует провести пальцами до наиболее латеральной части акромниона. К клювовидному отростку прикрепляются малая грудная мышца, клювовидно-плечевая мышца и короткая головка двуглавой мышцы плеча. Его пальпация в норме болезненна, поэтому следует переместить пальцы вниз по диагонали и медиально, далее аккуратно поместить указательный палец между дельтовидной и грудной мышцами, где и будет пальпироваться возвышение клювовидного отростка. Чтобы определить положение межбугорковой борозды необходимо пропальпировать медиальный и латеральный надмыщелки плечевой кости. Для это исследуемая конечность пациента должна находиться в среднем положении между внутренней и наружной ротацией, а пред-

плечье в среднем положении между супинацией и пронацией. Врач перемещает пальцы латерально от клювовидного отростка к малому бугорку плечевой кости, до достижения борозды. В ней находится сухожилие длиной головки двуглавой мышцы, покрытое синовиальной оболочкой, поэтому пальпация может быть болезненной.

Ость лопатки расположена на уровне остистого отростка Т3. Ее пальпация начинается от задней поверхности акромниона медиально вдоль гребня ости лопатки. Медиальный край лопатки следует пальпировать от медиальной половины ости лопатки, до ее верхнего угла на уровне Т2. Здесь прикрепляется мышца, поднимающая лопатку. Во время пальпации необходимо выяснить ее прилегание к ребрам. Продолжая пальпацию латерально от нижнего угла лопатки вдоль латерального края можно пропальпировать подлопаточную мышцу, большую и малую круглую.

Пальпация мягкотканых структур следует начинать с грудино-ключично-сосцевидной мышцы. При этом пациент одновременно наклоняет и поворачивает голову в сторону пальпируемой мышцы. Дистально мышца прикрепляется к рукоятке грудины и медиальном конце ключицы. Далее пальцы врача смещаются вверх в латеральном направлении до сосцевидного отростка височной кости.

Пальпация трапецевидной мышцы начинается с ее верхних пучков. Врач находится сзади пациента и перемещает пальцы вниз и в латеральном направлении от наружного затылочного бугра к латеральной трети ключицы. При этом задние отделы мышцы пальпируются большим пальцем, а передние указательным и средним.

Большая грудная мышца пальпируется на грудной стороне ключицы и вдоль грудины до уровня шестого или седьмого ребра до места ее прикрепления к гребню большого бугорка плечевой кости.

Обследование дельтовидной мышцы начинается ключицы. Врач перемещает руки книзу и латерально. Далее пальпируя мышцу, следует по ходу волокон от акромниона к дельтовидной бугристости. Иррадиация болей в дельтовидную мышцу возможна при новообразованиях диафрагмы или ИБС.

Чтобы обследовать большую и малую ромбовидную мышцы врачу необходимо встать позади сидящего пациента. Пальпация идет вдоль позвоночного края лопатки, при этом пациент заводит руку назад на талию и приводит лопатку медиально.

При исследовании подмышечной ямки врач находится спереди от пациента. Необходимо удерживать руку пациента за предплечье при согнутом локтевом суставе. Обхватив большую грудную мышцу большим, указательным и средним пальцем, можно пропальпировать переднюю стенку подмышечной ямки. Далее следуя к медиальной стенке ямки вдоль ребер и передней зубчатой мышцы можно пропальпировать лимфатические узлы.

Чтобы оценить мышцы, входящие в состав ротаторной манжеты пациенту необходимо завести руку назад на талию в положении внутренней ротации и разгибания. Данная позиция позволяет оценить состояние сухожилий единым блоком.

Заключение

В настоящее время нет единого представления о способах дифференциальной диагностики пациентов с заболеваниями плечевого сустава. Современной восстановительной медицине необходимы эффективные лечебно-диагностические алгоритмы для оказания помощи пациентам с заболеваниями плечевого сустава и мягкотканых структур. Проблемы дифференцированного подхода в постановке диагноза и выборе тактики индивидуального лечения при травматических повреждениях плечевого сустава изучены не до конца и представляют значимый клинический интерес. Для выявления нарушений объема и плавности движений, обусловленных травматическими повреждениями, прогнозирования и планирования тактики комплексного лечения необходимо регулярно практиковать методики физикального обследования. Для оценки степени тяжести патологии, планирования комплекса необходимых диагностических мероприятий и тактики лечения на ранних этапах диагностики необходимо применять физикальное обследование плечевого сустава по предложенному алгоритму.

Литература

1. Авдейчиков Д.А. Реабилитация больных с переломами верхних конечностей при помощи автоматизированной мехатронной системы на основе аппарата га илизарова // *Colloquium-journal*. – Голопристанский миськрайонный центр занятости= Голопристанский районный центр занятости, 2019. – № . 17–3. – С. 12–18.
2. Бобунов Д. Н., Соломахин С.С., Сулейманова Л.Ю. и др. Реабилитация спортсменов после травмы плеча: сравнительная оценка эффективности и удовлетворенности результатами // *Медико-фармацевтический журнал «Пульс»*. – 2021. – Т. 23. – № . 6. – С. 13–19.
3. Бурматов Н. А., Герасимов А.А., Сергеев К.С. Методика реабилитации пациентов с последствиями переломов плечевой кости // *ДТП как проблема федерального уровня. Медицинская помощь пострадавшим в ДТП*. – 2021. – С. 22–25.
4. Бурматов Н. А., Сергеев К.С., Герасимов А.А. Комбинированная методика реабилитации пациентов зрелого и пожилого возраста с переломами плечевой кости // *Медицинская наука и образование Урала*. – 2019. – Т. 20. – № . 4. – С. 148–153.
5. Дубовик С. Л., Бодня А.И. Ранняя реабилитация больных после оперативных вмешательств на дистальном отделе плечевой кости. – 2021 – С. 36–41.

6. Исомадинов А. А., Безгодков Ю.А. Переломы проксимального отдела плечевой кости // *Международный студенческий научный вестник*. – 2021. – № . 2. – С. 25–25.
7. Солопова А.А. Физическая реабилитация спортсменов-пловцов с импинджмент-синдромом плечевого сустава на поликлиническом этапе // *Сборник материалов Межрегиональных итоговых научных конференций студентов» Студенческая наука» и» Молодые ученые ГЦОЛИФК»*. – 2018. – С. 213–216.
8. Тихоплав О. А., Гурьянова Е.А. В помощь практикующему врачу: принципы лечебной физкультуры при травмах конечностей // *Здравоохранение Чувашии*. – 2019. – № . 4. – С. 90–100.
9. Punnoose A., Fisk R., Triggs F. et al. Rehabilitation of conservatively managed proximal humerus fractures: a systematic review of the literature // *Physiotherapy*. – 2019. – Т. 105. – С. 15.
10. Mindova S., Koev N. Neuroreflex mechanisms of action as part of physiotherapy in distal humerus fractures in the early postoperative period // *Journal of IMAB—Annual Proceeding Scientific Papers*. – 2020. – Т. 26. – № . 4. – С. 3452–3457.
11. Kwan L. L., MacIntyre N.J. Rehabilitation of proximal humerus fractures: An environmental scan of Canadian physiotherapy practice patterns // *J Nov Physiother Rehabil*. – 2017. – Т. 1. – С. 104–119.
12. Perracini M. R., Kristensen M.T., Cunningham C. et al. Physiotherapy following fragility fractures // *Injury*. – 2018. – Т. 49. – № . 8. – С. 1413–1417.

MAIN FEATURES OF THE PHYSICAL EXAMINATION OF THE SHOULDER JOINT

Bobunov D.N., Ovasapyan E.D., Chesnokova A.A., Katykhina V.V., Marmysh V.A. North-Western State Medical University. I.I. Mechnikov

Movement in the shoulder joint is a complex interaction of soft tissue and articular structures that are important to consider during physical examination. This greatly complicates differential diagnosis and diagnosis and leads to poor quality medical care. An important function of the shoulder girdle is to help move the upper limb along the planes. It distinguishes the sternoclavicular, acromioclavicular, scapular-sternal and humeroscapular joints. Synchronization of the work of all joints is of key importance, and dysfunction of one of them reduces the functionality of the upper limb as a whole. On the basis of experimental data, a method of physical examination of the shoulder joint was developed, which makes it possible to accelerate the diagnosis of the functionality of the injured limb and the patient's overall performance, which can significantly reduce the time of rehabilitation treatment and temporary disability.

Keywords: rehabilitation, treatment, humerus, fracture, shoulder joint, physiotherapy, recovery.

References

1. Avdeychikov D.A. Rehabilitation of patients with fractures of the upper limbs using an automated mechatronic system based on the Halizarov apparatus // *Colloquium-journal*. – Goloprstan district employment center = Goloprstan district employment center, 2019. – no. 17–3. – P. 12–18.
2. Bobunov D. N., Solomakhin S.S., Suleimanova L. Yu. et al. Rehabilitation of athletes after a shoulder injury: a comparative assessment of the effectiveness and satisfaction with the results // *Medical-pharmaceutical journal "Pulse"*. – 2021. – Т. 23. – No. 6. – S. 13–19.
3. Burmatov N. A., Gerasimov A.A., Sergeev K.S. Methods of rehabilitation of patients with consequences of fractures of the hu-

- merus // Road accident as a problem of the federal level. Medical assistance to victims of road accidents. – 2021. – S. 22–25.
4. Burmatov N. A., Sergeev K.S., Gerasimov A.A. Combined method of rehabilitation of mature and elderly patients with fractures of the humerus // Medical Science and Education of the Urals. – 2019. – T. 20. – No. 4. – S. 148–153.
 5. Dubovik S. L., Bodnya A.I. Early rehabilitation of patients after surgical interventions on the distal humerus. – 2021 – S. 36–41.
 6. Isomadinov A. A., Bezgodkov Yu.A. Fractures of the proximal humerus // International Student Scientific Bulletin. – 2021. – no. 2. – S. 25–25.
 7. Solopova A.A. Physical rehabilitation of swimmers with impingement syndrome of the shoulder joint at the polyclinic stage // Collection of materials of the Interregional final scientific conferences of students “Student science” and “Young scientists GT-SOLIFK”. – 2018. – S. 213–216.
 8. Tikhoplav O. A., Guryanova E.A. To help the practitioner: the principles of physical therapy for injuries of the extremities // Health of Chuvashia. – 2019. – no. 4. – S. 90–100.
 9. Punnoose A., Fisk R., Triggs F. et al. Rehabilitation of conservatively managed proximal humerus fractures: a systematic review of the literature //Physiotherapy. – 2019. – T. 105. – P. 15.
 10. Mindova S., Koev N. Neuroreflex mechanisms of action as part of physiotherapy in distal humerus fractures in the early postoperative period // Journal of IMAB—Annual Proceeding Scientific Papers. – 2020. – T. 26. – No. 4. – S. 3452–3457.
 11. Kwan L. L., MacIntyre N.J. Rehabilitation of proximal humerus fractures: An environmental scan of Canadian physiotherapy practice patterns // J Nov Physiother Rehabil. – 2017. – T. 1. – S. 104–119.
 12. Ferracini M. R., Kristensen M.T., Cunningham C. et al. Physiotherapy following fragility fractures //Injury. – 2018. – T. 49. – No. 8. – S. 1413–1417.

Генетические предикторы хронической болезни почек у детей

Искендерова Баян Еркиновна,

PhD докторант, НАО «Медицинский университет Семей»
E-mail: akbayan_440@mail.ru

Мусабекова Жанна Асемкановна,

кандидат медицинских наук, заведующая кафедрой общей
врачебной практики НАО «Медицинский университет Семей»
E-mail: janna.asemkanovna@mail.ru

Кабдрахманова Асель Жанатовна,

ассистент кафедры общей врачебной практики НАО «МУС»,
НАО «Медицинский университет Семей»
E-mail: ra8689@mail.ru

Ахметова Сажиджа Саутовна,

ассистент кафедры общей врачебной практики НАО «МУС»,
НАО «Медицинский университет Семей»
E-mail: sazhida_0302@mail.ru

Жунусова Меруерт Куанышпеккызы,

ассистент кафедры общей врачебной практики НАО «МУС»,
НАО «Медицинский университет Семей»
E-mail: meruertzhunusova@gmail.com

В исследовании объясняется, почему хронические заболевания у несовершеннолетних, включая почечные нарушения, сегодня являются очень актуальной проблемой, почему они в настоящее время настолько распространены. В рамках работы мы рассмотрели и раскрыли термин «хроническая почечная болезнь у ребенка» и ее признаки, указали аспекты, которые влияют на более тяжелое протекание заболевания. Мы определили и описали наследственный характер появления патологических состояний – генетических предикторов, оказывающих влияние на образование и развитие детских хронических заболеваний, связанных с почками. В работе рассказывается о генетическом полиморфизме. Определен ряд источников, активизирующих ошибку в работе ренин-ангиотензиновой системы, дана оценка генетическому исследованию десятков несовершеннолетних больных, имеющих проблемы с мочеполовым аппаратом, и классифицированы дети с повышенными рисками возникновения болезней почек. Также мы определили, как связаны генетический полиморфизм PАС, эндотелиальные аспекты и гены иммунитета с появлением и прогрессированием разных почечных болезней хронического характера у несовершеннолетних.

Ключевые слова: генетический предиктор, почечная болезнь, ген, диабет.

О генетических предикторах почечных заболеваний хронической природы у несовершеннолетних.

Сегодняшняя ситуация может объективно называться «временем эпидемий» из-за большого количества хронических болезней. Статистика свидетельствует, что 50% всех жителей мира имеют ту или иную хроническую болезнь. Проблема может быть связана с легкими, почками, сердцем, диабетом, а порой сразу с несколькими заболеваниями.

Примерно 850 миллионов жителей Земли страдают почечными болезнями. В Казахстане это заболевание встречается вдвое чаще в сравнении с развитыми государствами. Главная причина в том, что такие болезни зачастую выявляют только на поздних стадиях, поэтому число «почечников» постоянно увеличивается, а вопрос продолжает оставаться нерешенным и отвлекает на себя существенные денежные траты.

Любая хроническая болезнь, возникшая в детском возрасте, оказывает негативное воздействие на самые разные стороны жизни человека. Речь не только об общем состоянии здоровья индивида, но и о его социальной коммуникации, двигательной активности, психологическом здоровье и всех других аспектах жизнедеятельности.

Многие хронические болезни у ребят развиваются из-за диатеза (то есть имеет место наследственная предрасположенность) и негативного воздействия того или иного внешнего (иммунного, социального, экономического, экологического) аспекта. Раньше детским хроническим почечным проблемам не придавали должного значения, считая их малозначимыми. Сегодня же такие болезни рассматриваются в качестве широкомасштабной медицинской и социальной проблемы. По распространенности они сравнимы с некоторыми другими серьезными аутоиммунными болезнями, в частности, сахарным диабетом.

То или иное хроническое неинфекционное заболевание ежегодно становится причиной смерти колоссального числа жителей во всем мире, ухудшает жизнь заболевшего человека, оборачивается разными осложнениями, включая инвалидность и потребность в дорогостоящем терапевтическом лечении. Именно к таким серьезным болезням можно отнести хроническое почечное заболевание.

Люди с хронической болезнью почек – это все больные, имеющие признаки нарушения почечной деятельности, например, у них снижены фильтрационные возможности этого органа на протяжении минимум девяноста дней.

Как известно, у пожилых людей в возникновении почечных заболеваний виноваты преимущественно

сахарный диабет и гипертония. А вот у несовершеннолетних эти болезни появляются из-за генетической предрасположенности. Чаще всего в патологических состояниях следует винить мутации хромосом и дефекты в генах. Ряд исследований показывает, что есть прямая связь почечных болезней и полиморфных генов, осуществляющих кодирование разных медиаторов развития продолжительных почечных заболеваний, включая элементы PАС.

Нарушения PАС могут появиться из-за бактериальных и вирусных инфекций, лекарств, токсичных веществ, нагрузки высокобелкового рациона и так далее. Однако любое сегодняшнее исследование доказывает, что роль генов в нарушении работы почек самая главная. На развитие хронических болезней почек из-за генетической предрасположенности влияют самые разные гены, и эта область с особой активностью исследуется в последнее время.

Благодаря генетическому разнообразию популяция приобретает ряд дополнительных преимуществ. Вид имеет больше шансов выжить, когда среда обитания меняется. В белках, кодируемых разными аллелями одной ДНК, выполняются одни и те же функции, и воздействие генетического полиморфизма на функционирование живого существа отсутствует. Однако они могут иметь значение, когда организму требуются защитные реакции, а также от них зависит предрасположенность к болезням, включая почечные.

Описание гена АПФ произошло еще больше двадцати лет назад. У здоровых несовершеннолетних его уровень может отличаться в пять раз. Конкретный больной обладает довольно устойчивым его уровнем. У различных популяций он встречается с различной частотой. Допустим, дети определенной расы имеют аллели I/D в одном количестве, а дети иной расы – в другом.

Аллель D возникает, поскольку циркулирует много (до пятидесяти процентов) ангиотензинпревращающего фермента, а также его много в тканях. Отсутствуют доказательства, что полиморфизм АПФ I/D как-то связан с систолическим и диастолическим артериальным давлением у европеоидов. Однако установлено: втрое больше вероятность того, что протеинурия или гипертония разовьются у ребенка с генотипами D/D генома АПФ. В работах ученых установлена зависимость между I/D полиморфизмом генома ACE и образованием хронического заболевания почек.

Ангиотензиноген хорошо изучен, уже описано свыше пятнадцати полиморфизмов. Самыми важными полиморфизмами признаны в 235-м кодирующем триплектоиде и в 174-м. Аллель 235 T своим существованием обязан повышенному уровню ангиотензиногена.

В последние десять лет наука стала активнее изучать ангиотензин II, который содержит репродуктивная система и все ткани, например, эндотелий сосудистой системы.

В генетическом обследовании участвовали дети в количестве 46 человек, имеющие проблемы

с мочевыделительной системой. В контрольную группу вошли тридцать их сверстников, не имеющих на данное время таких проблем.

Исследование должно продемонстрировать полиморфизм генов AGT (Met-235-Thr) и (Thr-174-Met), R-1-AGT (A-1166-C), NOS-3 (C-786-T), END-1 (Lys-198-Asn), ACE (D/I), IL-4 (C-589-T), TNF (G-308-A).

Удалось определить, что у несовершеннолетних больных с каким-либо нозологическим типом нефропатии чаще встречается мононуклеотидный полиморфизм генов, оказывающих влияние на ренин-ангиотензиновую систему, и их увеличение сильно активизирует ангиотензин II. С наибольшей частотой у исследуемых детей обнаруживали генетический полиморфизм ангиотензиногена Met-235-met и Thr-174-Thr, что является подтверждением исходных данных и их воздействия на возникновение и прогресс хронического почечного заболевания.

Среди генов эндотелиального механизма, оказывающего существенное влияние на нормализацию воспалительного процесса, обнаружена закономерность в распределении полиморфизмов. Если гены эндотелина-1 и NO-синтазы обладают чрезмерной экспрессией, компенсаторные механизмы начинают работать хуже, и болезнь начинает прогрессировать. Полиморфизмы генома эндотелина-1 в основной и контрольной группе встречались примерно с одинаковой частотой. Что касается полиморфизма генома эндотелиальной синтазы C-786-T (NOS-3), то они у здоровых подопытных наблюдаются вдвое реже, чем у больных нефропатией.

Детальное клиническое генетическое исследование позволило прийти к выводу, что присутствует связь между полиморфизмами ACE (D), R-1-AGT (1166C), AGT (174-Met) и (235Thr), NOS-3 (786-T) и такими проблемами, как гипертония, неправильная микроциркуляция в почках и прогрессирующее развитие почечных болезней.

Самая неприятная ситуация связана с полиморфизмом генома ACE по D-аллели. Обычно он свойственен больным, имеющим хронические проявления болезней почек третьей-пятой степеней. Гипертонию в большинстве случаев фиксируют у людей с аллелями генома ACE-D/D.

Если говорить об умеренной или выраженной протеинурии, то она обычно свойственна детям с генами D/D. У «хроников» с почечными заболеваниями третьей-пятой стадий геномы D/D АПФ связаны с AGT Thr174-Met и Met235-Thr, Thr-235-Thr и R1-AGT (A-1166-C) с большей частотой, нежели у тех, кто имеет не такую серьезную степень заболевания почек.

У несовершеннолетних, имеющих среднюю степень болезни, в большинстве случаев фиксировались варианты D/I АПФ, M-235-T и T-174-M генома ангиотензиногена. Легко протекала болезнь у тех, кто имеет I/I ACE и дикую или гетерозиготную разнородность генов ангиотензиногена и R1AGT.

Когда изучались структурные почечные нарушения при помощи ультразвукового диагностиро-

вания и наличие того или иного аллеля геномов PAC, удалось выявить, что у пациентов, имеющих хроническую недостаточность почек и сочетающих минимум два полиморфизма геномов (D/I либо D/D) ACE, (174Met) и (235-Thr) AGT, R-1-AGT (1166-C) или единственный полиморфный вариант генов АПФ (D/D), в большинстве случаев фиксировали асимметричность габаритов почек (до шести сантиметров), нефрэктомия проведена четырем пациентам из-за повторного нефросклероза.

У ребят, имеющих длительную почечную болезнь и выраженный полиморфизм ACE (I/I), различия в размерах параметров составляют пять-семь миллиметров. Кроме того, истончились паренхиматозные ткани, нарушена кортико-медуллярная дифференциация, обнаружены гиперэхогенные изменения, обеднен ренальный кровоток, уменьшились линейные размеры и объем почек на пораженных участках, фиксировались неровные контуры органов.

Проведя дуплексное исследование почечных сосудов, обнаружено, что снизились минимальная и максимальная диастолическая скорости кровотока, возросло почечное сосудистое сопротивление у «почечных хроников» с полиморфизмом геномов ACE (DD и DI) и (или) его сочетанием с R-1-AGT (1166-C), AGT (174-Met) и (235-Thr), NOS-3 (786-T).

Получается, что дети с почечными проблемами отличаются от здоровых той частотой, с которой встречаются мононуклеотидные полиморфизмы геномов, воздействующих на PAC и аспекты эндотелиального характера. «Плохие» полиморфизмы упомянутых выше геномов сказываются на протекании и развитии болезни.

Наблюдается четкая взаимосвязь между полиморфными маркерами NOS3 (786-T), ACE (D), R-1-AGT (1166C), AGT (235-Thr) и (174-Met) и такими нарушениями, как протеинурия и гипертония, а также клубочковая фильтрация происходит медленнее, нарушается структура почек и сосудистая регуляция с микрогемодинамикой, прогрессирует течение почечных болезней разного происхождения, почки начинают функционировать неправильно.

Сегодня медики добились серьезных успехов в различных сферах. Они осуществляют поиск и изучение этиологических аспектов, исследование механизмов образования и прогрессирования заболеваний, разработку и апробирование инновационных схем и подходов к лечению.

Каждый год в один из мартовских дней организуется проведение Всемирного дня почки. Он необходим, чтобы привлечь к этой проблеме внимание населения, а также международных и государственных структур. По статистике ВОЗ, каждый десятый человек на земном шаре имеет какую-то почечную болезнь. Большая их часть болеет хронически, то есть заболевание беспокоит человека практически всю жизнь.

По этой причине к почечным болезням нужно относиться максимально серьезно, поскольку данный парный орган крайне важен для функциони-

рования организма. Его функции: «очищение» организма от продуктов распада, выведение воды и опасных веществ, участие в гормональных процессах, содействие обмену витаминами и минеральными соединениями, регулирование уровня АД, поддержка электролитного равновесия. И это далеко не все.

Следовательно, проблемы с почками, и об этом уже сказано, понижают активность человека в социальном пространстве, не дают ему жить в полную силу, часто оборачиваются отрицательными и необратимыми последствиями. Особенно опасны неизменяемые аспекты, от которых зависит то, как будут образовываться и развиваться опасные хронические заболевания.

По этой причине изучение генетики детских почечных проблем через полиморфизм геномов предоставляет возможности для выявления категорий людей, находящихся в зоне риска с точки зрения возникновения и прогресса подобных заболеваний в детском возрасте, а также для обеспечения своевременных профилактических мер. Здесь помогает различное детальное диагностирование патологических состояний.

Каждое генетическое исследование должно обязательно расшифровываться только в комплексе с анамнестической, клинической и другой информацией. Детальное исследование в данной сфере поможет задействовать индивидуальное лечение описываемых заболеваний у несовершеннолетних пациентов.

Литература

1. Седашкина, Маковецкая, Печкуров. Роль некоторых генетических факторов в прогрессировании хронической болезни почек у детей. Нефрология, 2015.
2. Комарова О.В. Клинико-молекулярные основы прогрессирования хронической болезни почек у детей. Педиатрия, 2014.
3. Гарманова Т.Н. Генетические причины врожденных заболеваний почек и верхних мочевыводящих путей. Обзор литературы, 2016.
4. Ахметшин Р.З. Предикторы прогрессирования хронической болезни почек у детей с пороками развития мочевыводящей системы, 2017.
5. Басеева Т.Ю., Панкратенко Т.Е., Буров А.А. и др. Причины и течение хронической болезни почек у детей дошкольного возраста.
6. Даминова М.А. Хроническая болезнь почек у детей: этиология, классификация и факторы прогрессирования.

GENETIC PREDICTORS OF CHRONIC KIDNEY DISEASE IN CHILDREN

Iskenderova B.E., Musabekova Zh.A., Abdrakhmanova A. Zh., Akhmetova S.S., Zhunusova M.K.

Semey Medical University

The article shows the special relevance and significance of the problem of chronic diseases in children in the modern world, including kidney diseases, as well as their extensive prevalence. The concept

of chronic kidney disease in children and its criteria are considered and disclosed, the factors affecting the severity of the disease are listed. The hereditary nature of the formation of pathologies – genetic predictors affecting the occurrence and progression of chronic kidney disease in children – has been identified and described. Such a key concept as gene polymorphism is considered. Numerous sources of activation of RAS disorders have been identified, a genetic study of a large sample of children with diseases of the genitourinary system has been reviewed and evaluated, and groups of children with an increased risk of developing kidney diseases have been identified. The association of polymorphism of RAS genes, endothelial factors and immune system genes with the formation and development of various chronic kidney diseases in children has been established.

Keywords: genetic predictor, kidney disease, gen, diathesis.

References

1. Sedashkina, Makovetskaya, Pechkurov. The role of some genetic factors in the progression of chronic kidney disease in children. *Nephrology*, 2015.
2. Komarova O.V. Clinical and molecular foundations of the progression of chronic kidney disease in children. *Pediatrics*, 2014.
3. Garmanova T.N. Genetic causes of congenital diseases of the kidneys and upper urinary tract. Literature review, 2016.
4. Akhmetshin R.Z. Predictors of progression of chronic kidney disease in children with malformations of the urinary system, 2017.
5. Aseeva T. Yu., Pankratenko T.E., Burov A.A. et al. Causes and course of chronic kidney disease in preschool children.
6. Daminova M.A. Chronic kidney disease in children: etiology, classification and factors of progression.

Современные аспекты этиопатогенеза гиперпластических процессов эндометрия у женщин репродуктивного возраста

Ефремова Наталия Владимировна,

студент, Институт «Медицинская академия имени С.И. Георгиевского», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
E-mail: natasha_horunzhaya@mail.ru

Румянцева Зоя Сергеевна,

кандидат медицинских наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой акушерства, гинекологии и перинатологии № 1, Институт «Медицинская академия имени С.И. Георгиевского» Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
E-mail: zoyarum@inbox.ru

Сулима Анна Николаевна,

доктор медицинских наук, профессор кафедры акушерства, гинекологии и перинатологии № 1, Институт «Медицинская академия имени С.И. Георгиевского», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
E-mail: gsulima@yandex.ru

Москвина Виктория Олеговна,

студент, Институт «Медицинская академия имени С.И. Георгиевского», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
E-mail: moskvinavika99@gmail.com

Все большую значимость среди патологий в онкогинекологии приобретает проблема развития пролиферативных заболеваний эндометрия – 38,9%. По современным данным при атипичной форме гиперплазии увеличивается частота трансформации гиперплазии эндометрия (ГЭ) в рак эндометрия (РЭ) до 28,1%. В течение последних 5 лет в России в 1,8 раз возрастает число больных РЭ. В литературе отмечается, что более четверти пациенток репродуктивного возраста из общего числа подвергаются развитию РЭ. В 80,4% случаев РЭ диагностируется на I стадии заболевания, а благодаря эффективным результатам государственной программы ранней диагностики онкопатологии, пятилетняя выживаемость женщин достигает практически 90,2%. В статье представлены современные данные об этиопатогенетических механизмах возникновения гиперпластических процессов у женщин репродуктивного возраста. Определена роль эстрогена, экспрессии эстрогеновых и прогестероновых ядерных рецепторов и описаны пролиферативно-апоптотические механизмы развития патологии среди пациенток молодого возраста.

Ключевые слова: репродуктивный возраст, гиперэстрогения, гиперплазия эндометрия, рак эндометрия, пролиферация.

В настоящее время отмечается рост заболеваемости гиперпластическими процессами эндометрия (ГПЭ) среди женщин репродуктивного возраста, насчитывая до 210000 случаев в год [1]. Гиперплазия эндометрия (ГЭ) обусловлена патологическим диффузным или очаговым утолщением железисто-стромального компонента слизистой оболочки матки. Происходит увеличение частоты трансформации ГЭ в рак эндометрия (РЭ) до 28,1% случаев при атипичной форме гиперплазии [2,3]. В России в течение последних 5 лет отмечается тенденция к росту числа больных РЭ в 1,8 раз [4]. Необходимо отметить, что более четверти пациенток репродуктивного возраста из общего числа подвергаются развитию РЭ, при этом он в 80,4% случаев он выявляется на I стадии заболевания, а благодаря эффективным результатам государственной программы ранней диагностики онкопатологии, пятилетняя выживаемость женщин достигает практически 90,2% [1,5]. На сегодняшний день возникла необходимость своевременной диагностики и лечения ГЭ с целью предотвращения перехода ее в РЭ [4].

Основная патогенетическая роль в развитии ГЭ в репродуктивном возрасте отводится гиперэстрогении, развивающейся при нарушении метаболизма и секреции эстрогенов, сопровождающихся увеличением размеров продуцирующих клеток в яичниках и приводящих к воздействию значительных доз данных гормонов на эндометрий [6]. В результате избыточной эстрогенной стимуляции и в отсутствии протективного действия прогестерона происходит аномальная пролиферация желез эндометрия. Согласно литературным источникам последних лет, у женщин репродуктивного возраста на фоне гиперэстрогении в 22,9% случаев определяется ГЭ без атипии, а у 14,1% с атипией [7]. Согласно законам патофизиологии, при относительной гиперэстрогении эстрадиол увеличивает скорость образования стероидсвязывающего глобулина (ССГ), транспортирующего эстроген в кровяное русло [1,8]. При этом избыточная концентрация андрогенов способствует увеличению уровня свободных биологически активных эстрогенов путем снижения выработки ССГ и как следствие увеличение ГПЭ. Нельзя недооценивать и внегонадную продукцию эстрогенов, имеющую важное значение в генезе гиперэстрогении [3,9]. Кроме этого, имеется достаточное количество работ, согласно которым доказано, что ГЭ у женщин репродуктивного возраста может возникнуть на фоне повышенной концентрации андростендиона, являющегося предшественником эстрогенов,

а наиболее наглядными примерами этого патологического процесса мы наблюдаем при таких патологиях, как синдром поликистозных яичников (СПКЯ) и врожденная гиперплазия надпочечников [4,7]. У 28,3% девушек с подтвержденным диагнозом СПКЯ методом ультразвукового исследования была обнаружена ГЭ [4].

Согласно морфофункциональному строению, в эпителиальных и стромальных клетках эндотелия выделяется две изоформы эстрогеновых ядерных рецепторов (ER): ER- α и ER- β и два типа прогестероновых ядерных рецепторов (PR): PR-A и PR-B, участвующих в сигнализации и ингибировании экспрессии генов [5,10]. В результате нарушения транскрипции и сплайсинга происходит изменение в структуре рецептора. В исследовании Masjeed N.M.A. и его соавторов определено, что у женщин репродуктивного возраста отмечается повышение сплайсинга 5 экзона гена ER- α при ГПЭ, что может привести к значительной опухолевой прогрессии [10]. PR-B рецептор является активатором транскрипции и агонистом эстрогена, усиливающего процесс гиперплазии эндометрия. Поэтому, предотвращение эстрогенной стимуляции возможно на фоне подавляющего действия рецептора PR-A в отношении PR-B, что позволяет предотвратить в дальнейшем РЭ [11]. При изучении чувствительности рецепторного аппарата эндометрия к гормонам яичников было установлено, что у 34,5% женщин репродуктивного возраста с ГЭ концентрация ER выше, чем у здоровых пациенток [12].

В современной медицине один из основных, ранних методов диагностики онкопатологии базируется на иммуногистохимических маркерах [13]. Так, инсулиноподобный фактор роста-1 (ИФР-1) является локальным медиатором ростостимулирующей активности стероидных гормонов в отношении эндометрия. Увеличение экспрессии ИФР-1 регулируется повышенным уровнем эстрадиола в стадию пролиферации менструального цикла [14]. Выявлено, что у женщин репродуктивного возраста с атипичской гиперплазией эндометрия отмечается повышение в 6,5 раз концентрации в плазме крови эпидермального фактора роста (ЭФР), стимулирующего пролиферативную активность эндотелиальных клеток, чем у здоровых пациенток [15].

Согласно учению о диффузной эндокринной системе, немаловажное значение имеют клетки APUD-системы (Amino Prekursor Uptake and Decarboxylation), вырабатывающие биологические амины: инсулин, серотонин, гистамин, мелатонин, гастрин, серотонин, норадреналин, паратгормон, брадикинин, простагландины [8,16]. Было установлено, что при ГПЭ в репродуктивном возрасте концентрация апудоцитов увеличивается в 24,8 раз, что говорит о их прямом участии в стимуляции процессов клеточной пролиферации [17].

Важным патогенетическим звеном является нарушение регуляции между процессами пролиферации и программируемой гибели клеток эн-

дометрия у женщин репродуктивного возраста, в результате чего определяется рецидивирование ГПЭ и повышается риск РЭ [7,9]. Существуют рецепторы, активация которых приводит к индукции апоптоза – DR3 (Death receptor 3), TNFR1 (Tumor necrosis factor receptor 1) и CD95 (Cluster of differentiation 95), с которыми связываются лиганды TNF (Tumor necrosis factor), и CD178 (Cluster of differentiation 178), из семейства цитокина TNF, выработка которого усиливается макрофагами в момент воспалительного ответа. Результатом взаимодействия TNF и TNFR1 является активация белка TRADD (TNF receptor-associated death domain), который стимулирует продукцию ядерного фактора транскрипции NF- κ B (nuclear factor κ B), который свидетельствует о задержке апоптоза, но может выполнять не только антиапоптотическую, но и проапоптотическую функцию [10,18]. У 73,1% пациенток репродуктивного возраста с атипичской гиперплазией был выявлен высокий уровень TNF, что говорит о его локальной активации при ГЭ [19]. Установлено, что Bcl-2 (B-cell lymphoma 2) является протоонкогеном, ингибирующим апоптоз. При сравнении с секреторным эндометрием была обнаружена гетерогенность экспрессии Bcl-2 у женщин с ГЭ, повышенным уровнем белка, который ингибирует апоптоз [10]. В структуре гена p53 установлены генотипы A/A и P/A, достоверно чаще встречающиеся у 84,6% женщин репродуктивного возраста с ГПЭ в анамнезе, чем у здоровых пациенток (2,1%) [20]. Торможение апоптоза достигается путем снижения уровня экспрессии маркеров этого процесса при ГПЭ [10].

Заключение. В основе этиопатогенетического развития гиперпластических процессов эндометрия у женщин репродуктивного возраста лежат гормональные и пролиферативно-апоптотические механизмы. И только использование современных методов диагностики в медицине на этапах выявления предикторов онкопатологии может быть эффективным средством профилактики в нынешнем мире.

Литература

1. Кулавский В. А., Пушкарёв В.А., Кулавский Е.В., Пушкарёв А.В. Этиопатогенез гиперпластических процессов эндометрия у женщин репродуктивного возраста // Медицинский вестник Башкортостана. – 2019. – № 2(80). – С. 71–80.
2. Пономарева И. В., Полоников А.В., Чурнусов М.И. Гиперпластические процессы эндометрия: этиопатогенез, факторы риска, полиформизм генов-кандидатов // Акушерство и гинекология. – 2019. – № 1. – С. 13–18.
3. Чернуха Г. Е., Асатурова А.В., Иванов И.А., Думановская М.П. Структура патологии эндометрия в различные возрастные периоды // Акушерство и гинекология. – 2018. – № 8. – С. 129–134.
4. Безнощенко Г. Б., Макарина Л.Г., Кравченко Е.Н., Кропмаеер К.П., Гуртавлева К.С. Со-

четанная дисгормональная патология репродуктивной системы у женщин детородного возраста // Дальневосточный медицинский журнал. – 2018. – № 3. – С. 13–15.

5. Erdem B., Ascioglu O., Seyhan N.A. et. al. Can concurrent high – risk endometrial carcinoma occur with atypical endometrial hyperplasia? // International Journal of Surgery. – 2018. – № 53. – P. 350–353.
6. Ордиянц И. М., Куулар А.А., Ямурзина А.А., Базиева Т.А. Современные представления о частоте встречаемости полиморфизма генов ERS1 и PRG при гиперплазии эндометрия у женщин репродуктивного возраста // Ульяновский медико-биологический журнал. – 2020. – № 3. – С. 112–120.
7. Ордиянц И. М., Куулар А.А., Ямурзина А.А., Новгинов Д.С., Титов С.Е., Гусейнова Р.Г., Груздева Е.О. Патогенетические механизмы развития гиперплазии эндометрия в репродуктивном возрасте // Вопросы гинекологии, акушерства и перинатологии. – 2020. – № 5. – С. 44–50.
8. Sanderson P. A., Critchley H.O., Williams A.R. et. al. New concepts for an old problem: the diagnosis of endometrial hyperplasia // Human Reproduction Update. – 2017. – № 2. – P. 232–254.
9. Чистякова Г. Н., Гришкина А.А., Ремизова И.И. Гиперплазия эндометрия: классификация, особенности патогенеза, диагностика (обзор литературы) // Проблемы репродукции. – 2018. – № 5. – С. 53–57.
10. Masjeed N.M. A., Khandeparkar S.G. S., Joshi A.R. et. al. Immunohistochemical Study of ER, PR, Ki67 and p53 in endometrial hyperplasias and endometrial carcinomas // Journal of Clinical and Diagnostic Research. – 2017. – № 8. – P. 31–34.
11. Тихомиров А.Л. Практический подход к лечению диффузных доброкачественных гиперплазий эндометрия // Акушерство и гинекология. – 2019. – № 4. – С. 96–100.
12. Саламова К.К., Сапрыкина Л.В., Рамазанова А.М., Мильдзихова З.Т., Столярова Е.В. Клинические особенности пациенток с гиперпластическими процессами эндометрия // РЖМ. Мать и дитя. – 2021. – № 2. – С. 124–129.
13. Pecorino B., Rubino C., Guardala V. et. al. Genetic screening in young women diagnosed with endometrial cancer // Journal of Gynecologic Oncology. – 2017. – № 1. P. e4.
14. Покуль Л.В., Чугунова Н.А., Оразов М.Р., Лебедева М.Г. Гиперпластические процессы женских репродуктивных органов: расширение возможностей диагностики и альтернативной терапии // Медицинский алфавит. – 2018. – № 13(350). – С. 45–51.
15. Boychuk A.V., Vereshchahina T.V., Nikitina I.M. Estimation of relative risk of development and informativeness of diagnostic methods of hyperproliferative processes of endometrium // Wiadomosci lekarskie. – 2020. – № 9. – P. 2004–2009.
16. Vereshchahina T.V., Boychuk A.V., Yakymchuk Y.B. et. al. Morphological changes of the endometrium in hyperplastic process in women of reproductive age // Wiadomosci lekarskie. – 2021. – № 3. – P. 388–394.
17. Cong Q., Luo L., Fu Z. et. al. Histopathology of women with non-uniform endometrial echogenicity and risk factors for atypical endometrial and carcinoma // American journal of translational research. – 2021. – № 5. – P. 4500–4509.
18. Леваков С.А., Шешукова Н.А., Кедрова А.Г., Федотова А.С., Обухова Е.А. Молекулярно-биологические профили гиперплазии эндометрия и эндометриальной интраэпителиальной неоплазии // Опухоли женской репродуктивной системы. – 2018. – № 2. – С. 76–81.
19. Raffone A., Travaglio A., Zullo F.M. et. al. Predictive Accuracy of Progesterone Receptor B in Young Women with Atypical Endometrial Hyperplasia and Early Endometrial Cancer Treated with Hysteroscopic Resection plus LNG-IUD Insertion // Journal of minimally invasive gynecology. – 2021. – № 6. – P. 1244–1253.
20. Nikitina I.M., Horban N.Y., Mykytyn K.V. et. al. The state of reproductive health of women with hyperploliferative pathology of the endometrium // Wiadomosci lekarskie. – 2021. – № 9. – P. 2076–2081.

MODERN ASPECTS OF ETIOPATOGENESIS OF ENDOMETRIAL HYPERPLASTIC PROCESSES IN WOMEN OF REPRODUCTIVE AGE

Efremova N.V., Rumyantseva Z.S., Sulima A.N., Moskvina V.O.
Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky

Among the diseases in oncogynecology, the problem of the development of proliferative diseases of the endometrium is becoming increasingly important – 38.9%. The article presents current data on the etiopathogenetic mechanisms of the occurrence of hyperplastic processes in women of reproductive age. The role of estrogen, expression of estrogen and progesterone nuclear receptors was determined, and proliferative-apoptotic mechanisms of pathology development among young patients were described.

Keywords: reproductive age, hyperestrogenism, endometrial hyperplasia, endometrial cancer, proliferation.

References

1. Kulavsky V. A., Pushkarev V.A., Kulavsky E.V., Pushkarev A.V. Etiopathogenesis of endometrial hyperplastic processes in women of reproductive age // Medical Bulletin of Bashkortostan. – 2019. – № 2 (80). – P. 71–80.
2. Ponomareva I. V., Polonikov A.V., Churnusov M.I. Endometrial hyperplastic processes: etiopathogenesis, risk factors, polymorphism of candidate genes // Obstetrics and Gynecology. – 2019. – № 1. – P. 13–18.
3. Chernukha G. E., Asaturova A.V., Ivanov I.A., Dumanskaya M.R. The structure of endometrial pathology in different age periods // Obstetrics and Gynecology. – 2018. – № 8. – P. 129–134.
4. Beznoshchenko G. B., Makarina L.G., Kravchenko E.N., Kropmaer K.P., Gurtavleva K.S. Combined dysgymonal pathology of the reproductive system in women of childbearing age // Far Eastern Medical Journal. – 2018. – № 3. – P. 13–15.
5. Erdem B., Ascioglu O., Seyhan N.A. et. al. Can concurrent high – risk endometrial carcinoma occur with atypical endometrial hyperplasia? // International Journal of Surgery. – 2018. – № 53. – P. 350–353.
6. Ordians I. M., Kuular A.A., Yamurзина A.A., Bazieva T.A. Modern ideas about the frequency of occurrence of ERS1 and PRG

- gene polymorphisms in endometrial hyperplasia in women of reproductive age // *Ulyanovsk Medical Biological Journal*. – 2020. – № 3. – P. 112–120.
7. Ordiyants I. M., Kuular A.A., Yamurzina A.A., Novginov D.S., Titov S.E., Huseynova R.G., Gruzdeva E.O. Pathogenetic mechanisms of development of endometrial hyperplasia in the reproductive age // *Issues of gynecology, obstetrics and perinatology*. – 2020. – № 5. – P. 44–50.
 8. Sanderson P. A., Critchley H.O., Williams A.R. et. al. New concepts for an old problem: the diagnosis of endometrial hyperplasia // *Human Reproduction Update*. – 2017. – № 2. – P. 232–254.
 9. Chistyakova G. N., Grishkina A.A., Remizova I.I. Endometrial hyperplasia: classification, pathogenesis features, diagnosis (literature review) // *Problems of reproduction*. – 2018. – № 5. – P. 53–57.
 10. Masjeed N.M. A., Khandeparkar S.G. S., Joshi A.R. et. al. Immunohistochemical Study of ER, PR, Ki67 and p53 in endometrial hyperplasias and endometrial carcinomas // *Journal of Clinical and Diagnostic Research*. – 2017. – № 8. – P. 31–34.
 11. Tikhomirov A.L. A practical approach to the treatment of diffuse benign endometrial hyperplasia // *Obstetrics and Gynecology*. – 2019. – № 4. – P. 96–100.
 12. Salamova K.K., Saprykina L.V., Ramazanova A.M., Mildzikhova Z.T., Stolyarova E.V. Clinical features of patients with endometrial hyperplastic processes // *RZhM. Mother and child*. – 2021. – № 2. – P. 124–129.
 13. Pecorino B., Rubino C., Guardala V. et. al. Genetic screening in young women diagnosed with endometrial cancer // *Journal of Gynecologic Oncology*. – 2017. – № 1. P. e4.
 14. Pokul L.V., Chugunova N.A., Orazov M.R., Lebedeva M.G. Hyperplastic processes of female reproductive organs: expanding the possibilities of diagnostics and alternative therapy // *Medical Alphabet*. – 2018. – № 13 (350). – P. 45–51.
 15. Boychuk A.V., Vereshchahina T.V., Nikitina I.M. Estimation of relative risk of development and informativeness of diagnostic methods of hyperproliferative processes of endometrium // *Wiadomosci lekarskie*. – 2020. – № 9. – P. 2004–2009.
 16. Vereshchahina T.V., Boychuk A.V., Yakymchuk Y.B. et. al. Morphological changes of the endometrium in hyperplastic process in women of reproductive age // *Wiadomosci lekarskie*. – 2021. – № 3. – P. 388–394.
 17. Cong Q., Luo L., Fu Z. et. al. Histopathology of women with non-uniform endometrial echogenicity and risk factors for atypical endometrial and carcinoma // *American journal of translational research*. – 2021. – № 5. – P. 4500–4509.
 18. Levakov S.A., Sheshukova N.A., Kedrova A.G., Fedotova A.S., Obukhova E.A. Molecular biological profiles of endometrial hyperplasia and endometrial intraepithelial neoplasia // *Tumors of the female reproductive system*. – 2018. – № 2. – P. 76–81.
 19. Raffone A., Travaglino A., Zullo F.M. et. al. Predictive Accuracy of Progesterone Receptor B in Young Women with Atypical Endometrial Hyperplasia and Early Endometrial Cancer Treated with Hysteroscopic Resection plus LNG-IUD Insertion // *Journal of minimally invasive gynecology*. – 2021. – № 6. – P. 1244–1253.
 20. Nikitina I.M., Horban N.Y., Mykytyn K.V. et. al. The state of reproductive health of women with hyperpliferative pathology of the endometrium // *Wiadomosci lekarskie*. – 2021. – № 9. – P. 2076–2081.

Лечебная физкультура после хирургического восстановления сухожилий пальцев кисти

Бобунов Дмитрий Николаевич,

к.м.н., доцент кафедры лечебной физкультуры и спортивной медицины, ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова»
E-mail: bobunovdn@gmail.com

Бондаренко Диана Сергеевна,

студент, ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова»
E-mail: Nauka6752@yandex.ru

Шалишева Дарья Дмитриевна,

студент, ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова»
E-mail: Zha6752@yandex.ru

Ткачук Михаил Александрович,

Студент, ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова»
E-mail: Nauka-2022@yandex.ru

Морозов Даниил Александрович,

Студент, ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова»
E-mail: tihonova@usk-rnd.ru

Локальная ишемия микрососудов в руке и специфические факторы роста тромбоцитов и фибробластов действуют на клеточном уровне, способствуя образованию плотной популяции миофибробластов и изменению профилей коллагена, наблюдаемых в пораженной ткани. Хирургическое лечение в некоторой степени зависит от предпочтений пациента и четкого понимания возможных осложнений и значительной приверженности послеоперационной терапии. Оперативное лечение целесообразно, когда контрактура пястно-фаланговых или проксимальных межфаланговых суставов превышает 30 градусов. Основой послеоперационной терапии рук являются ранние упражнения с активным сгибанием для восстановления силы захвата. Ночная удлиняющая шина часто используется в течение нескольких месяцев после операции для поддержания коррекции, достигнутой в операционной. Ранний рецидив заболевания чаще всего встречается у лиц с диатезом Дюпюитрена; использование полнослойных кожных трансплантатов может быть полезным для этих пациентов. Поэтому целью работы стала подготовка комплекса лечебной физкультуры после оперативного лечения контрактуры Дюпюитрена.

Ключевые слова: контрактура Дюпюитрена, стенозирующий лигаментит, щелкающий палец, кольцевидная связка, физические упражнения, реабилитация, лечебная физкультура.

Введение

Контрактура Дюпюитрена представляет собой за падение ладонного апоневроза. Его прогрессирующее течение приводит к неустранимой сгибательной деформации одного или нескольких пальцев. Необходима ранняя диагностика, определяющая необходимость лечения. Игольная апоневротомия должна быть первым методом лечения. Эта минимально инвазивная амбулаторная процедура сводит к минимуму количество больничных и не требует иммобилизации или физиотерапии. Несколько исследований подтвердили краткосрочную и среднесрочную эффективность этого лечения и минимальные побочные эффекты при проведении опытными операторами. Многократные процедуры при обширном поражении (несколько узлов) могут быть выполнены в условиях стационара. Тесное сотрудничество между хирургами, травматологами-ортопедами и реабилитологами необходимо для лечения тяжелых форм, неэффективности лечения и множественных рецидивов [1,2,4,6,9,11,12,15].

Ряд авторов считает, что консервативное лечение не устраняет причину защелкивания, временно облегчая пациенту качество жизни, а на второй и третьей стадиях не имеет эффективности [3,5,7,8,10,13,14]

Целью исследования является подготовка комплекса лечебной физкультуры после оперативного лечения контрактуры Дюпюитрена.

Методика выполнения комплекса упражнений (ЛФК)

Упражнения, представленные в статье, требуют индивидуального выполнения для каждого пациента: разные положения конечности и пальцев кисти, механотерапевтические тренажеры для кисти, угол наклона кисти, постановка пальцев кисти на поверхности тумбы, паузы во время выполнения упражнений и т.д. Чтобы правильно выполнить комплекс упражнений нужен следующий инвентарь: тумба, табурет, мяч гимнастический до 8–12 см, гимнастическая резиновая лента для кисти. Лечебный комплекс лфк больной выполняет до 45 минут (5 подходов по 10 повторений).

Упражнение № 1.

И.П. Сидя на табурете, больной кладет восстанавливаемую кисть на тумбу (медиальная локтевая сторона кисти вниз). Далее сжимает кисть в кулак и выполняет активное сгибание и разгибание пораженной кисти, далее разжимает кисть и разводит пальцы в стороны.

2. Упражнение № 2

И.П. Сидя на табурете, пациент кладет восстанавливаемую кисть на гладкую, твердую поверхность тумбы ладонью вниз, пальцы сомкнуты. Затем разводит пальцы латерально. Далее каждый палец восстанавливаемой кисти возвращается в исходное положение.

3. Упражнение № 3

И.П. Сидя на табурете, пациент кладет восстанавливаемую кисть на гладкую, твердую поверхность тумбы ладонью вверх, пальцы сомкнуты, а большой отведен в сторону. Затем поочередно выполняет максимальное активное сгибание каждого пальца со 2-го по 5-й, а пальцами другой руки придерживает остальные пальцы, не участвующие в движении.

4. Упражнение № 4

И.П. Сидя на табурете, пациент кладет восстанавливаемую кисть на гладкую, твердую поверхность тумбы ладонью вверх (пальцы сомкнуты, а большой палец отведен). В восстанавливаемую кисть пациенту инструктор кладет резиновый мяч (размер мяча подбирается индивидуально). Затем больной всеми пальцами кисти сжимает резиновый мяч на 5 секунд, а затем разжимает.

Упражнение № 5 «Вилы»

И.П. Сидя на табурете, пациент кладет восстанавливаемую кисть на гладкую, твердую поверхность тумбы ладонью вниз, пальцы разведены латерально. Затем инструктор лфк помещает эластичную ленту на второй и третий пальцы восстанавливаемой кисти. Больной максимально разводит второй и третий пальцы латерально. Необходимо выполнить такое движение между всеми пальцами поочередно.

И.П. Сидя на табурете, пациент кладет плечо на гладкую поверхность тумбы; предплечье направлено вверх, а пальцы восстанавливаемой кисти выпрямлены. Затем больной, выполняя движение с максимальным усилием, сжимает кисть в кулак.

Упражнение № 7.

И.П. Сидя на табурете, пациент кладет плечо на гладкую, твердую поверхность тумбы, а предплечье направлено вверх, пальцы восстанавливаемой кисти выпрямлены. Производится сгибание средних и дистальных фаланговых суставов. Далее кисть возвращается в исходное положение.

И.П. Сидя на табурете, больной кладет восстанавливаемую кисть на гладкую, твердую поверхность тумбы ладонью вниз. Затем выполняет сгибание и разгибание в средних фаланговых суставах относительно края стола, опираясь предплечьем и ладонью на стол.

И.П. Сидя на табурете, пациент кладет плечо на гладкую, твердую поверхность тумбы, а пред-

плечье направлено вверх, пальцы восстанавливаемой кисти выпрямлены. Затем больной соединяет большой и указательный палец друг с другом, образуя кольцо. Аналогичное движение выполняется по очереди с каждым пальцем кисти. Далее кисть возвращается в исходное положение.

Упражнение № 10

И.П. Сидя на табурете, больной кладет восстанавливаемую кисть на гладкую, твердую поверхность тумбы ладонью вниз, пальцы разведены латерально. Помогая второй рукой, больной выполняет поочередно, начиная с большого пальца, пассивное разгибание каждого пальца восстанавливаемой конечности, так, чтобы угол между поверхностью стола был более 65 градусов. После больной отпускает палец, чтобы он свободно опустился на тумбу.

Заключение

Неудовлетворённость пациентов лечением составляет 27–62%, что приводит к ухудшению качества жизни и к инвалидизации в 5,0% случаев. Поэтому реабилитация после хирургического лечения контрактуры Дюпюитрена является актуальной проблемой. Лечебная физкультура является основным средством реабилитации наряду с физиотерапией, массажем, рефлексотерапией. Лечебные мероприятия должны быть направлены на увеличение амплитуды движений, снижение болевого синдрома и профулактику осложнений в восстанавливаемой кисти.

Окончательное формирование реабилитационных мероприятий требует индивидуального подхода и зависит от клинических проявлений, наличия сопутствующей патологии, характера ранее проведенного лечения, переносимости физических факторов.

Литература

1. Бурматов Н.А., Сергеев К.С., Герасимов А.А. и др. Опыт реабилитации пациента с тяжелой травмой кисти (клинический случай) // Медицинская наука и образование Урала. – 2021. – Т. 22. – № 3. – С. 33–36.
2. Бутаев Ч.З., Куклин И.А. Лечение контрактуры Дюпюитрена на современном этапе (обзор литературы) // Acta Biomedica Scientifica. – 2019. – Т. 4. – № 6. – С. 72–76.
3. Жигало А. В., Морозов В.В., Почтенко В.В. и др. Современный подход к классификации контрактуры Дюпюитрена // Вопросы реконструктивной и пластической хирургии. – 2018. – Т. 21. – № 2. – С. 50–61.
4. Замальдинов Р.А., Каргин Р.Б., Асташкин П.А. и др. Лечение контрактуры Дюпюитрена методом чрескожной игольчатой апоневрэктомии // Национальные проекты: вызовы и решения. – 2020. – С. 465–467.
5. Зенченко А.В., Чернякова Ю.М. Биология срастания, изменения биомеханики и реабили-

тация после шва сухожилий сгибателей пальцев кисти //Медицинские новости. – 2020. – № . 10 (313). – С. 13–19.

6. Киселева А. Н., Наконечный Д.Г., Вебер Е.В. и др. Результаты лечения пациентов с повреждениями сухожилия сгибателей пальцев кисти //Современные достижения травматологии и ортопедии. – 2018. – С. 118–120.
7. Коноплева А. А., Савченко А.Ю. Современные методы реабилитации медицинского центра ДВФУ после оперативного лечения контрактуры Дюпюитрена //Инновации и технологии в биомедицине. – 2021. – С. 17–20.
8. Красильников А.А. Вариант консервативного лечения контрактуры дюпюитрена //Пировский форум травматологов-ортопедов. – 2019. – С. 158–159.
9. Минаев Т. Р., Юлдашев А.А., Низов О.Н. и др. Анализ результатов восстановительных операций при повреждениях сухожилий сгибателей пальцев кисти //Вестник экстренной медицины. – 2019. – Т. 12. – № . 3. – С. 20–25.
10. Овсянникова А.Д. Реабилитация и тактика ведения пациентов после хирургического восстановления сухожилий сгибателей пальцев кисти //Вопросы реконструктивной и пластической хирургии. – 2018. – Т. 21. – № . 2. – С. 62–73.
11. Щудло Н. А., Костин В.В. Патогенез нейропатии при контрактуре Дюпюитрена //Гений ортопедии. – 2019. – Т. 25. – № . 1. – С. 58–63.
12. Dutta A., Jayasinghe G., Deore S. et al. Dupuytren's Contracture—Current Concepts //Journal of Clinical Orthopaedics and Trauma. – 2020. – Т. 11. – № . 4. – С. 590–596.
13. Pike M., Campagna-Wilson L., Sears K. et al. Pilot study: The effectiveness of physiotherapy-led screening for patients requiring an orthopedic intervention //Journal of Military, Veteran and Family Health. – 2021. – Т. 7. – № . 2. – С. 3–15.
14. Taheri P., Salek N., Mousavi M. et al. The effect of shock wave therapy on improving the symptoms and function of patients with Dupuytren's contracture //Advanced Biomedical Research. – 2022. – Т. 11. – № . 1. – С. 3.
15. Yildizgoren M.T. Ultrasound as a complementary diagnostic method for Dupuytren's Contracture // Medical Ultrasonography. – 2020. – Т. 22. – № . 4. – С. 497–498.

THE RAPEUTIC ACTIVITY AFTER FOR SURGICAL RESTORATION OF THE TENDONS OF THE FINGERS

Bobunov D.N., Bondarenko D.S., Shalisheva D.D., Tkachuk M.A., Morozov D.A. North-Western State Medical University. I.I. Mechnikov

Local ischemia of microvessels in the arm and specific platelet and fibroblast growth factors act at the cellular level to promote the formation of a dense population of myofibroblasts and alter the collagen profiles seen in the affected tissue. Surgical treatment depends

to some extent on the patient's preference and a clear understanding of possible complications and significant adherence to postoperative therapy. Surgical treatment is advisable when the contracture of the metacarpophalangeal or proximal interphalangeal joints exceeds 30 degrees. The basis of postoperative hand therapy is early exercises with active flexion to restore grip strength. An overnight extension splint is often used for several months after surgery to maintain the correction achieved in the operating room. Early recurrence of the disease is most common in individuals with Dupuytren's diathesis; the use of full-thickness skin grafts may be beneficial for these patients.

Keywords: Dupuytren's contracture, stenosing ligamentitis, trigger finger, annular ligament, exercise, rehabilitation, physiotherapy.

References

1. Burmatov N.A., Sergeev K.S., Gerasimov A.A. et al. Experience in the rehabilitation of a patient with severe hand injury (clinical case) //Medical Science and Education of the Urals. – 2021. – Т. 22. – No. 3. – S. 33–36.
2. Butaev Ch.Z., Kuklin I.A. Treatment of Dupuytren's contracture at the present stage (literature review) //Acta Biomedica Scientifica. – 2019. – Т. 4. – No. 6. – С. 72–76.
3. Zhigalo A. V., Morozov V.V., Pochtenko V.V. et al. Modern approach to the classification of Dupuytren's contracture // Issues of reconstructive and plastic surgery. – 2018. – Т. 21. – No. 2. – S. 50–61.
4. Zamaldinov R.A., Kargin R.B., Astashkin P.A. et al. Treatment of Dupuytren's contracture with percutaneous needle aponeurotomy // National projects: challenges and solutions. – 2020. – S. 465–467.
5. Zenchenko A.V., Chernyakova Yu.M. Biology of accretion, changes in biomechanics and rehabilitation after suture of the flexor tendons of the fingers //Medical news. – 2020. – no. 10 (313). – S. 13–19.
6. Kiseleva A. N., Nakonechny D.G., Weber E.V. et al. Results of treatment of patients with injuries of the flexor tendon of the fingers // Modern achievements of traumatology and orthopedics. – 2018. – S. 118–120.
7. Konopleva A. A., Savchenko A. Yu. Modern methods of rehabilitation of the FEFU Medical Center after surgical treatment of Dupuytren's contracture // Innovations and technologies in biomedicine. – 2021. – S. 17–20.
8. Krasilnikov A. A. A variant of conservative treatment of Dupuytren's contracture // Pirogov Forum of Orthopedic Traumatologists. – 2019. – S. 158–159.
9. Minaev T. R., Yuldashev A.A., Nizov O.N. et al. Analysis of the results of restorative operations for injuries of the flexor tendons of the fingers // Bulletin of emergency medicine. – 2019. – Т. 12. – No. 3. – S. 20–25.
10. Ovsyannikova A.D. Rehabilitation and management of patients after surgical restoration of the flexor tendons of the fingers // Issues of reconstructive and plastic surgery. – 2018. – Т. 21. – No. 2. – S. 62–73.
11. Shchudlo N. A., Kostin V.V. Pathogenesis of neuropathy in Dupuytren's contracture //Genius of orthopedics. – 2019. – Т. 25. – No. 1. – S. 58–63.
12. Dutta A., Jayasinghe G., Deore S. et al. Dupuytren's Contracture—Current Concepts //Journal of Clinical Orthopaedics and Trauma. – 2020. – Т. 11. – № . 4. – С. 590–596.
13. Pike M., Campagna-Wilson L., Sears K. et al. Pilot study: The effectiveness of physiotherapy-led screening for patients requiring an orthopedic intervention //Journal of Military, Veteran and Family Health. – 2021. – Т. 7. – № . 2. – С. 3–15.
14. Taheri P., Salek N., Mousavi M. et al. The effect of shock wave therapy on improving the symptoms and function of patients with Dupuytren's contracture //Advanced Biomedical Research. – 2022. – Т. 11. – № . 1. – С. 3.
15. Yildizgoren M.T. Ultrasound as a complementary diagnostic method for Dupuytren's Contracture //Medical Ultrasonography. – 2020. – Т. 22. – № . 4. – С. 497–498.

Опыт использования метода БОС по параметрам ЭМГ в восстановительном лечении детей с идиопатическим сколиозом

Сезнева Татьяна Николаевна,

детский ортопед, травматолог СПб ГКУЗ Санкт-Петербургское государственное казённое учреждение здравоохранения «Городской центр восстановительного лечения детей с психоневрологическими нарушениями»
E-mail: tsezneva@icloud.com

Павлова Виктория Борисовна,

инженер-программист СПб ГКУЗ Санкт-Петербургское государственное казённое учреждение здравоохранения «Городской центр восстановительного лечения детей с психоневрологическими нарушениями»
E-mail: pavicapa@gmail.com

Ващалова Наталия Александровна,

врач-невролог СПб ГКУЗ Санкт-Петербургское государственное казённое учреждение здравоохранения «Городской центр восстановительного лечения детей с психоневрологическими нарушениями»
E-mail: slavanika95@gmail.com

Балабанов Юрий Владимирович,

генеральный директор, кандидат биологических наук Научно-производственный центр «Ин Витро»
E-mail: balabanov@neuromedspb.ru

Грачев Алексей Владимирович,

инженер-программист Научно-производственный центр «Ин Витро»
E-mail: grachev@amblyocor.ru

Биологическая обратная связь по параметрам электромиограммы (БОС по ЭМГ) высокоэффективный немедикаментозный метод реабилитации. Однако несмотря на то, что в многочисленных работах показана высокая результативность метода, он до настоящего времени не занял достойного места в широкой клинической практике. Во многом это объясняется отсутствием клинических схем применения БОС в условиях практического здравоохранения. Ретроспективный анализ клинических данных (оценка по специализированным клиническим шкалам, данным оптической компьютерной топографии, динамометрии и т.д.) применения БОС по ЭМГ за 11 лет (653 случая) в реальных условиях амбулаторного специализированного реабилитационного центра позволил сформулировать ряд практических рекомендаций по включению БОС по ЭМГ в традиционные схемы лечения идиопатических сколиозов (ИС). Так показано, что использование общепринятых схем физиотерапевтического лечения в сочетании с БОС по ЭМГ ведет к снижению клинической результативности процедур БОС. Наиболее оптимальным является использование в сочетании с сеансами БОС по ЭМГ процедур рефлексотерапии (акупунктура, трансспинальные микрополяризации) по специализированным схемам, направленным, в первую очередь, на улучшение трофических функций нервной системы: усиление кровообращения, нормализация обменных и регуляторных процессов позвоночного столба способствует повышению эффективности тренировок с БОС. Также на основании каталогических данных приводятся практические рекомендации по режимам и длительности процедур. Показано, что наилучшая сохранность полученного клинического эффекта наблюдается при не менее, чем 20–25 полчасовых процедурах БОС на курс, и при количестве 2-х курсов БОС в год.

Ключевые слова: биологическая обратная связь по параметрам ЭМГ, идиопатический сколиоз, программы реабилитации, рефлексотерапия, ретроспективный анализ.

Целью данной работы была разработка оптимальных схем комплексного применения методики биологической обратной связи по параметрам электромиограммы (БОС по ЭМГ) и традиционных методов реабилитации на основании ретроспективного анализа клинических результатов лечения пациентов с идиопатическим сколиозом. БОС – эффективный метод лечения, но далеко не панацея, поэтому очень важным моментом является сочетание сеансов БОС с другими лечебными процедурами, что позволяет повысить эффективность методики. Данные получены за более чем 20-ти летнюю историю применения метода в Городском Центре лечения детей с психоневрологическими нарушениями (Санкт-Петербург) в реальных условиях здравоохранения и позволяют дать практические рекомендации, способствующие оптимальному сочетанию БОС с другими методами лечения.

Под БОС (англ. biofeedback) применительно к медицине понимается немедикаментозный метод, при котором пациенту по каналам искусственной обратной связи (акустической, визуальной или тактильной) предъявляется информация о текущем состоянии параметров той или иной физиологической функции (ЭЭГ, ЭМГ, ЧСС и т.д.) с целью обучения пациента её сознательному контролю и управлению. Исчерпывающие сведения о клинико-физиологических основах метода подробно изложены в десятках специализированных руководств и не являются целью данной статьи (1, 2, 3).

Практически любая из физиологических функций может быть использована (и используется) в качестве управляемого параметра, что делает необычайно широкой сферу приложения метода. Высокие потенциальные возможности метода приводят к тому, что интерес к БОС не снижается на протяжении последних десятилетий, о чем свидетельствует динамика публикаций статей по тематике БОС. В наиболее полной и авторитетной базе медицинских рецензируемых статей – PubMed (база данных медицинских и биологических публикаций, Национального центра биотехнологической информации США) наблюдается ежегодный прогрессивный рост количества статей, посвященных проблематике БОС. Так, если с начала 70-х по начало 2000-х в среднем ежегодно публиковалось по 150–200 статей, то с 2009 года наблюдается резкий рост количества публикаций (по 500–900 в год).

Тем не менее, несмотря на потенциально высокие возможности метода, продемонстрированные

в большом количестве работ, метод БОС все еще не занял достойное место в практической медицине. Одной из основных причин является то обстоятельство, что, несмотря на потенциальные возможности БОС, в подавляющем большинстве работ метод рассматривается в отрыве от реальных клинических условий.

Городской центр восстановительного лечения детей с психоневрологическими нарушениями (ГЦВЛДПН, в дальнейшем Центр) на данный момент обладает уникальным опытом применения методики БОС по ЭМГ в реальном практическом здравоохранении (с 1989 года). Именно поэтому мы считаем своим долгом поделиться полученным опытом с коллегами. Учитывая важность проблемы использования БОС в реальных клинических условиях, высокую эффективность методики при практическом отсутствии осложнений, мы сочли целесообразным ознакомить специалистов, работающих в данной области, с нашим опытом применения методики БОС по ЭМГ и, в частности, использование БОС при идиопатических сколиозах (ИС). Мы надеемся, что результаты нашей работы позволят успешно использовать методику и повысить ее эффективность для облегчения жизни пациентов, страдающих этим видом деформации позвоночного столба, а также избежать наших ошибок.

ГЦВЛДПН, данные о результатах лечения в котором приведены в данной статье, крупнейший в Санкт-Петербурге детский бюджетный амбулаторный центр, предназначенный для реабилитации детей с двигательной патологией неврологического и ортопедо-травматологического профиля. Центр создан более 30 лет назад при непосредственном участии НИИ экспериментальной медицины РАМН РФ (тогда еще НИИ ЭМ АМН СССР) и долгие годы являлся его клинической базой. Это позволяло в содружестве с врачами Центра быстро и эффективно внедрять в лечебный процесс новейшие достижения академической медицинской науки, и, самое главное, учитывая пожелания и предложения врачей, адаптировать разработки к реальным условиям практического здравоохранения. Различные методики БОС в качестве базового метода восстановительного лечения применяются в центре с 1989 года и давно уже стали рутинными для врачей и пациентов центра. Этот вид лечения ежегодно получают до 500 детей с неврологической, психоневрологической и ортопедической патологией при пропускной способности Центра 1100–1200 человек в год. Пациенты с ортопедической патологией в среднем составляют 20–22% от общего количества пациентов, получающих лечение в Центре. В данной статье мы приводим данные ретроспективного анализа результатов лечения только пациентов с ИС, которые составляют примерно 60–65% (от 120 до 160 пациентов в год) среди пациентов Центра с ортопедической патологией. Применение БОС по ЭМГ при сколиотических деформациях позвоночника особенно оправдано тем обстоятельством, что па-

распинальные мышцы в отличие от мышц верхних и нижних конечностей гораздо хуже подвергаются произвольному контролю в силу их низкой кортиказии, что создает большие трудности и приводит к большим трудозатратам при проведении традиционных лечебных сеансов ЛФК. В этих условиях применение сигналов обратной связи (ОС), дающих пациенту объективную информацию о процессах, происходящих в мышцах, позволяет значительно ускорить процесс обучения произвольному контролю и тем самым повысить клиническую эффективность по сравнению с традиционными методами реабилитации сколиозов в 1,5–2 раза (2,4,5).

В Центре БОС по ЭМГ используется при самой разнообразной патологии. С 1991 по 1995 год в Центре применялись аппаратные комплексы фирмы «РеаМед» и портативные приборы фирмы «Биосвязь» (Санкт-Петербург), а также приборы серии «Сигнал» Центрального конструкторского бюро АН СССР (Москва). С 1995 года и по настоящее время используются аппаратные комплексы фирмы ООО НПЦ «Ин витро» (Санкт-Петербург), созданной сотрудниками научно-исследовательского института экспериментальной медицины РАМН (НИИ ЭМ РАМН). В настоящее время при различных видах неврологической, психоневрологической и ортопедической патологии применяется уже третье поколение приборов (серия «Ремиокор-Оскар», «Ремиокор 2–1», «Ремиокор – М», «Амблиокор-01Д», «Ремиокор – Р»).

Для лечения больных со сколиозом БОС по ЭМГ применяется в Центре с 1992 г. На специализированном аппаратном комплексе «Ремиокор-Оскар» при пятидневной рабочей неделе и 2-х сменной работе ежегодно проводится около 2500–3200 лечебных процедур. БОС по ЭМГ при ортопедической патологии используется в Центре также для лечения нарушений осанки, реабилитации последствий компрессионных переломов позвоночника и для восстановления произвольного контроля над мышцами спины и улучшения вертикализации у пациентов с ДЦП. Опыт и навыки, полученные в эти годы персоналом Центра, количество пациентов и разнообразие патологии, при которой в Центре используется обратная связь, масштабы ее применения – все это привело к тому, что ГЦВЛДПН в настоящее время является ведущим учреждением страны по клиническому применению БОС по ЭМГ.

Основной целью метода БОС по ЭМГ при сколиозах является формирование у пациента прочного мышечного корсета, обеспечивающего стабилизацию позвоночника, коррекцию/исправление его деформации, увеличение экскурсии грудной клетки, улучшение осанки. Изменяя в ходе лечебных сеансов под контролем сигналов обратной связи положение плечевого и тазового пояса, «вытягивая» позвоночник, стремясь к коррекции неравномерного распределения мышечной нагрузки на позвоночный столб, пациент добивается частичного исправления деформации. Во время

сеанса компьютером регистрируется и анализируется суммарная поверхностная ЭМГ симметричных параспинальных мышц, после чего выводится на экран монитора в доступной для восприятия графической форме. Получая эту информацию, пациент вносит изменения в позу путем перераспределения уровней активации параспинальных мышц. Схемы применения метода и режимы сеансов при различных формах сколиоза подробно описаны в ряде руководств (2,5). В зависимости от возраста и тяжести заболевания продолжительность одного сеанса колеблется от 20 до 30 минут. Сеанс состоит из 3–4 циклов активации продолжительностью 3–5 минут с 2–3-х минутными перерывами на отдых. Всего на курс пациенты получали 15–17 сеансов БОС, некоторые получили 20–25 сеансов.

Для анализа были отобраны результаты лечения детей в возрасте от 8 до 14 лет, всего 867 человек с ИС. Дети получали лечение в Центре методом БОС по ЭМГ в период с 2009 по 2021 год. БОС использовалась в качестве базового метода лечения как в режиме монотерапии, так и в сочетании с различными вспомогательными методами лечения. Из анализа были исключены пациенты с врожденными/диспластическими сколиозами. Анализу были подвергнуты суммарные коэффициенты клинической эффективности, которые содержались в стандартных протоколах оценки эффективности лечения пациентов с ортопедической патологией, используемые более чем 20 лет в ГЦВЛДПН. Оценка эффективности восстановительного лечения детей с ортопедической и неврологической патологией проводилась по балльной клинической шкале, описанной в методических рекомендациях МЗ РФ (6). Для оценки эффективности лечения использовался ряд оценочных показателей, в т.ч. подвижность позвоночника, изменения на рентгенограмме (величина дуги искривления), силовая выносливость мышц спины, сила мышц спины (стандовая динамометрия), показатель асимметрии (отношение суммарной биоэлектрической активности (БА) на выпуклой стороне позвоночника к БА на вогнутой стороне позвоночника и т.д. Каждый показатель оценивался по пятибалльной шкале, где 5 баллов – это крайняя степень тяжести показателя, 1 балл – это нормальная величина показателя. Практическое применение шкалы выявило ее некоторые недостатки (7). В первую очередь это касается электромиографической оценки асимметрии БА параспинальных мышц, нормативных данных по оценке силовой выносливости мышц, рентгенологических данных и некоторых других оценочных показателей. После модификации этой шкалы, проведенной врачами Центра, в первую очередь заменой рентгенологических данных результатами компьютерной оптической топографии на компьютерном комплексе «Компьютерный оптический топограф» Новосибирского НИИТО МЗ РФ, а также внесения некоторых других изменений, данная шкала уже больше 20 лет успешно

используется в текущей работе Центра. При этом максимальное количество баллов, характеризующее крайнюю степень нарушений, составляет 50 баллов, а нормой является 10 баллов. Сравнивалось суммарное количество баллов по вышеописанной шкале до и после лечения. Коэффициент эффективности лечения рассчитывался по формуле: $K_{эфф} = \text{сумма баллов до лечения} / \text{сумма баллов после лечения}$, которые сравнивались с нормативными, где

$K_{эфф} \geq 1,9$ – «значительное улучшение»

$K_{эфф} = 1,5-1,89$ – «улучшение»

$K_{эфф} = 1,06-1,49$ – «незначительное улучшение»

$K_{эфф} = 0,95-1,05$ – «без изменений»

$K_{эфф} < 0,95$ – «ухудшение»

Период с 2009 по 2021 год был выбран для придания большей однородности исследуемой группе. С 2009 года лечебные процедуры БОС проводятся в Центре на аппаратных комплексах «Ремиокор-Оскор» третьего поколения, в которых были учтены все недостатки предыдущих моделей, пожелания и рекомендации врачей Центра. Отличительной особенностью комплекса «Оскор» третьего поколения от аналогичных аппаратных комплексов, использовавшихся ранее, является разработанная врачами Центра и реализованная специалистами фирмы «Ин Витро» в аппаратном и программном обеспечении ориентация комплекса на реального медицинского потребителя. Простота в использовании, обучении и эксплуатации, надежность, и, что крайне важно, для практического здравоохранения, четкая постановка перед пациентом конкретной задачи и однозначная трактовка пациентом и медицинским персоналом получаемой по каналам обратной связи электрофизиологической информации, выгодно отличают комплекс «Ремиокор-Оскор» третьего поколения от ранее используемых в Центре аппаратных комплексов. Данное обстоятельство является крайне важным, так как форма предъявления сигналов ОС является одним из важнейших моментов, определяющих эффективность сеансов БОС (8). Показано (9), что в зависимости от особенностей предъявления пациенту сигналов ОС, отражающих состояние регулируемой функции, эффективность проведения сеансов БОС (при прочих равных условиях) может возрасти в 1,5–2 раза. Именно поэтому для создания большей однородности исследуемой группы анализу подвергались только результаты, полученные на одной и той же аппаратуре.

Из протоколов данных 867 детей с ИС были удалены протоколы 214 детей, по тем или иным причинам не закончивших полноценный курс и не имевших каких-либо оценочных данных в истории болезни. Таким образом, количество детей в анализируемой группе составило 653 ребенка (93 мальчика и 560 девочек).

По степени тяжести дети распределялись следующим образом:

I степень – 177 пациентов; II степень – 361 пациент; III–IV степень – 52 пациента (по В.Д. Чаплину).

Пациенты с S-образным сколиозом I–II степени составляли 48% (313 детей), с S-образным сколиозом III–IV степени тяжести 5% (33 ребенка), с левосторонним C-образным сколиозом – 23% (150 детей), с правосторонним C-образным сколиозом – 24% (157 детей). Возрастная группа 8–10 лет составляла 44% (287 пациентов), группа 11–14 лет – 56% (366 пациентов).

Все пациенты исследуемой группы были разделены на подгруппы в соответствии с видом лечения, получаемым в дополнение к основному курсу. Стандартный курс включал в себя групповую и индивидуальную ЛФК, массаж, тепловые процедуры (аппликации озокерита), механотерапию.

Главной целью лечебных сеансов с использованием БОС по ЭМГ является коррекция мышечного дисбаланса паравертебральных мышц и создание прочного мышечного корсета. Тем самым достигается стабилизация позвоночника, корректируется его деформация, предотвращается дальнейшее прогрессирование деформации, улучшается функция грудной клетки.

Первую группу, 131 ребенок (20%), составили пациенты, получавшие только сеансы БОС дополнительно к основному курсу.

Вторую группу составили 164 (25%) ребенка, дополнительно к основному курсу получавшие сеансы БОС по ЭМГ (11–20 сеансов) и курс иглорефлексотерапии (ИРТ) (9–11 сеансов).

Третью группу составили 98 (15%) детей, дополнительно к основному курсу получавшие сеансы БОС и курс трансспинальной микрополяризации (ТСМП) (9–10 сеансов) в сочетании с магнитно-импульсной стимуляцией (МИС) (9–11 сеансов) (10). Основной целью дополнительного курса было улучшение проводимости спинальных трактов и нервов, иннервирующих параспинальный мышечный аппарат, и, как следствие, улучшение его функционального состояния.

Четвертую группу составили 98 (15%) детей, дополнительно к основному курсу получавших лечебные сеансы БОС и расширенный физиотерапевтический курс (дополнительный курс лекарственного электрофореза с эуфиллином и электростимуляции мышц спины синусмодулированными токами на аппаратах «Амплипульс»). Основной целью данного лечения было улучшение функционального состояния позвоночника и параспинальных мышц за счет улучшения местного кровообращения и усиления сократительной способности параспинальных мышц.

Пятую группу – составили 84 ребенка, получавшие в дополнение к БОС короткий курс ТСМП (3–4 сеанса), однако, в отличие от второй группы, без применения МИС.

Шестую группу (контрольную) составили 78 пациентов (12%), проходившие в центре стандартный курс лечения.

Показатели до и после лечения между группами сравнивались по U тесту Манн-Уитни для независимых выборок, показатели до и после лечения в группах сравнивались по непараметрическому

критерию парных сравнений Вилкоксона для зависимых выборок, также использовались непараметрические корреляции по Спирмену (программа Statistica фирмы StatSoft, версия 7.0). Выбор непараметрических критериев для анализа, несмотря на большие объемы выборок, объяснялся тем обстоятельством, что распределение в группах зачастую отличалось от нормального. Кроме того, для анализа медико-биологической информации использование непараметрических статистик является предпочтительным (11). Достоверными считались различия при уровне $p < 0,05$. Все показатели приведены в формате $M \pm \sigma$.

Результаты. Данные о клинической эффективности лечения, полученной в различных исследуемых группах, представлены в табл. 1.

Таблица 1

№ группы	Лечение	$K_{кл. I}$ (до лечения)	$K_{кл. II}$ (после лечения)	$K_{эфф.}$
1	БОС	28,1±2,07	17,9 ±1,97	1,46 ±0,15
2	БОС+ИРТ	29,3±1,88	18,7 ±1,84	1,72 ±0,44
3	БОС+ТСМП+МИС	27,3 ±1,66	18,5 ±1,95	1,57 ±0,22
4	БОС+физиотерапия	31,8 ±3,32	22,8 ±2,41	1,52 ±0,53
5	БОС+ ТСМП (укороченный)	28,6±2,11	16,8±2,01	1,88±0,31
6	Контроль	26,3±1,10	18,3±3,01	1,22±0,52

Статистически достоверных различий до проведения лечения между группами ни по половому составу, ни по тяжести, ни по возрасту не наблюдалось ($p > 0,05$). Единственные статистически достоверные отличия до проведения лечения наблюдались по показателям возраст ($p < 0,05$) и степень тяжести ($p < 0,044$) между группами «Контроль» (6 группа) и группами «БОС + физиотерапия» (группа 4) и группой «Контроль» и «БОС + ИРТ» (группа 2) по показателю возраст ($p < 0,036$).

Статистически высокодостоверны ($p < 0,01$) во всех группах отличия между $K_{кл. I}$ и $K_{кл. II}$ (т.е. между оценками клинического состояния до и после лечения) за исключением $K_{кл. I}$ и $K_{кл. II}$ в группе «Контроль» и группе «БОС+физиотерапия», в которых отличия достоверны, однако, на статистически более низком уровне ($p < 0,05$).

Статистически достоверны отличия между величинами $K_{эфф.}$ первых 5-ти групп и 6-ой контрольной группы ($p < 0,05$). Однако, между группами, получавшими дополнительное лечение, статистически достоверные отличия ($p < 0,05$) выявлены только между $K_{эфф.}$ 5 группы (БОС+ ТСМП (укороченный)) и показателями 1 группы (БОС), 3 группы («БОС+ТСМП+МИС») и 4 группы («БОС+физиотерапия»). В отношении величин $K_{эфф.}$ остальных групп при обсуждении полученных результатов можно говорить лишь о наличии тенденций. Так, наибольшая клиническая эффективность среди групп, получавших дополнительные лечеб-

ные курсы, отмечена в группе 5 (БОС+ укороченный ТСМП), а наименьшая – в группе 1 (БОС). Показатели группы 3 (БОС+ТСМП+МИС), группы 4 (БОС+ физиотерапия) занимают промежуточное положение.

Показатели 2-ой группы (БОС+ИРТ) требуют отдельного рассмотрения. При анализе данных этой группы выявлена следующая особенность, на которую мы обратили внимание еще в конце 90-х годов (4,7). Часть детей этой группы имели высокие $K_{эфф.}$ наряду с достаточно низкими $K_{эфф.}$ у другой части пациентов этой группы, что привело к большой вариативности клинических показателей этой группы. Более тщательный анализ показал, что для проведения ИРТ использовались две различные методики.

В первом варианте основное внимание уделялось общетонизирующим воздействиям (улучшение трофических функций нервной системы, усиление кровообращения, нормализация обменных и регуляторных процессов позвоночного столба) с одновременной стимуляцией ослабленных мышц короткими (5 минутными), но сильными раздражающими воздействиями.

Во втором варианте упор был сделан на местные сегментарные эффекты – расслабление спазмированных мышц на вогнутой стороне дуги (тормозным методом) и стимуляцию их на выпуклой стороне (возбуждающим методом в течение 10 минут) с одновременным воздействием на точки, способствующие улучшению местного кровообращения в мышцах спины и позвонках. Использовались также точки общетонизирующего воздействия, но в меньшем количестве, чем в первом варианте (методика, применявшаяся во втором варианте является достаточно распространенной, в частности, она рекомендована при лечении детей со сколиозом в НИИ детской ортопедии им. Г.И. Турнера) (7). Количество процедур в обоих случаях было одинаково (9–11 процедур на курс). Результаты клинического применения ИРТ по двум вышеописанным методикам приведены в таблице 2.

Таблица 2. Сравнение эффективности двух вариантов процедур ИРТ.

Методика	Кол-во пациентов	$K_{кл. I}$ (до лечения)	$K_{кл. II}$ (после лечения)	$K_{эфф.}$
БОС + ИРТ 1 (первый вариант)	128	28.8±1.67	18.1±1.31	1.85±0.32
БОС + ИРТ 2 (второй вариант)	36	30.1±1.38	21.4±2.61	1.54±0.21

Статистически достоверных различий в $K_{кл. I}$ (до лечения) между подгруппами, получавшими в качестве дополнительного лечения ИРТ по разным вариантам методики не наблюдается ($p > 0,05$), несмотря на несколько большую тяжесть состояния у пациентов в подгруппе ИРТ 2.

Однако после лечения $K_{кл. II}$ в подгруппах, получавших ИРТ по первому и второму варианту методики, уже статистически достоверно ($p < 0,05$) отличаются, также отличаются и $K_{эфф.}$ между подгруппами ИРТ 1 и 2 ($p < 0,04$). Поскольку остальной набор лечебных процедур в обеих группах (ИРТ1 и ИРТ2) был одинаков, различия в полученных результатах могут быть объяснены лишь разницей в методических подходах к самой процедуре ИРТ. Меньшее количество пациентов в группе ИРТ2 по сравнению с подгруппой ИРТ1 связано с тем обстоятельством, что в результате анализа, проведенного нами ранее (4,7), была показана тенденция к большей эффективности применения ИРТ именно по первому варианту, что привело к постепенному снижению и практически полному отказу от применения ИРТ в Центре при сколиозах по второму варианту применения методики. Однако, если в предыдущих работах ввиду недостаточного количества материала мы могли говорить лишь о тенденциях, то в настоящее время, имея гораздо большее количество материала, мы можем обосновать это предположение уже на уровне статистически значимых результатов, и тем самым подтвердить оправданность использования методики ИРТ при сколиозах в сочетании с БОС по ЭМГ именно по второму варианту.

Из практически важных выводов, полученных при анализе материала, можно выделить тот факт, что статистически достоверные ($p < 0,05$) более низкие $K_{эфф.}$ в 3 и 4 группах по сравнению со 2-ой и 5-ой группой скорее всего свидетельствуют о том, что массивная физиотерапия и интенсивная стимуляция нервно-мышечного аппарата (синусмодулированные токи, надпороговая МИС) снижает эффективность лечебных сеансов БОС по ЭМГ. Подтверждением может служить практическое отсутствие отличий в $K_{эфф.}$ между 1 группой (БОС) и $K_{эфф.}$ в 3 и 4 группах («БОС+ТСМП+МИС» и БОС+физиотерапия»). В литературе, посвященной использованию БОС по ЭМГ при сколиозах, этот факт практически не нашел отражения. Лишь в нескольких работах по реабилитации постинсультных пациентов сообщается о снижении эффективности БОС по ЭМГ на фоне массивного применения физиотерапевтического лечения (12).

В то же время требует объяснения факт регистрации наибольших $K_{эфф.}$ в 5-ой группе («БОС+сокращенный ТСМП»). Надо полагать, что ТСМП, формально относящаяся к физиотерапевтическим видам лечения, судя по всему, таковым не является (10,13). Длительность воздействия 35–40 минут (более чем в два раза превышающая длительность процедур при традиционной физиотерапии) в сочетании с использованием на 2 и более порядка меньшей силы тока, чем при проведении традиционной лечебной гальванизации или лекарственного электрофореза, скорее всего, позволяет отнести ТСМП в большей степени к методикам рефлексотерапии, чем к физиотерапии. Однако следует отметить, что эти эффекты наблюдаются лишь при использовании небольшого

количества процедур ТСМП (3–4 сеанса на курс). Увеличение количества сеансов ведет к снижению эффективности. Об этом свидетельствуют результаты, полученные в группе 3, в которой количество сеансов ТСМП на курс достигало 9–11. Эти факты ни в коем случае не умаляют значение физиотерапии, а лишь свидетельствуют о несовместимости некоторых видов физиотерапевтического лечения с БОС по ЭМГ.

Поскольку пациенты, получающие лечение в Центре, не ограничиваются одним курсом лечения, мы смогли проанализировать «выживаемость результатов». Анализ клинической результативности сеансов БОС по ЭМГ при сколиозе у 64 повторных пациентов показал, что курс проводимого лечения должен состоять не менее, чем из 15–20 сеансов. Курс лечения, состоящий из 15 процедур, возможен (хотя и нежелателен) лишь у пациентов с легкими формами нарушений.

Достижение высокой клинической эффективности и ее хорошая сохранность (в пределах величин Ккл от 70 до 80% от полученных после лечения на сроке от 6-ти до 8 месяцев) возможны лишь при увеличении количества процедур на курс до 20–25, а в более тяжелых случаях (III степень) до 30 процедур.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

1. Включение в комплекс лечебных мероприятий БОС по ЭМГ позволяет достоверно повысить эффективность лечения детей с ИС.

2. Для получения максимального клинического эффекта от комплексных лечебных методик, включающих БОС по ЭМГ, необходимо создание условий, способствующих максимальной реализации потенциальных возможностей методики (улучшение кровообращения, усиление обменных и трофических процессов). Как показали наши исследования, для решения этих задач наиболее целесообразным является использование коротких курсов (3–4 процедуры) ТСПМ или ИРТ по первому варианту используемой в Центре методики.

3. Получение полноценного и долгосрочного клинического эффекта при применении БОС по ЭМГ возможно лишь при увеличении количества процедур до 20 на курс, а в более тяжелых случаях (III степень) до 25. Курс лечения, состоящий из 15 процедур, возможен (хотя и нежелателен) лишь у пациентов с легкими формами деформации.

4. Применение массажированной физиотерапии и интенсивной электростимуляции параспинальных мышц в сочетании с БОС по ЭМГ ведет к снижению эффективности лечебных сеансов БОС.

Литература

1. Khazan I.Z. The Clinical Handbook of Biofeedback: A Step-by-Step Guide for Training and Practice with Mindfulness. 2013 Chichester, UK Wiley-Blackwell; 368 p

2. Пинчук Д.Ю., Дудин М.Г. Биологическая обратная связь по элек-тромагнитной активности в неврологии и ортопедии. Справочное руководство. С. – Пб. 2002 – Изд-во «Человек», – 120 с.
3. Mark S. Schwartz Biofeedback: A Practitioner's Guide, Fourth Edition, edited by M. Schwartz & F. Andrasik: (2016). New York, NY: The Guilford Press, 764 pp.
4. Пинчук Д.Ю., Сезнева Т.Н., Катышева М.В., Ващалова Н.А., Юрьева Р.Г. Клинико-физиологический анализ эффективности лечения сколиотической болезни в условиях специализированного реабилитационного центра // Вестник травматологии и ортопедии им. Н.Н. Приорова – 1997 – № 3 – С. 45–49.
5. Пинчук Д.Ю. БОС – терапия при деформациях позвоночного столба у детей. // Идиопатический сколиоз. //Травматология и ортопедия. Руководство для врачей в 4-х томах. С.-Петербург, «Гиппократ», 2006. Т. 4, сс.367–372.
6. Организация центров восстановительного лечения детей. Методические рекомендации МЗ СССР. М.,1990. – 36 с.
7. Пинчук Д.Ю., Сезнева Т.Н., Катышева М.В., Ващалова Н.А., Павлова В.Б., Юрьева Р.Г. Использование метода биологической обратной связи (БОС) по параметрам электромиограммы (ЭМГ) в восстановительном лечении детей со сколиотической болезнью позвоночника в условиях специализированного реабилитационного центра // ж. Биологическая обратная связь – 2000 – № 2 – С. 26–32.
8. Huang H, Wolf SL, He J. Recent developments in biofeedback for neuromotor rehabilitation. J Neuroeng Rehabil. 2006 Jun 21;3:11. doi: 10.1186/1743-0003-3-11. PMID: 16790060; PMCID: PMC1550406.
9. Богданов О.В., Пинчук Д.Ю., Михайленок Е.Л. Эффективность различных форм сигналов обратной связи в ходе лечебных сеансов ФБУ. // Журн. Физиол. человека – 1990 – Т. 16, № 1 – С. 13–17
10. Сирбиладзе К.Т. Восстановительное лечение спастических форм детского церебрально-го паралича методом биологической обратной связи с применением микрополяризации и магнитно-импульсной стимуляции. Автореф. дис... канд. мед. наук. – СПб, 2004. – 18 с.
11. Боровиков В.П. Популярное введение в современный анализ данных в системе STATISTICA. – М.: Горячая линия – Телеком, 2013. – 288 с.
12. Basmajian J.V., Gorland C., Brandstater E., Swanson L., Trotter J EMG biofeedback treatment of upper limb in hemiplegic stroke patients: a pilot study //Arch.Phys.Med.Rehabil. – 1982. – V.63, N.12. – -P.613–616.
13. Сирбиладзе Г.К., Сулова Г.А., Пинчук Д.Ю., Сирбиладзе Т.К. Возможность применения трансспинальной микрополяризации для коррекции церебрального кровообращения // Педиатр. – 2017. – Т. 8. – № 6. – С. 50–55. doi: 10.17816/ PED8650–55

EXPERIENCE IN USING THE BIOFEEDBACK METHOD BASED ON EMG PARAMETERS IN THE REHABILITATION TREATMENT OF CHILDREN WITH IDIOPATHIC SCOLIOSIS

Sezneva T.N., Pavlova V.B., Vaschalova N.A., Balabanov Yu.V., Grachev A.V.

City Center for Rehabilitation Treatment of Children with Psychoneurological Disorders; Research and Production Center "In Vitro"

Biofeedback according to electromyogram parameters (EMG BF) is a highly effective non-drug method of rehabilitation. However, although numerous works have shown the high effectiveness of the method, it has not yet taken its rightful place in wide clinical practice. This is largely due to the lack of clinical schemes for the use of biofeedback in practical health care. A retrospective analysis of clinical data (specialized clinical scales, data of optical computerized topography, dynamometry, etc.) of the use of EMG BF for 11 years (653 cases) in the real conditions of specialized rehabilitation center made it possible to formulate several practical recommendations for the treatment of idiopathic scoliosis. Thus, it has been shown that the use of generally accepted schemes of physiotherapeutic treatment in combination with EMG BF leads to a decrease in the clinical effectiveness of BF procedures. The most optimal is the use of reflex therapy procedures (acupuncture, transspinal micropolarizations) in combination with EMG BF sessions on according to specialized schemes aimed primarily at improving the trophic functions of the nervous system, increasing blood circulation, normalizing the metabolic and regulatory processes of the spinal column, which helps to increase the effectiveness of training with BF. Based on follow-up data, practical recommendations are given on the regimens and duration of procedures.

Keywords: EMG biofeedback, idiopathic scoliosis, rehabilitation programs, reflexology, retrospective analysis.

References

1. Khazan I.Z. The Clinical Handbook of Biofeedback: A Step-by-Step Guide for Training and Practice with Mindfulness. 2013 Chichester, UK Wiley-Blackwell; 368p
2. Pinchuk D. Yu., Dudin M.G. Biofeedback by electromyogram in neurology and orthopedics. Reference guide. S. – Pb. 2002 – Publishing House "Man", – 120 p.

3. Mark S. Schwartz Biofeedback: A Practitioner's Guide, Fourth Edition, edited by M. Schwartz & F. Andrasik: (2016). New York, NY: The Guilford Press, 764 pp.
4. Pinchuk D. Yu., Sezneva T.N., Katysheva M.V., Vashchalova N.A., Yurieva R.G. Clinical and physiological analysis of the effectiveness of the treatment of scoliotic disease in a specialized rehabilitation center. Bulletin of Traumatology and Orthopedics. N.N. Priorov – 1997 – No. 3 – S. 45–49.
5. Pinchuk D. Yu. Biofeedback – therapy for deformities of the spinal column in children. // Idiopathic scoliosis. // Traumatology and orthopedics. Guide for doctors in 4 volumes. St. Petersburg, "Hippocrates", 2006. Vol. 4, pp. 367–372.
6. Organization of centers for rehabilitation treatment of children. Methodological recommendations of the Ministry of Health of the USSR. M., 1990. – 36 p.
7. Pinchuk D. Yu., Sezneva T.N., Katysheva M.V., Vashchalova N.A., Pavlova V.B., Yurieva R.G. Using the biofeedback method (BFB) based on electromyogram (EMG) parameters in the rehabilitation treatment of children with scoliotic spine disease in a specialized rehabilitation center. Biofeedback – 2000 – No. 2 – S. 26–32.
8. Huang H, Wolf SL, He J. Recent developments in biofeedback for neuromotor rehabilitation. J Neuroeng Rehabil. 2006 Jun 21;3:11. doi: 10.1186/1743-0003-3-11. PMID: 16790060; PMCID: PMC1550406.
9. Bogdanov O.V., Pinchuk D. Yu., Mikhailyonok E.L. Efficiency of various forms of feedback signals during FBU treatment sessions. // Journal. Physiol. human – 1990 – V. 16, No. 1 – S. 13–17
10. Sirbiladze K.T. Restorative treatment of spastic forms of cerebral palsy by biofeedback using micropolarization and magnetic pulse stimulation. Abstract of dissertation... cand. honey. Sciences. – St. Petersburg, 2004. – 18 p.
11. Borovikov V.P. A popular introduction to modern data analysis in the STATISTICA system. – M.: Hot line – Telecom, 2013. – 288 p.
12. Basmajian J.V., Gorland C., Brandstater E., Swanson L., Trotter J EMG biofeedback treatment of upper limb in hemiplegic stroke patients: a pilot study // Arch.Phys.Med.Rehabil. – 1982. – V.63, N.12. – P. 613–616.
13. Sirbiladze G.K., Suslova G.A., Pinchuk D. Yu., Sirbiladze T.K. The possibility of using transspinal micropolarization for the correction of cerebral circulation // Pediatrician. – 2017. – V. 8. – No. 6. – P. 50–55. doi: 10.17816/ PED8650–55

Внедрение комплексной программы реабилитации лиц с травмами дистальной части лучевой кости в условиях санатория

Хасанова Наталья Алексеевна,

кандидат медицинских наук, врач травматолог-ортопед, врач по медицинской реабилитации, Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Камчатского края Петропавловск-Камчатская городская детская поликлиника № 1
E-mail: natkhas@bk.ru

Настоящая работа посвящена внедрению комплексной реабилитационной программы раннего восстановления функции предплечья и кисти в условиях санатория Камчатского края у категории людей, испытавшим тяжелую травму предплечья (перелом). Проведение у данной категории пациентов адекватной реабилитации в раннем и позднем посттравматическом периодах позволяет максимально быстро повысить качество жизни пациентов, бытовую и профессиональную адаптацию. Цель исследования: оптимизация анатомо-функциональных исходов восстановительного лечения у больных с переломами нижней трети лучевой кости в раннем и позднем посттравматическом периоде в зависимости от фаз репаративной регенерации. Данное исследование продемонстрировало высокую эффективность внедрения разработанной унифицированной программы реабилитации, которая базируется на морфологических особенностях повреждения, стадийности регенеративного процесса, а также дифференцированном выборе способа репозиции и фиксации отломков.

Ключевые слова: травмы предплечья, метаэпифиз лучевой кости, дистальный фрагмент, лечебная физкультура, качество жизни, восстановление функционирования.

Актуальность проблемы реабилитации лиц с дистальными повреждениями предплечья, особенно с наличием внутрисуставных изменений [2], в большинстве случаев характеризуется большим количеством прогнозируемых осложнений [4] ввиду отсутствия дифференцированной концепции к определению вида повреждения и выбора соответствующего способа ведения больных [1]. Несомненно, восстановительное лечение после подобных травм, с четко выстроенным алгоритмом этапности лечебной физкультуры, играет главенствующую роль для оптимального восстановления функции верхней конечности, ее профессиональной пригодности [3] и качества жизни людей.

В данной статье отображены исходы проведенного практического исследования использования внедренной нами реабилитационной программы в условиях санатория.

Материалы и методы исследования

Основу нашего исследования составили 44 человека после консервативного и хирургического ведения повреждений нижнего конца лучевой кости. Данные пациенты проходили восстановительную терапию в ООО Дальневосточный центр «Жемчужина Камчатки», большинство их составляли люди трудоспособного возраста – 41,9 лет. По морфологии перелома преобладали внесуставные (39,5%), частично внутрисуставные (32,2%), внутрисуставные (28,3%). Разделение на основную (ОГ) и контрольную (КГ) группы было основано на выбранной программе восстановительного лечения. Пациенты основной группы (24 человека) были пролечены с использованием разработанной нами унифицированной программы реабилитации, включающей этапные упражнения лечебной гимнастики в сочетании с общепринятыми методами физиотерапии, такими как магнитотерапия, грязелечение, амплипульс, массажа и водолечение. В контрольной группе осуществляли вышеуказанные общие процедуры и стандартные упражнения лечебной физкультуры (20 человек).

Лечение в условиях санатория основной и контрольной групп длилось 21 день. Противопоказаний к проводимому физиофункциональному лечению не было ни у одного из пациентов. Грязелечение поврежденного сегмента проводилось перед сеансами лечебной физкультуры, составляло 7–10 процедур. Магнитотерапия, амплипульс, рефлекторный массаж, включая стимуляцию шейно-затылочной зоны, грудного отдела, плавание в бассейне с термальной водой подбирались физиотерапевтом индивидуально для каждого человека. Все пациенты поступали на медицинскую

реабилитацию в санаторий на 11–14 сутки после травмы, имели однотипную клиническую картину отека предплечья и кисти, отсутствия функции поврежденного лучезапястного сустава, болевой синдром. В качестве восстановления функциональной активности основной категории больных была использована лечебная физкультура по унифицированной программе, разработанной нами в ходе диссертационного исследования [4] под контролем врача-ортопеда и врача по лечебной физкультуре. Алгоритм введения упражнений включал 3 группы действий, основу которых составляли сроки осуществления, стадии репарации повреждений, метод ведения после перенесенной травмы.

В использованном методе восстановления функциональной активности особое внимание уделялось поддержанию законов адекватности выполняемых нагрузок способностям индивидуума, отсутствию боли и дискомфорта при работе, специальной последовательности в возрастании нагрузок.

Первая группа действий (6 упражнений) началась на 7–10 сутки при консервативном ведении больных, а также на 3–4 сутки после хирургической коррекции в течение 1 недели. Упражнения лечебной гимнастики были нацелены на увеличение подвижности суставов предплечья и кисти, миорелаксацию, снижение отека, купирование боли.

Плавное возрастание амплитуды движений в кистевом сочленении – главная задача первой группы действий.

Вторые действующие упражнения (12 упражнений) – это дистракция мышечно-связочного сегмента, оптимальное увеличение амплитуды движений в кистевом суставе в срок 2 недель, полное купирование болевого компонента и отека.

Третья группа – это 12 комплексных упражнений, направленных на окончательное восстановление мышечной силы и функциональной активности пораженной конечности с реализацией полной трудовой и социальной адаптации. Начиная с 3–4 недели после травмы при наличии всех признаков консолидации отломков использовались активные движения с отягощением. Лицам после дистракционного остеосинтеза аппаратом внеш-

ней фиксации (2 пациента из основной группы и 1 пациент из контрольной группы) на протяжении периода фиксации аппаратом выполняли упражнения для активной работы пальцев кисти, введение всех остальных групп упражнений из программы начинали с момента демонтажа внешнего корректора.

Анализ исходов восстановительного лечения. В период 3, 6 месяцев после полученной травмы мы проводили оценку улучшения амплитуды движений в кистевом суставе при отсутствии боли, функциональной деятельности кисти по вопроснику DASH (disabilities of the arm, shoulder and hand). Также мы исследовали качество жизни больных, ассоциируемого со здоровьем по вопроснику SF-36 (health status survey).

Восстановление нормальной анатомии сегментов, образующих лучезапястный сустав, в условиях стабильной коррекции повреждения, напрямую коррелирует с адекватным возрастанием объема движений в кистевом суставе в определенные сроки после лечения. Функцию в исследуемом сегменте мы сравнивали с функционированием здоровой конечности, рассчитывая разницу в процентах. В качестве доказательства эффективности проведенного нами лечения мы внедрили Т-критерий Вилкоксона. Конечные показатели были представлены в виде (M) средней, а также (SD) среднеквадратичного стандартного отклонения средней, при этом различия определялись как достоверные при величине $p < 0,05$. Во время анализа улучшения объема подвижности кистевого сочленения определено достоверное полное восстановление данной категории в основной группе через 3 месяца (86,6%), что в контрольной группе составляло лишь 57,3% случаев. При оценке лечения через период 6 месяцев показатели различались как 92,4% и 71,3% соответственно.

Мы использовали в своей практике вопросник трудоспособности плеча, предплечья, кисти (DASH) как возможность функциональной и физической активности, осуществляемую данными людьми до момента повреждения предплечья. В таблице 1 наглядно изображена функция кисти по шкале DASH в исследуемые периоды наблюдения.

Таблица 1. Оценка функциональных исходов лечения по шкале DASH

Функциональный исход	1 Период (14 день после репозиции)		2 Период (3 месяца)		3 Период (6 месяцев)	
	ОГ	КГ	ОГ	КГ	ОГ	КГ
Отличный	–	–	19(79,1%)	4 (20%)	21(87,5%)	5 (25%)
Хороший	–	–	4(16,7%)	8(40%)	2(8,4%)	11 (55%)
Удовлетворительный	20 (83%)	17 (85%)	1(4,2%)	7 (35%)	1(4,1%)	3 (15%)
Неудовлетворительный	4(17%)	3 (15%)	–	1(5%)	–	1(5%)

При анализе качества жизни пациентов основной группы мы отметили достоверное его повышение в результате использования разработанного нами алгоритма реабилитации (критерии физического, социального функционирования, боле-

вого порога). Костное сращение отломков в обеих группах (44 человека) было достигнуто полностью в среднем через $2,9 \pm 1,14$ месяцев после репозиции. Важно отметить, что все пациенты положительно оценили восстановительное лечение

в условиях санатория, отмечали положительные сдвиги в психологическом состоянии. В период 6 месяцев после восстановительной комплексной коррекции по разработанной нами и внедренной в практику санатория реабилитационной программы в 23 случаях (96,9%) мы оценили результат лечения как отличный и хороший, у 1 пациента (4,1%) исход оказался удовлетворительный. У 1 пациента с тяжелым внутрисуставным повреждением усилился отек кисти на 2 день восстановительного лечения, что потребовало коррекции физио-функционального лечения и дополнительного медикаментозного воздействия с положительным результатом. В основной группе наблюдения неудовлетворительные результаты восстановительного лечения отсутствовали. В контрольной группе у 16 пациентов (80%) –отличный и хороший результат, у 3 (15%)- удовлетворительный, в связи с развитием посттравматической контрактуры лучезапястного сустава, болевого синдрома, требующих дальнейшего лечения, у 1 пациента (5%)- развился посттравматический артроз через 3 месяца после лечения, болевой синдром, что существенно снизило его качество жизни.

Суммируя вышесказанное, мы определили основные критерии, способствующие отличным исходам восстановительного лечения дистальных переломов лучевой кости и лучезапястного сустава в различные сроки после травмы:

- обеспечение стабильной фиксации перелома является необходимым условием начала реабилитационного лечения;
- этапная реабилитационная программа, включающая специальные навыки и упражнения лечебной гимнастики, обеспечивает адекватное восстановление утраченной подвижности поврежденного сегмента уже в раннем посттравматическом периоде, способствует устранению боли, отека и риска развития осложнений;
- мышечная сила конечности и бытовая адаптация достоверно и безопасно для пациента повышаются в процессе восстановительного лечения уже на раннем сроке лечения параллельно этапам репарации костной ткани.

Внедрение в широкую практику разработанной программы восстановления функции кистевого сустава в условиях санатория достоверно улучшает качество и сроки лечения, минимизирует риск развития осложнений (контрактуры, артроз, воспаление), позитивно влияет на психологическое состояние пациента, дает возможность людям быстро вернуться к привычному образу жизни, труду, а также адаптироваться в социальной среде.

Литература

1. Sergeev S. V., Karakulko N.A. Fractures of radius distal metaepiphysis. Choice of surgical treatment // Material of International congress. – Poznan (Poland). 2014. – С. 112.
2. Xarchas K.C. Classifying fractures of the distal radius: impossible or unnecessary? Review of the literature and proposal of a grouping system // Med. Sci. Monit. 2009. Vol. 15. P. 67–77
3. Гильмутдинова Л.Т., Кутлиахметов Н.С., Сахабутдинова А.Р. Медицинская реабилитация больных с травмами верхних конечностей // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 10–4. – С. 647–650
4. Каракулько Н. А., Сергеев С.В. Тактика дифференцированного хирургического лечения переломов дистального метаэпифиза лучевой кости // Врач-аспирант. – Воронеж, 2014. – № 3 (62). – С. 407–416.

IMPLEMENTATION OF A COMPREHENSIVE REHABILITATION PROGRAM FOR PERSONS WITH INJURIES OF THE DISTAL PART OF THE RADIUS IN A SANATORIUM

Khasanova N.A.

State budgetary health care institution of the Kamchatka Territory Petropavlovsk-Kamchatskaya city children's polyclinic No. 1

This work is devoted to the implementation of a comprehensive rehabilitation program for the early recovery of the function of the forearm and hand in a sanatorium in the Kamchatka Territory for a category of people who have experienced a severe injury to the forearm (fracture). Conducting adequate rehabilitation in this category of patients in the early and late post-traumatic periods allows you to quickly improve the quality of life of patients, household and professional adaptation. The aim of the study was to optimize the anatomical and functional outcomes of restorative treatment in patients with fractures of the lower third of the radius in the early and late post-traumatic period, depending on the phases of reparative regeneration. This study demonstrated the high efficiency of the implementation of the developed unified rehabilitation program, which is based on the morphological features of the injury, the staging of the regenerative process, as well as the differentiated choice of the method of reposition and fixation of fragments.

Keywords: forearm injuries, radius metaepiphysis, distal fragment, physiotherapy exercises, quality of life, restoration of functioning.

References

1. Sergeev S. V., Karakulko N.A. Fractures of radius distal metaepiphysis. Choice of surgical treatment // Material of International congress. – Poznan (Poland). 2014. – S. 112.
2. Xarchas K.C. Classifying fractures of the distal radius: impossible or unnecessary? Review of the literature and proposal of a grouping system // Med. sci. Monitor. 2009 Vol. 15. P. 67–77
3. Gilmudtinova L.T., Kutliakhmetov N.S., Sakhabutdinova A.R. Medical rehabilitation of patients with injuries of the upper extremities // Fundamental research. – 2014. – No. 10–4. – S. 647–650
4. Karakulko N. A., Sergeev S.V. Tactics of differentiated surgical treatment of fractures of the distal metaepiphysis of the radius // Doctor-graduate student. – Voronezh, 2014. – No. 3 (62). – S. 407–416.

Оценка эффективности комплексной реабилитации после COVID-19: систематизация результатов наблюдений

Ачабаева Айшат Борисовна,

старший преподаватель медицинского факультета, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: Aisha.aca@yandex.ru

Хозаев Муслим Камалович,

аспирант, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: sor_iliya@mail.ru

Калмыкова Адиса Арсеновна,

ординатор, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: Aisha.aca@yandex.ru

Акежева Фарида Тоджиддиновна,

студент, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: Aisha.aca@yandex.ru

Алиев Темерлан Илиясович,

студент, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: Aisha.aca@yandex.ru

По состоянию на 27 декабря 2021 года, согласно официальной статистике ВОЗ, заболеваемость коронавирусной инфекции в мире составила 238 млн человек., летальные исходы составили 4.26 млн. случаев. У большинства (80%) людей болезнь проходит в легкой форме, у 15% – в тяжелой форме, 5% больных имеют фатальный ход. Последствия заболевания могут быть настолько серьезными, что требуют недель и месяцев реабилитации, так как вирус поражает легкие, сердечно-сосудистую систему, систему пищеварения, мочевую систему и нервную систему пациента. Среди основных проблем со здоровьем у переболевших COVID-19 эксперты выделяют стенокардию и аритмию – эти заболевания сердца могут развиваться как из-за действия вируса, так и из-за длительного нахождения пациента на постельном режиме и аппарате управляемого дыхания. Данная статья посвящена рассмотрению особенностей организации и проведения реабилитационных процедур больных, перенесших COVID-19. Цель статьи заключается в оценке эффективности и результативности комплексной медицинской реабилитации на маршруте среднегорного природного парка курорта Нальчик у больных, перенесших коронавирусную инфекцию COVID-19.

Ключевые слова: реабилитация, болезнь, природа, коронавирусная инфекция, пациент, прогулка, термальные ванны, физические нагрузки.

Актуальность. Пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19), вызванная вирусом SARS-CoV-2, возникла в 2019 году в г. Ухань и впоследствии распространилась по всему миру. Воздействие заболевания было разрушительным из-за высокой заболеваемости и смертности, что привело к изменению повседневной жизни людей из-за карантинных ограничений, введенных правительствами по всему миру для ограничения социального взаимодействия и распространения вируса [1,2].

По состоянию на декабрь 2021 г. общее число смертей от COVID-19 превысило 4 миллиона случаев, а общая заболеваемость превысила 200 млн человек. Предварительный анализ заболеваемости и смертности COVID-19 продемонстрировал, что заболевание превышает смертность от рака (8,2 миллиона), диабета (1,5 миллиона) и других ключевых факторов.

Большинство исследований, опубликованных в 2020 г. и посвященных COVID-19, сосредоточены на неотложной помощи, эпидемиологии, вирусной структуре, молекулярных механизмах инфекции, патофизиологии, диагностике, клинических характеристиках и вариантах лечения, включая вакцинацию [3]. Однако в последующем научное сообщество пришло к необходимости изучения и рассмотрения реабилитации после заболевания COVID-19, так как последствия заболевания могут быть крайне тяжелыми.

В 2021 г. исследования, посвященные реабилитации COVID-19 развиваются активными темпами, однако большинство исследований основываются на опыте оказания неотложной помощи или предоставляют только общие рекомендации [4,5]. Тем не менее, эти исследования были полезны при планировании раннего реабилитационного лечения во время острой фазы пандемии. В настоящее время респираторная реабилитация считается наиболее важной стратегией ведения пациентов с COVID-19 [6,7,8].

Исследования, посвященные респираторной реабилитации при COVID-19, которые имеются на сегодняшний день, в основном базируются на рекомендациях для других респираторных заболеваний (например, для хронических obstructивных заболеваний легких, интерстициальных заболеваний легких или астме), а не на специальных протоколах и методиках для COVID-19 [9, 10, 11]. Это обуславливает актуальность проведения исследования, направленного на изучение медицинской респираторной реабилитации при коронавирусной инфекции, в частности, на изучение

и оценку маршрута среднегорного природного парка курорта Нальчик как этап комплексной медицинской реабилитации у больных перенёсших COVID-19.

Рандомизированные и контролируемые испытания по реабилитации пациентов с COVID-19 затруднительны из-за новизны заболевания и острого воздействия на системы здравоохранения в течение 2020–2021 гг. Однако имеющиеся данных экспериментального исследования, проведённого в группе пожилых пациентов с COVID-19, показало улучшение дыхательной функции, качества жизни и тревожности после 6 недель респираторной реабилитации [12]. Данных о долгосрочном ведении этих пациентов пока нет.

На данный момент в литературных источниках по реабилитации отсутствует стандартная систематика существующих методов лечения, это может ограничивать надлежащую оценку наиболее эффективных методов лечения пациентов после заражения COVID-19. Данная проблема многократно поднималась в исследованиях, где авторы анализировали подходы к библиографическому поиску [13, 14]. Это обусловило выбор методологии для проведения данного исследования.

Цель проводимого исследования заключается в оценивании эффективности и результативности комплексной медицинской реабилитации на маршруте среднегорного природного парка курорта Нальчик у больных, перенесших коронавирусную инфекцию COVID-19.

Материал и методы. Сначала был выполнен систематический литературный анализ и контент-анализ. Материалами для проведения систематического литературного и контент-анализа были актуальные научные источники, посвященные вопросам респираторной реабилитации после перенесенных респираторных заболеваний.

Экспериментальная часть данного исследования включала в себя проведение рандомизированного исследования, в которое было включено 65 пациентов с последствиями перенесенной коронавирусной инфекции COVID-19. Методом слепой выборки было сформировано 3 группы: контрольная группа (22 человека), основная группа № 1, основная группа № 2. Каждая группа получила разный комплекс лечения, данные приведены в таблице 1. Материалами экспериментальной части стали результаты, полученные в результате наблюдения за пациентами (табл. 1).

Таблица 1. Состав комплексов лечения для группы участников исследования

Группа	Состав лечебного комплекса
Контрольная группа	– ЛФК (физические и дыхательные упражнения); – терренкур по маршруту № 1 среднегорного природного парка курорта Нальчик
Основная группа № 1	– ЛФК (физические и дыхательные упражнения); – терренкур по маршруту № 1 среднегорного природного парка курорта Нальчик; – психотерапия продолжительностью 30 мин (8 сеансов); – натуральная аэроионофитотерапия, которая включала в себя ходьбу согласно маршруту терренкура № 1 с остановками на 15–20 мин. (остановки и передышки проходили на специально оборудованных лечебных площадках, которые имели благоприятный микроклимат и отличались оптимальным режимом аэроионизации)
Основная группа № 2	– бальнеотерапия, которая включала в себя прием минеральной воды «Нальчик» с небольшой концентрацией из расчета 3–3,5 мл на килограмм массы тела, вода была прописана 3 раза в день, за 30–40 мин до приема пищи, в теплом виде; – термальные ванны, насыщенные азотом с температурой – 36–37 °С, продолжительностью 15 мин, раз в два дня, всего 8 сеансов на один курс лечения.

Контроль эффективности реабилитационных мероприятий оценивался на основании следующих критериев:

оценка уровней пульса (Ps) и сатурации крови кислородом (SpO₂) методом пульсоксиметрии, ежедневно;

функциональные пробы (тест шестиминутной ходьбы (ТШХ), анализ переносимости физических упражнений и нагрузки по Шкале Борга, оценка одышки и периферической мышечной силы пациентов с помощью шкалы MRC), ежедневно;

измерение пиковой скорости выдыхаемого воздуха (пикфлоуметрия), ежедневно;

анализ неспровоцированных дыхательных потоков (спирография), до и после проведения медицинской реабилитации;

лазерная доплеровская флоуметрия, до и после проведения медицинской реабилитации;

психологическое тестирование (Госпитальная шкала депрессии и тревоги (HADS)), до и после проведения медицинской реабилитации;

оценка качества жизни с использованием опросника EQ-5D (EuroQol), до и после проведения медицинской реабилитации.

Статистический анализ полученных материалов был выполнен с использованием стандартных прикладных программ «SPSS 13.0 Mathematica 5.1», различия считались существенными при $p < 0,05$.

Полученные результаты. Проведенный систематический литературный обзор и контент-анализ продемонстрировали, что легочная или респираторная реабилитация – одно из наиболее эффективных вмешательств после коронавирусной инфекции, демонстрирующее клинически значимого улучшения одышки, утомляемости и качества

жизни. В частности, было выявлено, что респираторная реабилитация, реализуемая минимум в течение недель, приводит к статистически и клинически значимому улучшению качества жизни, связанного со здоровьем, также снижает количество повторных госпитализаций, если реабилитация проводится в течение первого месяца после выписки из больницы.

Также литературный анализ показал наличие уникальных природных лечебных факторов курорта федерального значения Нальчик Кабардино-Балкарской Республики [15, 16].

Согласно принятому сегодня определению Американского торакального общества / Европейского респираторного общества респираторная реабилитация включает в себя «комплексное вмешательство, основанное на тщательной оценке пациента с последующими индивидуализированными терапиями, которые включают, но не ограничиваются физическими упражнениями, обучением и вмешательством по самоконтролю, направленным на изменение поведения, улучшение физического и психологического состояния, содействие долгосрочному соблюдению здоровых форм поведения. Таким образом, на сегодняшний день доказана эффективность респираторной реабилитации после COVID-19, однако нет конкретных рекомендаций по ее методологии.

Выполненная экспериментальная часть исследования продемонстрировала, что комплексная климатическая, психологическая и бальнеотерапия способствовала существенному улучшению физического (на 30,8%; $p < 0,01$) и психического (на 28,6%; $p < 0,01$) здоровья у 85,7% пациентов. При этом были выявлены четкие корреляционные взаимосвязи с ростом терпимости к физическим упражнениям и нагрузке, улучшением насыщения крови кислородом, восстановлением нарушенных функций бронхолегочного аппарата. В основной группе № 1 положительная динамика изученных показателей была ниже на 8–10%, а в контрольной группе отмечалась тенденция к улучшению данных параметров.

Заключение. Для пациентов, перенесших коронавирусную инфекцию COVID-19, разработана реабилитационная программа с последовательным применением природной аэроионофитотерапии, ЛФК, психотерапии на маршруте среднегорного природного парка курорта Нальчик, а также внутреннего и наружного применения минеральных вод, существенно улучшающих физическое и психическое здоровье.

Получены данные о влиянии последовательно применения природной аэроионофитотерапии, ЛФК, психотерапии на повышение толерантности к физическим нагрузкам, коррекцию тревожно-депрессивных расстройств, восстановление нарушенной функции внешнего дыхания, улучшение качества жизни.

Разработана реабилитационная программа на маршруте среднегорного природного парка курорта Нальчик с последовательным применением

природной аэроионофитотерапии, ЛФК, психотерапии.

В ходе экспериментальной части данного исследования доказана эффективность и положительные результаты разработанных реабилитационных программ.

Литература

1. Rizvi SG, Ahammad SZ. COVID-19 and antimicrobial resistance: A cross-study. *Sci Total Environ.* 2022 Feb 10;807(Pt 2):150873. doi: 10.1016/j.scitotenv.2021.150873. Epub 2021 Oct 8. PMID: 34634340; PMCID: PMC8500695.
2. Huang, C.; Wang, Y.; Li, X.; Ren, L.; Zhao, J.; Hu, Y.; Zhang, L.; Fan, G.; Xu, J.; Gu, X.; et al. Clinical features of patients infected with 2019 novel coronavirus in Wuhan, China. *Lancet* 2020, 395, 497–506.
3. McCloskey, B.; Zumla, A.; Ippolito, G.; Blumberg, L.; Arbon, P.; Cicero, A.; Endericks, T.; Lim, P.L.; Borodina, M. Mass gathering events and reducing further global spread of COVID-19: A political and public health dilemma. *Lancet* 2020, 395, 1096–1099.
4. Chilamakuri, R.; Agarwal, S. COVID-19: Characteristics and Therapeutics. *Cells* 2021, 10, 206.
5. Zhou, F.; Yu, T.; Du, R.; Fan, G.; Liu, Y.; Liu, Z.; Xiang, J.; Wang, Y.; Song, B.; Gu, X.; et al. Clinical course and risk factors for mortality of adult inpatients with COVID-19 in Wuhan, China: A retrospective cohort study. *Lancet* 2020, 395, 1054–1062.
6. Zha, L.; Xu, X.; Wang, D.; Qiao, G.; Zhuang, W.; Huang, S. Modified rehabilitation exercises for mild cases of COVID-19. *Ann. Palliat. Med.* 2020, 9, 3100–3106.
7. Vitacca, M. Will the COVID tsunami be able to impose tele-rehabilitation as a system opportunity? *Pulmonology* 2020, 26, 338–339.
8. Wang, T.J.; Chau, B.; Lui, M.; Lam, G.; Lin, N.; Humbert, S. Physical medicine and rehabilitation and pulmonary rehabilitation for COVID-19. *Am.J. Phys. Med. Rehab.* 2020, 99, 769–774.
9. Dixit, S.; Borghi-Silva, A.; Bairapareddy, K.C. Revisiting pulmonary rehabilitation during COVID-19 pandemic: A narrative review. *Rev. Cardiovasc. Med.* 2021, 22, 315–327.
10. Barker-Davies, R.M.; O'Sullivan, O.; Senaratne, K.P.P.; Baker, P.; Cranley, M.; Dharm-Datta, S.; Ellis, H.; Goodall, D.; Gough, M.; Lewis, S.; et al. The Stanford Hall consensus statement for post-COVID-19 rehabilitation. *Br.J. Sports Med.* 2020, 54, 949–959.
11. Schmidt, K.; Gensichen, J.; Gehrke-Beck, S.; Kosilek, R.P.; Kühne, F.; Heintze, C.; Baldwin, L.M.; Needham, D.M. Management of COVID-19 ICU-survivors in primary care: A narrative review. *BMC Fam Pract.* 2021, 22, 160.
12. Onder, G.; Giovannini, S.; Sganga, F.; Manes-Gravina, E.; Topinkova, E.; Finne-Soveri, H.; Garms-Homolová, V.; Declercq, A.; van der Roest,

H.G.; Jónsson, P.V.; et al. Interactions between drugs and geriatric syndromes in nursing home and home care: Results from Shelter and IBenC projects. *Aging Clin. Exp. Res.* 2018, 30, 1015–1021.

13. Spruit, M.A.; Holland, A.E.; Singh, S.J.; Tonia, T.; Wilson, K.C.; Troosters, T. COVID-19: Interim Guidance on Rehabilitation in the Hospital and Post-Hospital Phase from a European Respiratory Society and American Thoracic Society-coordinated International Task Force. *Eur. Respir. J.* 2020, 56, 2002197.
14. Puhan, M.A.; Gimeno-Santos, E.; Cates, C.J.; Troosters, T. Pulmonary rehabilitation following exacerbations of chronic obstructive pulmonary disease. *Cochrane Database Syst. Rev.* 2016, 12, CD005305.
15. Балкаров М.И., Сергиенко И. Н., Красногорская В.В., Тлиашинов З.К. и соавт. Основные принципы комплексного лечения больных на курорте Нальчик. – Кн. Изд. «Эльбрус», 1974. – 299 с.
16. Бабякин А.Ф., Ефименко Н.В., Глухов А.Н., Гринзайд Ю.М., Данилов С.Р., Кайсинова А.С., Корчажкина Н.Б., Поволоцкая Н.П., Полозков И.М., Чалая Е.Н. Курортология Кавказских Минеральных Вод // Монография. – Пятигорск: ФГУ Пятигорский государственный НИИ курортологии ФМБА России, 2009. – Т. 1, 333 с.

EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF COMPREHENSIVE REHABILITATION AFTER COVID-19: SYSTEMATIZATION OF OBSERVATIONAL RESULTS

Achabaeva A.B., Khozaev M.K., Kalmykova A.A., Akezheva F.T., Aliev T.I.
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

As of December 27, 2021, according to official WHO statistics, the incidence of coronavirus infection in the world was 238 million people, deaths amounted to 4.26 million cases. In most (80%) people, the disease is mild, in 15% – in severe form, 5% of patients have a fatal course. The consequences of the disease can be so serious that they require weeks and months of rehabilitation, since the virus infects the lungs, cardiovascular system, digestive system, urinary system and nervous system of the patient. Among the main health problems in those who have had COVID-19, experts distinguish angina pectoris and arrhythmia – these heart diseases can develop both due to the action of the virus, and due to the patient's long stay on bed rest and a ventilator. This article is devoted to the consideration of the features of the organization and conduct of rehabilitation procedures for patients who have undergone COVID-19. The purpose of the article is to assess the effectiveness and efficiency of comprehensive medical rehabilitation on the route of the mid-mountain natural park of the Nalchik resort in patients who have undergone coronavirus infection COVID-19.

Keywords: rehabilitation, illness, nature, coronavirus infection, patient, walk, thermal baths, physical activity.

References

1. Rizvi SG, Ahammad SZ. COVID-19 and antimicrobial resistance: A cross-study. *Sci Total Environ.* 2022 Feb 10;807(Pt 2):150873. doi: 10.1016/j.scitotenv.2021.150873. Epub 2021 Oct 8. PMID: 34634340; PMCID: PMC8500695.
2. Huang, C.; Wang, Y.; Li, X.; Ren, L.; Zhao, J.; Hu, Y.; Zhang, L.; Fan, G.; Xu, J.; Gu, X.; et al. Clinical features of patients infected with 2019 novel coronavirus in Wuhan, China. *Lancet* 2020, 395, 497–506.
3. McCloskey, B.; Zumla, A.; Ippolito, G.; Bloomberg, L.; Arbon, P.; Cicero, A.; Endericks, T.; Lim, P. L.; Borodina, M. Mass gathering events and reducing further global spread of COVID-19: A political and public health dilemma. *Lancet* 2020, 395, 1096–1099.
4. Chilamakuri, R.; Agarwal, S. COVID-19: Characteristics and Therapeutics. *Cells* 2021, 10, 206.
5. Zhou, F.; Yu, T.; Du, R.; Fan, G.; Liu, Y.; Liu, Z.; Xiang, J.; Wang, Y.; Song, B.; Gu, X.; et al. Clinical course and risk factors for mortality of adult inpatients with COVID-19 in Wuhan, China: A retrospective cohort study. *Lancet* 2020, 395, 1054–1062.
6. Zha, L.; Xu, X.; Wang, D.; Qiao, G.; Zhuang, W.; Huang, S. Modified rehabilitation exercises for mild cases of COVID-19. *Ann. Palliat. Med.* 2020, 9, 3100–3106.
7. Vitacca, M. Will the COVID tsunami be able to impose tele-rehabilitation as a system opportunity? *Pulmonology* 2020, 26, 338–339.
8. Wang, T. J.; Chau, B.; Louis, M.; Lam, G.; Lin, N.; Humbert, S. Physical medicine and rehabilitation and pulmonary rehabilitation for COVID-19. *Am. J Phys. Med. rehab.* 2020, 99, 769–774.
9. Dixit, S.; Borghi-Silva, A.; Bairapareddy, K.C. Revisiting pulmonary rehabilitation during COVID-19 pandemic: A narrative review. *Rev. Cardiovasc. Med.* 2021, 22, 315–327.
10. Barker-Davies, R.M.; O'Sullivan, O.; Senaratne, K.P.P.; Baker, P.; Cranley, M.; Dharm-Datta, S.; Ellis, H.; Goodall, D.; Gough, M.; Lewis, S.; et al. The Stanford Hall consensus statement for post-COVID-19 rehabilitation. *Br. J. Sports Med.* 2020, 54, 949–959.
11. Schmidt, K.; Gensichen, J.; Gehrke-Beck, S.; Kosilek, R.P.; Kühne, F.; Heintze, C.; Baldwin, L. M.; Needham, D.M. Management of COVID-19 ICU-survivors in primary care: A narrative review. *B.M.C. Fam Pract.* 2021, 22, 160.
12. Onder, G.; Giovannini, S.; Sganga, F.; Manes-Gravina, E.; Topinkova, E.; Finne-Soveri, H.; Garms-Homolová, V.; Declercq, A.; van der Roest, H. G.; Jonsson, P.V.; et al. Interactions between drugs and geriatric syndromes in nursing home and home care: Results from Shelter and IBenC projects. *Aging Clin. Exp. Res.* 2018, 30, 1015–1021.
13. Spruit, M.A.; Holland, A.E.; Singh, S.J.; Tonia, T.; Wilson, K. C.; Troosters, T. COVID-19: Interim Guidance on Rehabilitation in the Hospital and Post-Hospital Phase from a European Respiratory Society and American Thoracic Society-coordinated International Task Force. *Eur. Respir. J.* 2020, 56, 2002197.
14. Puhan, M. A.; Gimeno-Santos, E.; Cates, C.J.; Troosters, T. Pulmonary rehabilitation following exacerbations of chronic obstructive pulmonary disease. *Cochrane Database Syst. Rev.* 2016, 12, CD005305.
15. Balkarov M. I., Sergienko I.N., Krasnogorskaya V.V., Tliashinov Z.K. et al. Basic principles of complex treatment of patients at the resort of Nalchik. – Prince. Ed. "Elbrus", 1974. – 299 p.
16. A. F. Babyakin, N.V. Efimenko, A.N. Glukhov, Yu.M. Grinzaid, S.R. Danilov, A.S. Kaisinova, N.B. Korchazhkina, and N.P. Povolotskaya, Polozkov I.M., Chalaya E.N. Balneology of the Caucasian Mineral Waters // Monograph. – Pyatigorsk: FGU Pyatigorsk State Research Institute of Balneology FMBA of Russia, 2009. – Т. 1, 333 p.

Факторы институциональной трансформации общества согласно социосинергетической теории

Громакова Виктория Георгиевна,

к.б.н., доцент, кафедра региональной социологии и моделирования социальных процессов, Институт социологии и регионоведения, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

E-mail: victoriagromakova@yandex.ru

Объектом теоретических изысканий, представленных в данной статье, является общество как открытая неравновесная система, способная к самоорганизации. Предметом исследования выступают факторы и движущие силы институциональной трансформации социетальной системы.

Научная проблема определяется, исходя из таких известных фактов, как низкая прогнозируемость и управляемость институциональной трансформации, с одной стороны, и необходимостью снижения сопутствующих им рисков – с другой. Соответственно, ставится вопрос о механизме институциональной трансформации, который предлагается рассмотреть, используя в качестве методологической базы принципы и положения социосинергетики. Основным элементом новизны в данной статье является синтез неинституциональной теории с положениями социосинергетики. В ходе исследования проведен анализ процесса институциональной трансформации с позиций социосинергетической концепции с использованием таких категорий, как диссипация энергии, энтропия, стационарное и неравновесное состояние в их социальном выражении. Приведены характеристики эволюционного и кризисного этапов в развитии институциональной системы. Акцентировано внимание на рисках трансформационного периода и связи его итогов с предшествовавшим периодом стабильности.

Ключевые слова: социальный институт, социальная трансформация, социосинергетика, диссипация энергии, энтропия, нелинейная динамика.

Российское общество, начиная с конца восьмидесятых годов прошлого столетия и по настоящее время, рассматривается социологами как трансформирующееся [1–4]. Кроме того, процессы социальных изменений постепенно охватывают и другие части мирового сообщества, включая те, которые еще недавно казались стабильными. В этой связи устойчивый интерес исследователей к проблемам социальных трансформаций не вызывает удивления [5].

Однако, несмотря на значительное количество публикаций, посвященных вопросам социальной трансформации, в научном дискурсе пока еще не сформировалось консенсусного определения соответствующего понятия, в связи с чем приведем его определение согласно Локосову В.В. [6], которое достаточно полно учитывает наиболее распространенные в научной литературе точки зрения [1–3] и которого мы будем придерживаться в рамках данной статьи. Итак, социальная трансформация – «это процесс существенного изменения общества в целом или его системообразующих элементов, который характеризуется многовекторностью, относительно высоким темпом реализации изменений и повышенным влиянием субъективных факторов» [6].

Тем, что течение и итоги социальной трансформации определяются не только и не столько воздействиями со стороны властных структур, сколько поведением социальных агентов [1, 6], чем объясняется слабая управляемость данного процесса, а также отсутствие возможности гарантировать положительный характер изменений [6]. Данными проблемными аспектами трансформационных процессов обусловлена высокая актуальность исследований, направленных на установление факторов, движущих сил и механизмов социальной трансформации. А социосинергетика – наука о самоорганизации социальных систем – стала частью методологической базы для их изучения в рамках данной статьи [5].

С другой стороны, рассуждая о структуре трансформационного процесса Т.И. Заславская, предлагала выделять три его основных вектора, которые одновременно выступают и движущими силами, и результатами. Речь шла о человеческом потенциале, социально-групповой структуре и эффективности социальных институтов [1]. Тот факт, что социальные институты представляют

собой комплексы норм и правил, регламентирующие поведение социальных агентов [7] и через него влияющих на социально-ролевую и социально-групповую структуру общества, дает основания рассматривать динамику институтов в качестве центрального звена социальной трансформации, чем и обусловлен интерес конкретно к этой предметной области.

С учетом сказанного выше целью исследования, результаты которого представлены далее, стал анализ институциональной трансформации с точки зрения социосинергетической концепции.

Базовые социальные институты в истории обществ возникали стихийно в процессе социального взаимодействия как комплексы неформальных норм и общепринятых моделей поведения, а в последствии закреплялись в форме кодексов и законов. В настоящее время развитие социальных институтов находится под влиянием как стихийных социальных практик, так и целенаправленных управляющих воздействий со стороны формальной власти. Однако смысл существования социального института на любой стадии его формирования и развития заключается в эффективном снижении транзакционных издержек [7], под которыми понимаются затраты временных и финансовых ресурсов, а также духовных и физических сил, которые несут участники социальных интеракций в стремлении защитить собственные интересы и снизить связанные с их ущемлением риски.

Неэффективные социальные институты подвергаются трансформации, что предполагает существенные изменения формальных и неформальных норм. Однако, если первые могут быть изменены быстро и радикально принятием новых законов, то вторые, связанные с ментальными программами субъектов социальных отношений, изменяются медленно, и это нередко тормозит или искажает применение формальных правил на практике. Инертность неформальной институциональной матрицы приводит к тому, что, как утверждал Д. Норт, институциональные изменения преимущественно непрерывны, а не дискретны [7], чем обусловлены такие свойства социальных институтов, как кумулятивность и эволюционность.

Кумулятивность означает постепенное накопление мелких изменений, затрагивающих второстепенные правила и подготавливающих почву для более крупных преобразований. Так новые нормы первоначально добавляются к более старым, расширяя пространство выбора приемлемой формы действий, и только в дальнейшем способны их полностью вытеснить.

Под эволюционными свойствами социальных институтов подразумевается зависимость текущих изменений от траектории предшествующего развития и исторически сложившейся институциональной матрицы [7,8].

На первый взгляд, выводам Д. Норта противостоят утверждения некоторых российских исследователей, определяющих социальные трансформации, как «радикальное и относительно быстрое

изменение социальной природы или социетально-го типа общества» [2] или как коренные изменения социальных институтов, сопровождающиеся ломкой их структуры [3]. Однако скорость и глубина изменений не обязательно предполагают полную оторванность новых институтов от правил и моделей поведения, действовавших в предшествующие периоды жизни общества. А непрерывный характер процесса не означает, что его скорость постоянна. Следовательно, речь может идти не о противоречиях, а о наличии белых пятен в теории, обуславливающих необходимость ее дополнения положениями, способными пролить свет на закономерности институциональной динамики. Для достижения данной цели обратимся к социосинергетической методологической базе.

Прежде чем перейти к анализу собственно проблем институциональных изменений в свете социосинергетической теории, сделаем краткий обзор ее основных положений. Социосинергетика представляет собой теорию социальной самоорганизации, основанную на приложении к описанию и исследованию механизмов развития общества принципов синергетики – междисциплинарного направления в науке, объясняющего образование упорядоченных структур в открытых, термодинамически неравновесных системах [9].

С точки зрения социосинергетики общество – это открытая неравновесная система, способная к самоорганизации. Как и для других систем подобного типа, для общества характерны диссипация энергии и нелинейная динамика. Здесь отметим, что системные представления об обществе имеют солидную теоретико-методологическую базу, восходящую к Т. Парсонсу, и находят отражение в современных исследованиях, а феномены нелинейности социального развития не раз привлекали внимание ученых [5].

Поскольку истоки синергетики в целом и социосинергетики в частности лежат в неравновесной термодинамике, то важными понятиями соответствующего дискурса являются энергия и энтропия, в связи с чем представляется целесообразным определить данные термины применительно к социальным системам и процессам в том значении, в котором они будут использованы в тексте данной статьи.

Энергия – это величина, являющаяся мерой любых форм движения материи, включая ее преобразования. Соответственно, энергия рассматривается и как способность системы совершать работу, из-за чего в физике энергия и работа имеют одну и ту же единицу измерения – джоуль. Однако оперировать в исследованиях социальных систем данным понятием в том же инструментальном определении, в котором оно используется физиками, и с той же единицей измерения крайне неудобно и нецелесообразно. Поэтому в рамках данной статьи в качестве эквивалента энергии в социальных системах будем рассматривать две переменные: финансовые средства (и все материальные объекты, которые могут быть в них конвертирова-

ны), а также ресурсы физической и психической активности субъектов социальных отношений, составляющие материальную основу их социального поведения.

Энтропия является мерой необратимого рассеивания – диссипации (бесполезных трат) энергии, а также мерой хаоса, мерой неопределенности состояния или поведения системы. Снижение энтропии в системе возможно только за счет затрат энергии и сброса избытка энтропии в окружающую среду. Аналогом энтропии в социальных системах является степень аномии или дезорганизации. Важно и то, что на поддержание порядка, то есть низкого уровня энтропии, в самоорганизующейся системе также затрачивается энергия, что обусловлено процессом постоянного самопорождения – аутопоэзиса – в таких системах [10]. Иллюстрациями справедливости данного тезиса применительно к социальным системам может служить работа правоохранительных органов по наведению и поддержанию порядка, усилия семей и образовательных организаций в процессе социализации подрастающих поколений и многое другое.

Изменения затрат энергии и уровня энтропии характеризуют динамику самоорганизующихся систем, в которой чередуются две фазы: эволюционного и кризисного (революционного) развития. Эволюционному этапу свойственна высокая степень упорядоченности внутренних процессов, устойчивость, обеспечиваемая преобладанием отрицательных обратных связей, подавляющих недопустимые отклонения, и медленное накопление количественных изменений, избыток которых в конечном итоге приводит к напряжению, а затем и срыву механизмов поддержания порядка в системе (ее гомеостаза). Такое устойчивое состояние системы, когда поддержание порядка обеспечивается за счет постоянного притока энергии извне, часто называют равновесным, хотя правильнее использовать термин «стационарное», т.к. термодинамически равновесные системы характеризуются максимумом энтропии и не способны к самоорганизации, т.е. они могут быть упорядочены только под влиянием внешних воздействий, иными словами, насильственно.

По мере накопления противоречий между структурной организацией и условиями существования системы регулирующие механизмы испытывают все большее напряжение. Все большая энергия затрачивается на устранение избыточного разнообразия, т.е. элементов, поведение которых отклоняется от нормы. Нередко на данном этапе система становится гиперустойчивой, блокирующей любые изменения и соответственно теряющей способность к адаптации и развитию.

В момент, когда прежние принципы регуляции в системе становятся не способны поддерживать порядок, наступает кризис, который характеризуется разрушением макроструктуры, скачком энтропии и резким увеличением разнообразия на микроуровне. Причем началом кризиса как

правило служит некое незначительное событие, аналогичное многим другим, имевшим место ранее, но не приводившим к столь масштабным последствиям. Т.е. динамика системы в этот период времени соответствует понятию катастрофы [11], что означает невозможность возврата системы в прежнее состояние усилиями, соизмеримыми с тем, которыми она была из него выведена, а только значительно большими.

Далее система переходит в режим поиска нового порядка, который позволил бы преодолеть те противоречия, которые привели к кризису. Таким образом, началом любой социальной трансформации, под которой подразумеваются глубинные изменения в институциональной структуре, является системный кризис.

Считается, что кризисная система всегда имеет несколько альтернативных вариантов выхода на следующий этап устойчивого развития, из-за чего такое ее состояние также называют точкой или – с учетом временной протяженности – полем бифуркации. Кроме того, вследствие дисфункциональности макроструктуры выбор дальнейшего пути определяют флуктуации, т.е. случайные отклонения в поведении отдельных элементов на микроуровне. Неоднозначностью выхода из кризиса определяется низкая надежность прогнозов, а высокая подверженность влиянию случайных факторов обуславливает слабую управляемость трансформирующихся систем.

При том что выбор направления выхода из кризиса плохо предсказуем, когда он сделан, в системе по принципу положительной обратной связи стремительно нарастают процессы формирования новой макроструктуры и степень неопределенности резко падает. Рамки допустимых альтернатив поведения сужаются, и система движется к состоянию устойчивости. Для обозначения такого переходного состояния в социологии существует термин «социальный транзит». В этот период определяется аттрактор – будущее состояние системы вплоть до следующего кризиса, в которое она непременно придет, если преодолет сложности транзита. Однако, пока процесс упорядочивания не завершен, остается риск повторного скатывания в поле бифуркации, поскольку, как уже отмечалось ранее, упорядочивание требует повышенных затрат энергии. Причем, вероятность таких возвратов, замедляющих выход из кризиса, зависит от степени конгруэнтности проводимых реформ структуре сложившихся в обществе социальных отношений. Так, затянувшийся период транзита в российском обществе исследователи связывают с отрицательной реакцией на реформы 1990-х годов [12]. Однако стоит отметить, что такая реакция была обусловлена прежде всего попыткой навязать нормы, совершенно чуждые российской институциональной матрице.

Таким образом, неоинституциональная теория дает четкое объяснение причин существования социальных институтов, определяет критерии их эффективности и постулирует их способность из-

меняться сообразно развитию общества. При этом обосновывается непрерывный характер и преемственность институциональных трансформаций. Однако вопросы динамики развития социальных институтов, изменения темпов и глубины изменений не освещаются. При этом во многих работах отмечается нелинейный характер социальных трансформаций, что обуславливает целесообразность обращения к социосинергетической модели для описания и объяснения механизма институциональной трансформации. Попробуем это сделать применительно к трансформационным процессам в российском обществе.

Поскольку, как отмечалось выше, трансформационный процесс начинается с кризиса, который подготавливается предшествующим периодом развития, то имеет смысл начать рассмотрение именно с эволюционной стадии изменений, когда социальные институты представляет собой стабильную систему норм, правил и моделей поведения. Их устойчивость обеспечивается широким распространением институциональных норм в социуме и наличием механизмов принуждения к их исполнению. В последний раз в отечественной истории соответствующие признаки в полной мере наблюдались в доперестроечном советском обществе, частью которого являлось российское, в связи с чем именно позднесоветский период следует рассматривать как эволюционный этап развития российской социальной системы, непосредственно предшествовавший текущему трансформационному переходу.

Здесь важно отметить, что не всегда действующие правила являются наиболее эффективными с точки зрения минимизации трансакционных издержек. Однако они могут сохраняться в течение длительных периодов времени, поскольку являются хорошо освоенными населением, и соответственно, их воспроизведение в социальных практиках требует гораздо меньших усилий, нежели освоение новых моделей поведения и компенсацию сопутствующих им неизбежных ошибок, а также связанных с ними рисков. Другими словами, следование общепринятым нормам удовлетворяет принципу минимума диссипации энергии.

К напряжению институциональной системы могут приводить накапливающиеся противоречия между действующими нормами и меняющимися качествами социума, а также вызовами окружающей среды (природной, социально-политической, социально-экономической). Институциональное напряжение может проявляться увеличением частоты флуктуаций, определяемых социумом как девиантное поведение, а также ростом трансакционных издержек участников социальных отношений. В СССР факторами, повышающими напряжение были товарный дефицит и падение цен на нефть – сокращение притока финансовых средств, которые как обговаривалось ранее выступают эквивалентом энергии в социальных системах; недобросовестность представителей партийной но-

менклатуры и руководителей предприятий, диссидентские движения – фактор внутрисистемной (социогенной) энтропии; авария на ЧАЭС – источник внешней (техногенной) энтропии.

Властные структуры в стремлении вернуть стабильность реагируют мобилизацией внутренних ресурсов, а также ужесточением формальных санкций и расширением полномочий контролирующих органов. Советская система реагировала ужесточением контроля за трудовой и партийной дисциплиной и репрессиями в отношении инакомыслящих.

Чрезмерные управляющие воздействия, направленные на сохранение порядка, способны привести систему в состояние стагнации и гиперустойчивости, предваряющих кризис, который обычно оказывается тем неожиданнее и разрушительнее, чем дольше порядок в системе поддерживается карательными мерами. И советская система в семидесятых – начале восьмидесятых годов развивалась именно по такому сценарию. То есть имели место стагнация плановой экономики, цензура, недопустимость критики правящей партии и политического режима, инертность политической и экономической элиты, что безусловно препятствовало прогрессивному развитию и снижало адаптивный потенциал системы.

Однако преждевременное и непродуманное реформирование институциональных норм чревато не менее, а возможно даже более плачевными последствиями, поскольку в силу упоминавшейся ранее эволюционности институтов и их зависимости от предшествовавшей траектории развития далеко не каждое формальное правило способно укорениться в социальных практиках в изначально предполагаемом виде. Так, необдуманная попытка реформирования советской социально-политической системы, предпринятая М.С. Горбачевым, запустила процессы, которые привели не к «социализму с человеческим лицом», а к всплеску национализма в союзных республиках, распаду страны, полной несостоятельности легальных социальных институтов и стихийному распространению криминальных норм и правил «дикого капитализма». [13, 14]

Начало кризисного этапа – крах институциональной системы – вне зависимости от того, какими причинами оно вызвано, всегда носит катастрофический характер в том смысле, что является неожиданным для подавляющего большинства социальных субъектов, начинается с незначительной флуктуации, но приводит к масштабным последствиям, после которых никакие меры уже не способны вернуть систему в прежнее состояние. Даже если внешне возвращается старый порядок, внутренне система уже другая, поскольку имеет другой опыт. Событие, которое служит триггером для запуска лавины необратимых последствий, в некоторых случаях определяется достаточно легко. Например, в случае с украинским кризисом 2013–2014 года формальным поводом для всплеска протестных выступлений послужил

отказ руководства страны от подписания договора об ассоциации с Европейским союзом. Однако довольно сложно выделить переломное событие, ставшее первым шагом к трансформации советской социальной системы, приведшей к ее краху и продолжившейся уже на постсоветском пространстве, в том числе в российском обществе. Скорее всего, такой точкой невозврата стала реализация на практике политики гласности, которая в одночасье сняла запреты на критику партии и советской политической системы и обусловила крах идеологии [13]. В результате правящий режим сразу оказался виновным и в политических репрессиях прошлого, и в социально-экономических проблемах настоящего. Также актуализировалась националистическая и антикоммунистическая повестка, следствием чего явились падения коммунистических режимов в Восточной Европе, «парад суверенитетов» в СССР и Беловежские соглашения [13].

Распад государства сопровождался кризисом буквально всех социальных институтов. Наиболее болезненно разрушительные последствия неумелых политических реформ ударили по экономике, но anomia захлестнула и другие сферы жизни, включая образовательную, медицинскую, семейную.

Несостоятельность институциональных норм, когда формальные правила не работают, а в неформальной структуре лавинообразно растет разнообразие, вынуждает социальных акторов самостоятельно искать способы минимизации транзакционных издержек, которые также экспоненциально растут. В обществе стремительно распространяется ориентация на цинично индивидуалистические, материальные ценности. Такие тенденции наблюдались в 90-е годы на постсоветском пространстве, а по мнению В.В. Кокорина преобладание материалистических ценностей является атрибутом любых кризисов и потрясений [4]. Данное состояние сопровождается колоссальными диссипациями энергии, она растрачивается на попытки изобретения или освоения новых форм взаимодействия и адаптации в условиях полной неопределенности. А самым ярким проявлением роста диссипативности на каждом новом витке трансформационного кризиса становится падение уровня и как следствие – продолжительности жизни. Так, в острой фазе трансформационного кризиса в России 90-х годов наблюдалось резкое снижение покупательской способности и численности населения [15]. В 1994 году была зафиксирована самая низкая с 1950-х годов средняя ожидаемая продолжительность жизни в России – 63,98 года [16]. Обвал нормативной структуры – это и падение институционального и межличностного доверия, обуславливающее рост агрессивности и преступности, что мы и наблюдаем в статистических сводках и работах по соответствующей проблематике [17].

Вместе с тем необходимо отметить, что смысл диссипации энергии в социальной системе заклю-

чается в потере контроля над ресурсами и освоением финансовых средств. Поэтому падение уровня жизни никогда не бывает равномерным во всем обществе. Наряду с обнищанием одних происходит обогащение других, успевающих присвоить те средства, которые вышли из-под институционального контроля. Так, в российском обществе рост показателей социального расслоения начался одновременно с вступлением в активную фазу социальной трансформации, еще в конце восьмидесятых, затем с развалом советской системы наблюдался их резкий скачок и далее, до финансового кризиса в 2008 году, имели место колебания при восходящем тренде, после чего наметилась тенденция к спаду [18].

Кроме того, anomia хоть и определяется, в частности, как социальный хаос, не означает полной атомизации общества. В недрах институционального хаоса закономерно формируются очаги упорядочивания на микроуровне, часть из которых имеют шанс со временем распространиться на всю систему и стать основой нового порядка. Но ошибочно думать, что в этот момент в системе может возникнуть нечто полностью отличное от прежних форм социального порядка, что кризисному обществу можно навязать любую форму организации. Не стоит забывать о том, что реально действующие социальные нормы конструируются участниками социальных отношений в соответствии с их ментальными программами, включающими аксиологический, когнитивный и конативный компоненты. Причем, как уже отмечалось ранее, субъекты социальных отношений действуют в соответствии с принципом минимума диссипации энергии, т.е. выбирают тот вариант самоорганизации, который имеет минимум неопределенности, является для них наиболее знакомым и понятным из всех мыслимых. Таким образом основы нового социального порядка присутствуют во флуктуациях прежней структуры. Причем, заметим, что, как показывает практика, широкое распространение отнюдь не всегда получают позитивные флуктуации и, соответственно, изменения институциональной системы не всегда направлены в сторону большей эффективности. Напротив, довольно часто общество попадает в институциональные ловушки [19], когда в условиях дезорганизации социальные акторы пытаются хоть как-то снизить персональные риски. Нередко кризис ведет к закреплению ранее отвергаемых и явно дисфункциональных форм социальных отношений. Одним из наиболее плачевных примеров является коррупционная ловушка, в которой, судя по данным научных публикаций, прочно увяз российский социум [14].

Наконец, затянувшаяся трансформация, сопровождающаяся серийными срывами транзита и возвратами в поле бифуркации, грозит полной деградацией социетальной системой. С точки зрения социосинергетики это объясняется тем, что в точке бифуркации происходят самые крупные диссипации энергии, ее бесполезная утечка. При этом внутренние энергетические ресурсы систе-

мы не безграничны. Соответственно, вполне вероятным может оказаться сценарий, при котором в определенный момент ресурс будет исчерпан настолько, что его не хватит на очередной этап транзита, предполагающего снижение энтропии, а, значит, затраты энергии.

И напротив, длительные периоды социально-политической стабильности способствуют уменьшению негативных последствий социальной трансформации. В частности, эффективность борьбы с коррупцией на постсоветском пространстве, по наблюдениям А.П. Страхова [20], положительно коррелирует с политической стабильностью.

Таким образом, длительные периоды аномии, как и слишком частые трансформации представляют реальную угрозу целостности социетальной системы. Кризис только в том случае выводит систему на более прогрессивный уровень, когда ему предшествует длительный период стабильности, дающий возможность подготовиться к предстоящей трансформации, что подразумевает как накопление ресурсов, так и изменения в сознании социальных субъектов. Другими словами, трансформационный потенциал должен вызреть в недрах предшествующего порядка.

Что касается перспектив выхода из кризиса, то несмотря на объективно низкую прогнозируемость развития трансформирующегося социума, есть возможность ретроспективного анализа, позволяющего отследить специфику периодически воспроизводимых форм самоорганизации и политической власти, чтобы понимать, какие модели являются конгруэнтными. С другой стороны, социологическое исследование ментальных программ позволило бы по крайней мере определить пространство альтернатив развития и избежать ошибок, связанных с попытками внедрения заведомо нежизнеспособных управленческих моделей.

Литература

1. Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 398 с.
2. Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. С. 149–168.
3. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 384 с.
4. Кокорин В.В. Социальные трансформации: постановка проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 74–82.
5. Максимова С.И. Особенности социальных трансформаций в сложных системах // «Colloquium-journal». 2019. № 1(25). С. 47–49.
6. Локосов В.В. Трансформация социальная // Социологический словарь. М.: ИНФРА-М, 2010. С. 535–536.
7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экон. книги «Начала», 1997. 180 с.
8. Arthur W.B. Increasing returns and path dependence in the economy. Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 1994. 201 p.
9. Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. М.: Мир, 1979. 512 с.
10. Varela F., Maturana H.R., Uribe R.B. Autopoiesis: The organization of living system, its characterization and a model // Biosystems. 1974. No. 5. Pp. 187–196.
11. Арнольд В.И. Теория катастроф. М.: Наука, 1990. 128 с.
12. Gaber E., Polishchuk L., Sokolov K., Stukal D. Chronicles of a democracy postponed: Cultural legacy of the Russian transition // Economics of Transition and Institutional Change. 2019. Vol. 27. No. 1. Pp. 99–137.
13. Савченко А.Е. СССР 1985–1991 гг.: история случайной самоликвидации власти? // Россия и АТР. 2016. № 3 (93). С. 66–81.
14. Дерлугьян Г.М. Причины распада СССР: коммунистический режим, сверхдержавное бремя, национализм республик или случайность? // Россия и АТР. 2016. № 3. С. 8–22.
15. Лаврова Т.А. Ретроспективный анализ покупательной способности основных групп населения в Российской Федерации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 5–1 (119). С. 145–150.
16. Как менялась средняя продолжительность жизни в РСФСР и России // По данным ТАСС. 16.10.2019 URL: <https://tass.ru/info/7006937>
17. Олькова, О.А. Тренды преступности в России и Украине за период с 1980 до 2014 года // Вестник научных трудов юридического факультета «Юристь», Казань, 12 ноября 2015 года. Казань: Частное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Академия социального образования», 2015. С. 193–202.
18. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016 // WID. world working paper series. 2017. 09. URL: <https://piketty.pse.ens.fr/files/NPZ2017WIDworld.pdf>
19. Polterovich V.M. Institutional Traps: How to Get Out? // Economic Transformation and Evolutionary Theory of J. Shumpeter. The 5-th International Symposium on Evolutionary Economics. Puschino, 2003. Pp. 130–143.
20. Страхов А.П. Факторы успеха антикоррупционной политики в постсоциалистических странах // Мониторинг общественного мнения: эко-

FACTORS OF THE INSTITUTIONAL TRANSFORMATION OF SOCIETY ACCORDING TO THE SOCIO-SYNERGETIC THEORY

Gromakova V.G.

Southern Federal University

The object of theoretical research presented in this article is society as an open non-equilibrium system capable of self-organization. The subject of the study are the factors and driving forces of the institutional transformation of the societal system.

The scientific problem is determined based on such well-known facts as the low predictability and manageability of the institutional transformation, on the one hand, and the need to reduce the risks associated with them, on the other. Accordingly, the question is raised about the mechanism of institutional transformation, which is proposed to be considered using the principles and provisions of sociosynergetics as a methodological basis. The main element of novelty in this article is the synthesis of neoinstitutional theory with the provisions of sociosynergetics. The study analyzes the process of institutional transformation from the standpoint of the sociosynergetic concept using such categories as energy dissipation, entropy, stationary and nonequilibrium state in their social expression. The characteristics of the evolutionary and crisis stages in the development of the institutional system are given. Attention is focused on the risks of the transformation period and the relationship of its results with the previous period of stability.

Keywords: social institute, social transformation, sociosynergetics, energy dissipation, entropy, nonlinear dynamics.

References

1. Zaslavskaya, T.I. (2004). *Modern Russian Society: The social mechanism of transformation*. Moscow: Delo.
2. Zaslavskaya, T.I. (1999). Transformation process in Russia: Sociostructural aspect. In T.I. Zaslavskaya & Z.I. Kalugina (Eds.), *Social trajectory of reformed Russia: Studies of the Novosibirsk School of Economics and Sociology* (pp. 149–168). Novosibirsk: Nauka. Sib. enterprise RAS.
3. Gorshkov, M.K. (2000). *Russian society in the conditions of transformation (sociological analysis)*. Moscow, M: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN).
4. Kokorin, V. V. (2019). Social transformations: the statement of the problem. *Bulletin of the MSRU. Series: philosophy*, 4, 74–82.
5. Maximova, S.I. (2019). Features of social transformations in complex systems. *Colloquium-journal. Philosophical sciences*, 1(25), 47–49.

6. Lokosov, V. V. (2010). Трансформация социальная [Transformation social]. In *Sociological dictionary* (pp. 535–536). M.: IN-FRA-M.
7. North, D. (1997). *Institutions, institutional changes and the functioning of the economy*. Moscow: Foundation of the Economic Book "Beginnings".
8. Arthur, W.B. (1994). *Increasing returns and path dependence in the economy*. Ann Arbor: Univ. of Michigan press.
9. Nikolis, G., Prigozhin, I. (1979). *Self-organization in nonequilibrium systems: from dissipative structures to orderliness through fluctuations*. Moscow: Mir.
10. Varela, F., Maturana, H. R., & Uribe R.B. (1974). Autopoiesis: The organization of living system, its characterization and a model. *Biosystems*, 5, 187–196.
11. Arnold, V. (1990) *Theory of catastrophes*. Moscow: Nauka.
12. Gaber, E., Polishchuk, L., Sokolov, K. & Stukal, D. (2019). *Chronicles of a Democracy Postponed: Cultural Legacy of the Russian Transition. Economics of Transition and Institutional Change*, 27(1), 99–137.
13. Savchenko, A.E. (2016). СССР 1985–1991 гг.: история случайной самоликвидации власти? [USSR 1985–1991: the history of accidental self-destruction of power?] *Russia and the Pacific*, 3 (93), 66–81.
14. Derlugyan, G.M. (2016). Причины распада СССР: коммунистический режим, сверхдержавное бремя, национализм республик или случайность? [The reasons for the collapse of the USSR: the communist regime, the superpower burden, the nationalism of the republics or an accident?] *Russia and the Pacific*, 3 (93), 8–22.
15. Lavrova, T.A. (2019). Retrospective analysis of the purchasing power of the major population groups in the Russian Federation. *Journal «Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo èkonomičeskogo universiteta»*, 5–1 (119), 145–150.
16. Как менялась средняя продолжительность жизни в РСФСР и России [How the average life expectancy in the RSFSR and Russia changed]. According to TASS, 16.10.2019 URL: <https://tass.ru/info/7006937>
17. Olkova, O.A. (2015). Trends of crime in Russia and Ukraine for the period from 1980 until 2014. *Bulletin of scientific works of the Faculty of Law "Lawyer"*, Kazan, November 12, 2015. Kazan: Private educational institution of higher professional education "Academy of Social Education", pp. 193–202.
18. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016 // *WID. world working paper series*. 2017. 09. URL: <https://piketty.pse.ens.fr/files/NPZ2017WIDworld.pdf>
19. Polterovich, V. M. (2003). *Institutional Traps: How to Get Out? In Economic Transformation and Evolutionary Theory of J. Shumpeter*. The 5-th International Symposium on Evolutionary Economics (pp. 130–143). Puschino.
20. Strakhov, A. P. (2021) Success Factors of Anti-Corruption Policy in Post-Socialist Countries. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 5, 242–264.

Проблема современных молодёжных субкультур России

Дьяков Иван Александрович,

аспирант, кафедра педагогики и психологии высшей школы, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский гуманитарный университет»
E-mail: vansanit@yandex.ru;

Статья посвящена проблемам современных молодёжных субкультур России. Цель исследования – определить положительные стороны и привлекательность субкультур для молодёжи, а также всей общественности. Субкультуры могут быть использованы для воспитания в рамках различных общественных организаций, а также в рамках отдельных социальных групп. В работе исследуется феномен молодёжной субкультуры, факторы ее развития в России на текущем этапе. Исследуется вопрос взаимодействия государства и субкультур, солидарности как новой формы молодёжных организаций и новый подход к её исследованию. Для того, чтобы найти механизмы, участвующие в формировании и развитии личности в современном обществе необходимо обратиться к исследованиям учёных. Данные работы позволяют педагогам и психологам, а также другим специалистам в области образования и воспитания использовать информацию о современных молодёжных субкультурах для повышения своей квалификации.

Ключевые слова: субкультура, молодёжь, молодёжная субкультура, российская молодёжь, воспитание, работа с молодёжью.

В настоящее время изучение молодежных субкультур представляет собой одно из актуальных направлений педагогики. Эта проблема является одной из самых популярных в настоящее время. Это объясняется тем, что молодежная субкультура представляет собой отражение изменений, происходящих в современном обществе.

В России начала XXI столетия произошли социальные трансформации, которые привели к изменению форм и методов формирования, развития и функционирования разных видов молодежных организаций. Поэтому в данной связи возникает проблема исследования молодежной субкультуры и движения. В настоящее время субкультуры являются важным элементом для трансформации социальной среды. Инновационные разработки могут применяться для создания механизмов культуры, которые позволяют обществу развиваться более свободно и динамично [4, с. 55].

Говоря о разностороннем рассмотрении различными авторами данного явления (Е.И. Белокопытова, Л.И. Духова, С.И. Левикова, А.В. Мудрик, Б.К. Соколов, Л.В. Шабанов и др.), стоит обобщить существующие подходы и выделить из определенных субкультур в широком смысле понятие субкультуры молодежной среды.

Так, стоит выделить мнение М. Брэйка, который под субкультурой понимал часть общей культуры, которую отличает особая организация норм, ценностей и поведенческих стереотипов, что в совокупности определяет стиль жизни и образ мышления носителей данной культуры [1, с. 510].

При этом важно также отметить точку зрения Л.И. Духовой – она считает субкультуру такой частью культуры, которая не является деструктивной, но оказывает воздействие на образ мышления определенных групп людей, в частности, молодёжи.

Говоря о молодёжи, состоящей в какой-либо субкультуре, стоит отметить трансформацию их ценностей, обусловленную характером конкретной субкультуры. Сюда могут относиться как изменения мировосприятия и ценностные преобразования, так и специфические увлечения, интересы и цели.

С позиции С.И. Левиковой, появление молодежных субкультур обусловлено переменами в самом обществе, а именно на это влияет собой социализации в части усвоения опыта и отработки социальной роли [5, с. 83].

Главной отличительной чертой каждого молодежного движения является его внешний вид и одежда, которая свидетельствует о принадлежности человека к определенной субкультуре. В общем виде молодежные субкультуры могут быть

представлены музыкальными, спортивными, философскими направлениями. Принадлежность к какой-либо молодежной культуре дает возможность сформироваться человеку как личности, представители молодежной среды стремятся найти и чаще находят поддержку в неформальной группе, где могут быть признаны их достоинство, возможность достигать собственных целей.

С помощью субкультуры человек может почувствовать себя принятым другими людьми, а также избавиться от чувства одиночества. Вхождение в субкультуру дает возможность адаптироваться к обществу не напрямую, а посредством соответствующего фильтра ценностей, норм, привычек. Не только быть отдельной личностью, но и входить в состав общества, это психологически более комфортно и проще в поведенческом отношении.

Как правило, вступление в субкультуры помогает молодежи решать многие проблемы [2, с. 208]:

1) проблема социальной адаптации молодых людей к обществу (молодые люди не могут найти общий язык с родителями и другими взрослыми, они находятся в группе, где есть другие молодые люди, которые также находятся в группе, но у них нет возможности установить контакт с ними);

2) расслабление (это связано с тем, что в больших городах люди постоянно находятся в стрессе и испытывают перегрузки);

3) активизация творчества (молодежь вдохновляется творчеством других людей, будь то музыка или поэзия, и воплощают собственные идеи);

4) компенсирование (с помощью этого свойства, человек может перенять у другого человека его положительные свойства: целеустремленность, смелость и общительность).

Изменение жизненной позиции молодых людей влияет на их отношение к различным социальным группам, а также способствует трансформации их ценностей, формирует мировосприятие и определяет варианты поведения. Данный факт может быть затруднительным при попытке встроиться в учебно-воспитательную сферу работы различных образовательных учреждений: колледжей, вузов.

Для того чтобы поддержать и развить молодежные субкультуры, особое значение приобретает педагогическая деятельность с участниками неформальных движений в учебных заведениях, культурно-досуговых организациях. Необходимость в педагогическом сопровождении молодых людей из неформальных объединений вызвана актуальностью развития устойчивых социальных жизненных ценностей у молодежи.

При этом стоит отметить, что социально-педагогическая работа с молодежью, которая вовлекается в неформальные молодежные движения, будет успешной, если будут учтены индивидуальные черты и направленность субкультуры, в которую вовлечен человек. Поэтапный и систематический характер будет иметь деятельность по социально-педагогическому сопровождению.

Для того чтобы осуществлять педагогическую деятельность в молодежной среде, необходимо обладать гибкой позицией. Если педагог будет знать особенности культуры и поведения в субкультурах, то он сможет правильно оценить поведение молодежи, их интересы и ценности. Педагогическая деятельность по работе с молодежью, участвующей в субкультурах, должна реализовываться с учетом того, чтобы молодые люди переходили от ценностей субкультуры к усвоению общесоциальных принципов.

Стоит особо отметить принципы работы с молодыми людьми – участниками субкультурных движений [3, с. 168]:

1) важно учитывать особенности каждой конкретной субкультуры и знать специфику и факторы развития каждой актуальной на данный момент субкультуры;

2) быть терпимым к молодежи, а также уважать их мнение и не игнорировать право на самоидентификацию, толерантно относиться к выбору молодых людей, и в соответствии с этим максимально корректно выстраивать педагогическую работу;

3) иметь связующее звено с представителями различных субкультурных движений, чтобы работа с молодежью была актуальной;

4) реализовывать не только индивидуальные, но и коллективные формы работы, уделяя особое внимание досуговому и образовательным направлениям деятельности.

В процессе организации педагогической работы с представителями молодежных субкультур необходимо делать упор на формирование самостоятельности и развития умения отстаивать собственную позицию в сочетании с установкой на ответственность за свою жизнь, принятием социальной роли и идентификацией себя с социумом.

Также стоит выделить основные направления, на основании которых педагог может организовать работу с представителями различных молодежных субкультур [2, с. 209]:

- адаптация и оказание социально-педагогической поддержки молодым людям, испытывающим трудности социализации;
- обеспечение благоприятных условий для комфортного пребывания молодежи в образовательных учреждениях и культурно-досуговых центрах;
- учет современных тенденций в организации отдыха и досуга молодежи;
- активизация социальной-педагогической деятельности в рамках организаций молодежных социальных инициатив;
- совместная деятельность с молодежными организациями по трансформации асоциальных сообществ в социально значимые;
- консультирование и организация сотрудничества с медицинскими работниками, социальными службами и психологами по вопросам выхода молодежи из деструктивных субкультурных сообществ.

Как известно процесс диджитализации молодежных субкультур непосредственно воздействует на культурную жизнь их участников, а также негативное и позитивное. При этом педагогическое воздействие направлено на то, чтобы научить молодежь тому как справиться с этими вызовами современного общества, подготовив их к жизни в мире интернета.

Педагогическая деятельность в этом направлении может решаться средствами информационно-коммуникационных технологий и носить образовательный характер. Так, например, сообщества музеев в социальных сетях просвещают в сфере искусства. При этом такие инстаграм-аккаунты, как @nasa, @roscosmosofficial и @marscuriosity могут быть полезными в изучении космоса и Вселенной. Изучение архитектуры и дизайна может стать более увлекательным с помощью таких аккаунтов, как @romodindenis или @socialistmodernism. Кроме того, такие страницы, как @nypl, @librarycongress, являющиеся ресурсами крупнейших библиотек, могут также быть полезными. Основная идея использования образовательного потенциала социальных сетей должна при этом заключаться в том, что внимание молодежи может быть сконцентрировано не только на развлекательном контенте. Важно показать, что интернет обладает возможностями для образования, а найти и использовать такой контент крайне легко и интересно в современных условиях.

Также следует сконцентрировать особое внимание на ценности жизни молодых людей, которые должны быть включены в круг общения семьи, преподавателей с целью перехода из потока цифрового общения в формат живой коммуникации с различными людьми или поиска увлекательной деятельности.

Таким образом, педагогическая работа с представителями молодежной субкультуры должна проводиться таким образом, чтобы в результате сформировать у молодых людей общекультурные ценности, привить им нравственные ориентиры, повлиять на развитие адекватной самооценки и мировоззрения, отвечающего требованиям культурной среды современного общества [1, с. 510].

Личностное развитие молодежи во многом формирует его интересы и оказывает значительное влияние на становление нравственных идеалов. Молодежные субкультуры могут определять стиль жизни и мышление молодых людей, поэтому задачей педагогического воздействия будет являться устранение сопротивления негативным процессам и привлечение как традиционных, так и инновационных форм и методов работы.

Положительный результат в педагогической работе с представителями молодежных субкультур может быть достигнут при условии изменения управлением воздействия образовательного пространства на путь развития и функционирования субкультурного сообщества. Это обуславливается необходимостью проведения структурных трансформаций педагогического пространства, что,

в свою очередь, повлечет за собой изменение используемых методов и форм работы в процессе педагогической деятельности.

Роль развивающей среды в образовательной сфере может быть подлинной и многоаспектной. Это будет отражаться на развитии представителей молодежных субкультур и изменении их выбора профессионального или жизненного пути. Однако в сегодняшних реалиях необходимо как теоретическое рассмотрение проблемы молодежных субкультур, но и переход к практической работе и сотрудничеству с молодежным сообществом. Решение проблемы противоречия между пониманием важности решения данной практической задачи и недостаточным вниманием к трудностям молодежи способствует активизации поиска таких форм педагогического взаимодействия, которые максимально задействуют творческий потенциал, стремление к самостоятельности, самоутверждению, активности в поиске идеалов и своего места в современном мире.

Литература

1. Бачаев, А.А. Неформальные молодежные объединения как социальное явление / А.А. Бачаев. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2015. – № 1 (81). – С. 509–511.
2. Дегтярева, Е. В. К вопросу о перспективах изучения феномена молодежной субкультуры в современной России / Е.В. Дегтярева // 30 лет без Союза: потери, удаchi, перспективы: материалы Всероссийской студенческой конференции, Иркутск, 27 марта 2021 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2021. – С. 207–211.
3. Зайцева, О.Ю. Молодежные субкультуры в современной России и их влияние на общественную жизнь / О.Ю. Зайцева // Образование и наука в России и за рубежом. – 2019. – № 15 (63). – С. 167–170.
4. Панич, Н.А. Репрезентация жизненного мира молодежи в социальных сетях / Н.А. Панич, Н.А. Мороз // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020. – № 4 (72). – С. 54–58.
5. Сурхаев, А.Д. Молодежные субкультуры в современной России: к постановке проблемы / А.Д. Сурхаев // VII Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С.И. Злобина: Сборник материалов. В 3-х томах, Пермь, 05–07 октября 2021 года / Сост. А.И. Согрина. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – С. 82–84.

THE PROBLEM OF MODERN YOUTH SUBCULTURES IN RUSSIA

Diyakov I.A.
Moscow University for the Humanities

The article is devoted to the problems of contemporary youth subcultures in Russia. The purpose of the study is to determine the positive aspects and attractiveness of subcultures for young people, as well as the entire community. Subcultures can be used for edu-

cation within the framework of various public organizations, as well as within individual social groups. The paper examines the phenomenon of youth subculture, the factors of its development in Russia at the present stage. The issue of interaction between the state and sub-cultures, solidarity as a new form of youth organizations and a new approach to its study are being explored. In order to find the mechanisms involved in the formation and development of personality in modern society, it is necessary to refer to the research of scientists. These works allow teachers and psychologists, as well as other specialists in the field of education and upbringing, to use information about modern youth subcultures to improve their skills.

Keywords: subculture, youth, youth subculture, Russian youth, upbringing, youth work.

References

1. Bachaev, A.A. Informal youth associations as a social phenomenon / A.A. Bachaev. – Text: direct // Young scientist. – 2015. – № 1 (81). – P. 509–511.
2. Degtyareva, E.V. To the question of the prospects for studying the phenomenon of youth subculture in modern Russia / E.V. Degtyareva // 30 years without the Union: losses, successes, prospects: materials of the All-Russian Student Conference, Irkutsk, March 27, 2021. – Irkutsk: Irkutsk State University, 2021. – P. 207–211.
3. Zaitseva, O.Y. Youth subcultures in modern Russia and their impact on public life / O.Y. Zaitseva // Education and science in Russia and abroad. – 2019. – № 15 (63). – P. 167–170.
4. Panich, N.A. Representation of the life world of youth in social networks / N.A. Panich, N.A. Moroz // Society: sociology, psychology, pedagogy. – 2020. – № 4 (72). – P. 54–58.
5. Surkhaev, A.D. Youth subcultures in modern Russia: to the problem statement / A.D. Surkhaev // VII Pedagogical readings dedicated to the memory of Professor S.I. Zlobina: Collection of materials. In 3 volumes, Perm, October 05–07, 2021 / Comp. A.I. Sogrin. – Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 2021. – P. 82–84.

Трансформация феномена социального благополучия в концепции социального государства

Капралова Екатерина Андреевна,
аспирант кафедры ЮНЕСКО РАНХиГС
E-mail: Kapralova13@yandex.ru

В статье проводится исторический обзор философских идей, ставших фундаментом для осмысления такого феномена, как социального благополучие, которое легло в основу теории социального государства. Исторический экскурс затрагивает время от древнегреческой философии до учений середины XX века. Автор использует метод исторического анализа, а также элементы семантического разбора, чтобы показать роль языка в создании феномена социального благополучия в сознании людей. Семантический разбор показывает схожесть в развитии некоторых европейских языков и литературе, а также их различия, что, в свою очередь, влияет на логику и некоторые социальные практики государств. Исследуя понятийное пространство феномена социального благополучия, мы отмечаем, что понятия «благо», «благополучие», «счастье» находятся в прямой корреляции с ведущими научно-философскими идеями того или иного времени. Также анализ показывает, что все авторы, живущие в описываемых нами исторических эпохах, пытаются осмыслить феномены блага, благополучия, счастья, будучи полностью погруженными в ту или иную культурную и языковую систему, присущую определенному времени. Они отвечают на актуальные вопросы той культурной системы, в которой живут.

Ключевые слова: благополучие, благо, счастье, социальное благополучие.

Словосочетание «социальное благополучие» получило значительное распространение в современном обществе и социальной практике. Апелляция к этому понятию кажется самоочевидной, однако концептуально и теоретически феномен социального благополучия исследован слабо. Понятие «социальное благополучие» не встречается в работах философов до середины XX века. Если оно и встречается в некоторых трудах, то как вспомогательное и не влекущее за собой отдельного анализа. Однако на протяжении многих столетий философы разрабатывали различные теоретические конструкции, отражающие сущность и рефлексию понятий, смежных с понятием, являющимся ключевым в нашем диссертационном исследовании. Позднее, в XX веке западная мысль в области психологии и социологии выкристаллизовала такое понятие, как благополучие, выделив при этом *субъективное благополучие* (subjective well-being) [E. Diener, M. Suh, R. Lucas. 1999. С. 276–302].

Стремление ученых описать благополучие в рамках различных научных дисциплин отражает сложность, многомерность самого феномена. Человеку свойственно стремление к благу, каким бы определением сам человек ни пользовался для его осмысления. При этом само поведение человека зачастую не вписывается в предложенные теоретические конструкты, описывающие феномен благополучия.

В современной западной литературе выделяют разные понятия – *welfare* (англ.) и *wellbeing* (англ.). В отечественных источниках оба понятия переводятся как благополучие. Понятие *welfare* относится преимущественно к экономике, а *wellbeing* является термином из области психологии.

В русском языке слово «благополучие» имеет один корень со словом «благо», которое является важнейшей категорией философского анализа (и согласно законам морфологического анализа является корне- и смыслообразующим словом). Подобная лингвистическая связь на подсознательном уровне подталкивает к безусловной корреляции понятий. Это обусловлено лингвистическим контекстом и логикой русского языка. Однако в других языках эти понятия не имеют столь выраженной связи.

У немецких мыслителей благо выражается в слове *Gut*, примерно также у англичан – *good*. У французов – в слове *bien*. При этом благополучие по-немецки *Wohlergehen* или *Wohlstand*, благополучие у англичан – *well-being* или *welfare* (но это понятие ближе к русскому слову благосостояние).

А у французских мыслителей благополучие это *prospérité* или *bonheur* (что ближе к русскому слову счастье). Но лингвистические конструкции древних греков больше похожи на конструкции русского языка. Под благом они имели в виду *εὐλογία* (эвлогия), а благополучие у них подразумевалось под словом *εὐδαιμονία* (эвдемония), что в словарях переводят в том числе и как процветание, блаженство, счастье. Оба слова имеют корневую основу *εὐ*, что переводится с древнегреческого как благо, добро (и схоже по смыслу с *good* по-английски). Однако Аристотель понятие благо выводит от другого слова – *ταῦτην* (тагатион) – именно его он чаще всего использует в «Никомаховой этике». Но, разбирая понятие блага, он употребляет и такие слова, как благоденствие – *εὐ δῆεν* (эфедзен), благополучие можно встретить в двух вариантах – *εὐ πρᾶτειν* (эфпратин) и *εὐδαιμονία* (эвдемония). В его текстах даже вводится внешнее благосостояние – *εὐετηρία* (эвтерия).

По-латински благо – *beneficium*, а благополучие можно перевести с помощью таких слов, как *prosperitas* (эта основа была впоследствии развита во французском языке), *felicitatem* (в своем смысле ближе к понятию счастье, счастливая жизнь) и *welfare* (было развито в дальнейшем в английском языке, где понятие больше использовалось в экономических теориях и вследствие этого трансформировалось в понятие, которое можно перевести как благосостояние). Из этого делаем вывод, что в части языков (которыми пользовались философы прошлого) существовала смысловая коннотация между благополучием и благом, в некоторых – отсутствовала.

Феномен социального благополучия в его современном виде начал складываться во второй половине XX века. К этому времени в нескольких отраслях знания появляются значимые концепции, имеющие своей целью детальное описание понятия благополучия. В философии, психологии, психиатрии, социологии, экономике выходят работы с глубоким анализом, выделяющие предметное поле феномена благополучия, предлагаются новые методы изучения, новые классификации, новые понятия, вырабатываются системы показателей. Наконец, выделяется социальное благополучие. В области философии мыслители также предложили кардинально новые подходы к познанию (в XX веке разрабатываются такие концепции, как феноменология, герменевтика, экзистенциализм, структурализм, неопозитивизм и т.д.). Это время становления нового этапа научной мысли – на смену классической, а затем неклассической науке приходит *постнеклассическая наука* (постнеклассическая наука – современный этап развития научного познания мира; один из авторов концепции – академик В.С. Степин).

Важнейшей чертой этого этапа научного познания мира является междисциплинарность – рамки одной научной дисциплины не позволяют рассмотреть то или иное явление с глубиной исследования, отражающей потребности всё более слож-

ного и быстро трансформирующегося контекста современного мира. В это время в философии, в культурном развитии, в социальном мире, в религиозных диспутах и практиках, а также в языке выкристаллизовывается, формируется социально востребованный феномен со своим уникальным смыслом, интегрирующий категории счастья, добродетели, блага и т.д. в разных временных и пространственных контекстах. Этот поиск виден как в научно-философском мире, так и в религиозном развитии и, конечно, на бытовом уровне.

Это обстоятельство отражается в рефлексии сложного понятия благополучия, к которому в области научного познания, религиозно-мировоззренческого развития и бытовой жизни общество подходит через осмысление и своеобразное тестирование различных терминов и понятий. В философской и научной литературе, повседневной практике выкристаллизовываются, становятся более значимыми такие концепты как счастье, удовольствие, спасение души, потребность, польза.

Середина XX века с его социальными катаклизмами подтолкнула научных исследователей и государственных деятелей к проработке идей социально-ориентированного государства. Углубление идей американского экономиста Кейнса (после Великой депрессии и Второй Мировой войны) легло в основу концепции *социально ориентированной экономики* (Л. Эрхард, В. Ойкен, Й. Шумпетер), воплощённой на практике в Западной Германии (важнейшей идеей этой концепции является необходимость ориентации экономики на социальные нужды, то есть на нужды человека и общества, что необходимо для обеспечения всеобщего благополучия). В. Ойкен отмечает, что главная функция экономики состоит в «производстве благ, необходимых для жизнедеятельности людей, отвечающих их желаниям и удовлетворяющих их потребности» [Ойкен Вальтер. 1995. С.35]. В дальнейшем эти идеи совместно с идеями гражданского общества стали ядром концепции социального государства.

Счастье, ценности, жизненные цели, благо – все эти явления были заново переосмыслены обществом после краха империй, появления новых социальных классов, геноцида народов, самоопределения малых народов, массового производства, высвобождение рабочих сил, трудовой миграции и т.д. Изменение социальных процессов привело к рефлексии экзистенциального характера. Страх, боязнь и ужас, переосмысленные через парадоксальное понимание веры, психические отклонения как квинтэссенция мотивов в поведении индивида, ощущение ничтожества человека как часть культуры, тотальное уничтожение и экзистенциальный невроз, экономические кризисы как норма развития экономики стали источниками важных научно-философских исследований и дискуссий. И осмысление этих явлений изменило понимание и рефлексию социального благополучия.

С середины XX века получает толчок в развитии психология. Школа *гуманистической психологии* (А. Маслоу, Г. Оллпорт, У. Тэлли и др.) глубоко исследует потребности и мотивы человека. Её представители связывают благополучие человека со степенью удовлетворения его актуальных потребностей, реализации индивидуальных возможностей и уровне самоактуализации. Особое значение при этом уделяется теории мотивационно-потребительской сферы личности (например, известная пирамида Маслоу). Более высокая мотивация, направленная на получение более высоких благ, созревает у человека только после удовлетворения первичных его потребностей. При этом научный метод психологии, который заключается в познании внутренних психических явлений через анализ внешних факторов (при помощи наблюдения, эксперимента и т.д.), позволит нам дополнить понимание социального благополучия через осмысления внутреннего мира индивида и его психологической мотивации.

Отдельные исследователи (В. Франкл, Э. Фромм) указывают на неотделимость вопроса о благополучии от глубинного вопроса о смысле жизни. При этом благополучие достаточно часто используется в качестве синонима понятию *позитивное психологическое самочувствие*. В этом направлении глубокий анализ проведён такими нашими соотечественниками, как А.И. Леонтьев, А.В. Петровский, С.Л. Рубинштейн и другие. На базе этих идей сформировалась современная *теория социального самочувствия*, которое трактуется как эмоционально-оценочная реакция индивида на условия окружающей социальной жизни, своего положения в обществе.

Главным механизмом, влияющим на уровень благополучия, П.А. Сорокин считал вертикальную социальную мобильность, благодаря которой общество имеет возможность поощрять развитие человека, его способностей и индивидуальности. Он отмечал: «...там, где есть мощная вертикальная мобильность, есть жизнь и движение. Затухание мобильности порождает застой» [Сорокин. 2005. С. 15].

Н. Брэдбурн и В. Вилсон формируют понятие психологического благополучия. Э. Динер двинулся дальше и выделил ключевые факторы, влияющие на социальное благополучие. Он, а также позднее А. Кэмпбел, П. Конверс, В. Роджерс в дальнейшем перенесли свое внимание с внешних факторов на внутренние. Исследователи начали работать с социологическими данными и психологическими тестами, уделяя основное внимание аксиологическому анализу, анализу целей индивида, а также жизненного опыта. В этом же направлении работает американская исследовательница С. Рифф. Она выдвигает теорию, основанную на анализе и критическом переосмыслении работ таких авторов, как А. Маслоу, Г. Оллпорт, К.Г. Юнг. На базе проведенного анализа она смогла выделить шесть важных элементов благополучия: самопрятие, позитивные отношения с окру-

жающими, автономия, управление окружающей средой, цель в жизни, листочный рост.

Экономическая наука также привнесла новый взгляд на социальное благополучие через выявление новых феноменов (методы экономики заключаются в изучении экономических явлений, но экономическая мотивация и система ценностей индивида с учетом сложных социально-экономических отношений заставляют нас обратить внимание и на экономические методы исследования). В последние десятилетия была сформирована новая научная школа, основанная на экономической методологии, но использующая междисциплинарный подход и занимающаяся новым направлением – *концепцией человеческого капитала*. По своей сути это пересчитанная в денежный эквивалент совокупность знаний, умений, использующихся для удовлетворения различных потребностей человека в его социальном развитии. Коротко дефиницию человеческого капитала можно раскрыть следующими ключевыми компонентами: знания, интеллект, здоровье, качественный труд и качество жизни. Впервые идею человеческого капитала озвучил Т. Шульц, далее Г. Беккер развил эту идею, детально показав рациональность и экономическую эффективность инвестиций в человеческий капитал. Г. Беккер также обосновал экономический подход к человеческому поведению. Экономические основы теории человеческого капитала послужили важнейшим шагом в ускорении и усилении некоторых скандинавских экономик в начале XXI века. На сегодняшний день эта концепция считается важнейшим элементом современной экономики знаний как следующего этапа развития общества.

В рассмотрении современных концепций, затрагивающих социальное благополучие, отметим и некоторые концепции естествознания, ведь человек участвует и в других процессах (например, биологических), которые могут быть связаны с рефлексией некоторых потребностей и мотивов поведения человека. Отметим работу на стыке биологии и эпистемологии, где родилась идея эволюционной эпистемологии (труды У. Матураны и Ф. Варелы). Это направление исследует познание и осознанную деятельность как присущую всему живому, в том числе человеку, характеристику.

Итак, с точки зрения исторической ретроспективы, сделаем некоторые выводы.

1. Семантически и онтологически понятие «социальное благополучие» связано с понятием «благополучие». Понятие «благополучие» зарождалось как философская категория у древних греков. Оно было ещё неотделимо от других понятий (таких, как благо, счастье например, у Платона и Аристотеля). Далее развитие философских концепций, а главное, усложнение социальных практик привело к необходимости более детального рассмотрения и дифференциации философских конструкций «блага», «благополучия», «удовольствия», «счастья» и некоторых других. При

этом языковые коннотации всё ещё создавали иллюзию связи как этих понятий, так и этих явлений в социальной практике. Так, благополучие по своему смыслу значительно отпочковалось от понятия «благо». А современный феномен социального благополучия и вовсе невозможно раскрыть через рефлексию понятия «благополучие».

2. Приведённый обзор дает нам возможность увидеть генезис идей, концептуально связанных с идеей благополучия – именно в период со времен мыслителей Древней Греции вплоть до середины XX века. Вопросы благополучия во всех этих концепциях являются лишь частными вопросами, которые скорее иллюстрируют другие мысли тех или иных концепций. Например, в период раннего Средневековья основополагающей была теоцентрическая догматика. Именно она диктовала определённый философский подход к понятию блага и благополучия, в которых акцент был сделан на христианские добродетели.

С критической точки зрения в рассмотренный нами период ещё нельзя говорить о социальном благополучии как философско-научном понятии. Философы обращаются к таким понятиям, как счастье, благо, добродетель. В случае обращения к понятию благополучие происходит скорее выделение экономической составляющей, суть которой гораздо уже понятия социального благополучия, являющегося объектом диссертационного исследования.

3. Исследуя понятийное пространство феномена социального благополучия, мы отмечаем, что понятия «благо», «благополучие», «счастье» находятся в прямой корреляции с ведущими научно-философскими идеями того или иного времени. Иными словами, все авторы, живущие в описываемых нами исторических эпохах, пытаются осмыслить феномены блага, благополучия, счастья, будучи полностью погруженными в ту или иную культурную и языковую систему. Они отвечают на актуальные вопросы той культурной системы, в которой живут.

Культурная и экономическая эволюция общества ставила новые вопросы, в том числе и в области рефлексии счастья. Ответить на эти вопросы пытались философы новых поколений. Древнегреческая рефлексия по вопросам эвдемонии не могла удовлетворить индивида и общество эпохи раннего Средневековья. Возник запрос на новую концепцию мировоззрения, где центральную роль играли пути спасения. В это время философы и богословы заново открывают идею аскетизма в вопросах счастья.

Отказ церкви от популяризации монашеского аскетизма как единственно верного жизненного пути христианина стал ответом на возрастающие изменения в обществе. Это внесло существенный перелом в философское осмысление благополучия и блага как такового. В дальнейшем с развитием капиталистических отношений и снижением влияния церкви на светскую жизнь произошел пе-

релом – философы выделили экономическую составляющую благополучия.

Однако вызовы и политические проблемы первой половины XX века показали, что и этого недостаточно. Общество сталкивается с кардинально другими проблемами в социальном развитии. Ответом на эти вызовы стало формирование нового типа государства – государства с социально-ориентированной экономикой, где благополучие индивида стало залогом развития экономики и общества.

Литература

1. Вальтер О. Основные принципы экономической политики // Пер. с нем. под общ. ред. Л.И. Цедилина и К. Херрманн-Пиллата. – М.: Прогресс, 1995.
2. Кондратьев Н.Д. Большие циклы экономической конъюнктуры: Доклад // Проблемы экономической динамики. – М.: Экономика, 1989.
3. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2007.
4. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
5. Ницше Ф. Сочинения. В 2-х тт. Т. 1,2 – М.: Мысль, 1990.
6. Сорокин П.А. Социальная мобильность. М.: Academia, 2005, С. 15.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. Д.А. Леонтьева, М.П. Папуша, Е.В. Эйдмана. – М.: Прогресс, 1990.
8. Фромм Э. Искусство быть / Пер. с англ. А. Александровой, С. Скворцова. – М.: Издательство АСТ, 2017.
9. Франкл В. Теория и терапия неврозов: Введение в логотерапию и экзистенциальный анализ. Пер. с нем. СПб.: Речь, 2001.
10. Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе / пер. М.В. Вульф, А.А. Спектор. – М.: АСТ, 2006.
11. Фромм Э. Бегство от свободы / Перевод Г.Ф. Швейника. – М.: АСТ, 2011.
12. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия: пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. – М.: Экономика, 1995.
13. Campbell, A., Converse, P. E., & Rodgers, W. L. (1976). The quality of American life. New York: Russell Sage Foundation, С. 23.
14. Diener E, M. Suh, R. Lucas, H. Smith. Subjective Well-Being: Three Decades of Progress // Psychological Bulletin. 1999, Vol. 125, No. 2, С. 276–302.
15. Diener E. Subjective well-being. Psychological Bulletin, 1984, 95(3), С. 542–575.
16. Ryff C.D. Psychological well-being in adult life // Current directions in psychological science. 1995. Vol. 40. С. 99–104.

TRANSFORMATION OF THE PHENOMENON OF SOCIAL WELL-BEING IN THE CONCEPT OF A WELFARE STATE

Kapralova E.A.

RANEPA (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

In the article there is a historical review of philosophical approaches, which became basis for comprehension of social wellbeing as a phenomena and as fundamental part of social state idea. Historical review touches area from Ancient time and Greek philosophy till middle of XX century. Author uses historical method, as well as semantic analysis to show the role of language in phenomena creation of social well-being in the mindset of people. Semantic approach discovers some similarities in European languages and philosophical literature, as well as differences, which has impact on structural logic of some social theoretical construction. Exploring the phenomenon of social well-being, we note that the concepts of «good», «well-being», «happiness» are in direct correlation with the leading scientific and philosophical ideas of a particular time. The analysis also shows that all the authors living in the historical eras we are describing are trying to comprehend the phenomena of good, prosperity, happiness, being completely immersed in one or another cultural and linguistic system inherent in a certain time. They answer the actual questions of the cultural system in which they live.

Keywords: wellbeing, good, happiness, social wellbeing.

References

1. Valter O. Key principles of economy politics // Translate from German L.I. Cedilina and K. Herrmann-Pillata. – M.: Progress, 1995.
2. Kondratev N.D. Big cycles of economic conjuncture: // Economic dynamics problems Problemy. – M.: Ekonomika, 1989.
3. Maslow A. Motivation and personality. 3-e issue / Translate from English. – SPb.: Piter, 2007.
4. Maturana U., Varela F. Tree of knowledge: Biological roots of human understanding / Translate from English. U.A. Danilova. – M.: Progress-Tradicija, 2001.
5. Nitsche F. The essays. V. 1,2 – M.: Mysl, 1990.
6. Sorokin P.A. Social mobility. – M.: Academia, 2005.
7. Frankl V. A man in search for a meaning / Translate from English. D.A. Leonteva, M.P. Papusha. – M.: Progress, 1990.
8. Fromm E. The art of being / Translate from English. A. Aleksandrova, S. Skvorcova. – M.: Izdatelstvo AST, 2017.
9. Frankl V. Theory and therapy of neurosis: Induction of logoterapy and existential analysis / Translate from German. – SPb.: Rech, 2001.
10. Frejd Z. main psychological theories in psychoanalysis / Translate from German M.V. Vulf, A.A. Spektor. – M.: AST, 2006.
11. Fromm E. Escape form freedom / Translation G.F. Shvejnik. – M.: AST, 2011.
12. Shumpeter J. Capitalism, socialism and democracy / Translate from English V.S. Avtonomov. – M.: Ekonomika, 1995.
13. Campbell, A., Converse, P. E., & Rodgers, W. L. (1976). The quality of American life. New York: Russell Sage Foundation, C. 23.
14. Diener E, M. Suh, R. Lucas, H. Smith. Subjective Weil-Being: Three Decades of Progress // Psychological Bulletin. 1999, Vol. 125, No. 2, C. 276–302.
15. Diener E. Subjective well-being. Psychological Bulletin, 1984, 95(3), C. 542–575.
16. Ryff C.D. Psychological well-being in adult life // Current directions in psychological science. 1995. Vol. 40. C. 99–104.

Исследование устойчивости городских агломераций Дальнего Востока: на примере Хабаровской городской агломерации

Задвернюк Людмила Валерьевна,

кандидат архитектуры, доцент, кафедра «Архитектура и урбанистика» Тихоокеанского государственного университета
E-mail: luszadver@mail.ru

Тюкавкина Ирина Леонидовна,

старший преподаватель, кафедра «Архитектура и урбанистика» Тихоокеанского государственного университета
E-mail: tiuka@yandex.ru

В исследовании поднимается проблема устойчивости градостроительных систем Хабаровского края в условиях постиндустриального развития. Исторические особенности заселения края привели к очаговой форме территориальной системы расселения. Выделяются несколько городов, имеющие совершенно разный градоформирующий, демографический, ресурсный потенциал. В условиях демографического сжатия Дальнего Востока и указанной специфики городов стратегия дальнейшего развития каждого из его населенных пунктов должна учитывать как в целом специфику региона, так и специфику каждого конкретного места. Необходимость поиска основ структуроформирования системы расселения в пределах отдельной агломерации диктуется общемировыми тенденциями в градостроительстве.

Ключевые слова: Дальний Восток, агломерация, градостроительное развитие, система расселения, устойчивое развитие

Введение. В условиях Дальнего Востока с ярко выраженной дифференциацией населенных пунктов по размеру, людности, основной функциональной ориентации формирование систем расселения на разных иерархических уровнях демонстрирует совершенно разные особенности, носящие специфический характер для каждого населенного пункта. Агломерирование приводит к нарастанию процессов углубления пространственного неравенства. Происходит рост центра за счет периферии. При этом проблемы взаимного развития поселений, входящих в агломерацию, касаются не только распределения населения, но и рационального совместного использования межселенных территорий. Развитие транспортной инфраструктуры, организация рекреации, сохранение экологического каркаса, сельское хозяйство, лесное хозяйство требует поиска баланса, обеспечивающего общее качество среды обитания. Исследовать процессы развития агломерационных форм расселения в условиях Дальнего Востока важно с позиций возможных рисков и конфликтов, а также с позиций рационального формирования функционально-пространственных и планировочных взаимосвязей и их ресурсов, позволит сформулировать оптимальную модель ее развития.

На сегодняшний день процессы агломерирования на Дальнем Востоке рассматриваются в основном с точки зрения географии, экономики, социологии [1]. С точки зрения градостроительного планирования территории необходимо подробно рассмотреть пространственные взаимосвязи различных функциональных процессов в зоне влияния городской агломерации, в т.ч. учесть возможность организации аграрных продуктивных ландшафтов как часть территории города.

Специфика Хабаровской городской агломерации в том, что поселения тяготеющие к городу-центру исторически складывались как сельские, что характерно для городов Дальнего Востока в целом. Город фактически оказался в кольце сельскохозяйственных угодий, препятствующих территориальному росту. В настоящее время численность г. Хабаровска показывает незначительную положительную динамику, но ожидать экстенсивного роста города пока рано. При этом существует тенденция формирования субурбий, являющихся по сути способом расселения горожан. Также можно отметить, что современное сельское хо-

зйство не обеспечивает все население поселков Хабаровского района местами приложения труда. Работая в городе жители поселков становятся фактически горожанами. При этом пространственная среда сельских населенных пунктов демонстрирует явные отличия от городской, появляются проблемы социальной сегрегации.

Одна из причин захвата территории агломерации субурбиями является трансформация ее сельскохозяйственной функции. Однако кроме сельского хозяйства поселения и селитбы агломерации выполняют и иные функции (рекреационную, туристическую, оздоровительную, производственную). И в настоящее время проблема территориально-пространственной и функциональной организации территорий Хабаровской городской агломерации заключается в поиске наиболее оптимальной формы для сохранения устойчивости всей системы.

Актуальность исследовательской проблематики прежде всего заключается в поиске устойчивых форм расселения в условиях Дальнего Востока. Процессы агломерирования населенных пунктов характерны и для рассматриваемого региона. В стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. [2] агломерационные формы развития позиционируются как основные элементы территориальной организации государства. При этом можно отметить, что формирование агломераций это не однозначный процесс, имеющий различные формы и проявления в зависимости от специфики региона. Необходимость уточнения характеристики агломерационных процессов на Дальнем Востоке России, это важно для совершенствования управления пространственным развитием [1].

Особенности градостроительного развития Дальнего Востока. Дальний Восток осваивался Россией с XVII в. В данном случае пространственно это современные территории Якутии, Магаданской области, Чукотки, Камчатки, Амурской области, Хабаровского и Приморского краев, о. Сахалин. Это крайние восточные земли Евразийского материка. Освоение шло неравномерно, т.е. южные части Дальнего Востока (Амурская область, Хабаровский край, Приморский край) интенсивно начали осваиваться с середины XIX в., тогда как в Якутии первые поселения возникли на самом раннем этапе освоения. Несмотря на то, что за более чем два века градостроительные приемы претерпели значительные изменения от строительства деревянных острогов, до строительства городов с регулярной планировкой и каменными зданиями [4], характер освоения территории не менялся. Каркас системы расселения держался на отдельных населенных пунктах, таких как Якутск, позднее добавились Анадырь, Охотск, Петропавловск-Камчатский и др., и еще позднее Благовещенск, Хабаровск, Владивосток.

Интерес Российского государства к Дальнему Востоку был, прежде всего, как к ресурсной базе. Первоначально это была добыча пушнины.

С XIX в. большой интерес стала вызывать добыча драгоценных металлов, а также леса, рыбы и морепродуктов. Крайняя восточная граница государства проходила по побережью Охотского моря, что вызывало интерес и в развитии торговли с Японией, Америкой. Это же обстоятельство делало восточную границу России уязвимой в стратегическом отношении. Соответственно освоение Дальнего Востока в большей степени носило военный характер. Условия ведения сельского хозяйства не являлись достаточно благоприятными для самообеспечения продуктами питания, особенно в отношении выращивания зерновых культур. Сельскохозяйственное население концентрировалось вокруг городов центров. Сформировалась очаговая система расселения.

С развитием путей сообщения, стала развиваться линейная система расселения вдоль транспортных коридоров, таких как Якутский, Охотский, Аянский тракты, позднее Сибирский тракт, р. Амур, позднее железнодорожная магистраль (Транссиб). Таким образом к началу XX в. на Дальнем Востоке сложилась сеть городов и сельскохозяйственных поселений, обладавшая своей уникальной спецификой. Города, возникающие преимущественно как военные посты, окруженные поселками, где не было дворянских усадеб и крепостных крестьян, становились важными центрами – стратегическими, культурными, образовательными.

Дальний Восток в первой половине XX в. развивался за счет активной индустриализации как в целом страны, так и отдельно как регион, к которому было большое внимание из-за его стратегического пограничного положения. Была недостаточная хозяйственная зрелость и освоенность по историческим причинам. И хотя в 30-е гг. был сделан большой скачок в развитии промышленности и городов, опасность соседства капиталистической Японии и режима Маньчжоу-го предопределило размещение производительных сил в пространстве региона.

Основные обжитые районы страны располагались к западу от Урала, в предвоенные годы качественное развитие получила и Западная Сибирь. Территории восточнее Енисея все еще представляла собой очаговое расселения. Большие расстояния мешали комплексному освоению всей территории. Наиболее удобная для связи с развитыми территориями страны южная часть Дальнего Востока все же находилась очень далеко от центральных областей. Соответственно организация промышленного производства на масштаб всей страны было не рентабельно с точки зрения перевозок. Это же обстоятельство определяло и нерентабельность завоза всех необходимых товаров. Поэтому упор в развитии промышленности, а следовательно и городов делался на развитие собственного потребления и поддержания обороноспособности. В этом были и плюсы и минусы. Многое необходимо было завозить в т.ч. продукты питания. Те немногие относительно плодород-

ные почвы не обеспечивали всех продовольственных потребностей. Однако наличие богатых естественных ресурсов – морских, минеральных вызвала большой в т.ч. стратегический интерес для освоения, минус был в том, что транспортировка этих ресурсов не делала производство достаточно рентабельным. Уже на тот момент было ясно, что некоторые добывающие отрасли необходимо ориентировать на внешний рынок (рыбо- и лесозаготовки).

Наибольшее территориальное распространение приобрела отрасль добычи и переработки рыбы и других морских ресурсов (что было также и в царское время). Отрасль поддерживалась портами и рыбоперерабатывающей промышленностью. Лесная отрасль тоже развивалась, много леса шло на экспорт, что на тот момент вызывало диспропорцию, больше вывозилось чем обрабатывалось. Горнорудная промышленность испытывала затруднение, т.к. основная переработка была за пределами региона. Угольная промышленность и сельское хозяйство были не профилирующими, а обеспечивающими (обслуживающими). Транспорт и особенно речной и морской требовали развития судоремонта и судостроения. За счет строительства новых промышленных центров в регион привлекались большие массы людей, что приводило к росту городов и способствовало изменениям в структуре населения, бывшего ранее больше сельским.

В период до начала Великой Отечественной войны были построены основные промышленные предприятия Дальнего Востока – это металлургический, нефтеперерабатывающий и судостроительный заводы в Комсомольске-на-Амуре, несколько машиностроительных заводов в Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске. Необходимость снабжать производство энергией привело к развитию угэлектростанций и тепловых электростанций. На Камчатке развивалась рыбопереработка, где были построены множество заводов соответствующего профиля. Также можно отметить активность геологоразведки и рост горной промышленности в Якутии, Магаданской области, богатые запасы золота, олова, свинца, цинка, железа, в т.ч. алмазов.

Во второй половине XX в. активное освоение природных ресурсов и развитие указанных отраслей промышленности, а соответственно и транспортного сообщения между различными населенными пунктами привели к закреплению каркаса расселения, который дополнялся сопутствующими городами и поселками. Имеющими определенную взаимосвязь друг с другом.

Таким образом на Дальнем Востоке за XX в. власти сформировалась сложная система городских поселений начиная от крупных индустриальных центров с разнообразными хозяйственными функциями до небольших поселков с резко выраженной односторонней производственной специализацией преимущественно добывающей (рыба, лес, уголь, металл). Крупные центры такие как Ха-

баровск, Владивосток, Благовещенск (в меньшей степени другие города-центры) имели региональное значение, т.к. в них были сосредоточены крупные культурные, образовательные учреждения, НИИ, промышленность, крупнейшие в регионе логистические узлы.

Специфика взаимодействия между населенными пунктами на Дальнем Востоке состояла в том, что процессы агломерирования носили разный характер для каждого города центра. Так к примеру Магадан способствовал формированию группы горнопромышленных поселков, связанных с ним. Хотя они были расположены довольно далеко от него, но в условиях общей разреженности формировали все же единую систему, т.к. добываемые ресурсы аккумулировались в центре. Такую же специфику можно видеть в сложившейся системе расселения на Чукотке и в Якутии. Для Камчатки характерна своя специфика, где Петропавловск-Камчатский стал центром рыбоперерабатывающей промышленности, с которым были связаны все рыбацкие поселения полуострова. Для Сахалина и отдельных участков Амурской области, Хабаровского края (в отдалении от главных транспортных путей) характерно отсутствие крупных центров и взаимодействие всех поселений на базе единой отрасли.

В зоне алияния крупных городов (Хабаровск, Владивосток, Благовещенск) города и поселки городского типа сосредотачивались компактными группами с резко выраженными односторонними связями, т.е. центральный город являлся практически единственным потребителем функций ареала. К примеру Владивосток – крупный промышленный центр окружался рабочими поселками, поселками рыболовецких колхозов, курортами, поселками железнодорожных станций и т.д., обслуживающих город-центр. Такая же картина, но в меньшем масштабе характерна и для других городов Приморья.

Хабаровская агломерация тоже имела свою специфику формирования. Возникнув как военный пост, город – вся его хозяйственная деятельность была подчинена обслуживанию армии и флота. Только железнодорожная линия привела к появлению ремонтных и обслуживающих производств, превращая Хабаровск в транспортный узел. В советское время Хабаровск формировался как индустриальный узел машиностроения. Таким образом вокруг города сформировался пояс в основном сельскохозяйственных поселков и рабочих поселков в основном лесодобычи. Характерной чертой Хабаровской городской агломерации стало то, что сопутствующие населенные пункты не располагались компактно вокруг центра, а вытягивались вдоль железнодорожной магистрали.

Уникальной для Дальнего Востока была сформировавшаяся Комсомольская агломерация. Это был центр черной металлургии и тяжелого машиностроения. Как крупный промышленный центр и центр водно-железнодорожного транспорта Комсомольск способствовал возникновению

по соседству связанных с ним промышленных пунктов, использующих местные сырьевые ресурсы. Это Амурск с ЦБК, Солнечный с горнорудной промышленностью, Пивань – транспортная специализация. Здесь наблюдается промышленная кооперация.

На современном этапе градостроительного развития Дальнего Востока в этом процессе активную роль приобрели социально-культурные аспекты. Утрата большого количества промышленных предприятий заставляет города развиваться в постиндустриальном русле. Взаимосвязь города-центра и его ближайшего окружения уже не носит такую производственную ориентацию, как в период XX в. Тем-не-менее, проблемы взаимосвязанного и взаимовыгодного сосуществования городских агломераций Дальнего Востока нуждаются в переосмыслении, т.к. это затрагивает и вопросы экологии, и вопросы сельскохозяйственного производства, и вопросы рационального функционального зонирования межселенных территорий. Исследование сложившихся и развивающихся взаимоотношений между населенными пунктами в агломерации требует уточнения самого понятия «агломерация», особенно в условиях Дальнего Востока.

На современном этапе развития градостроительства в мире и в России основной акцент делается на формировании двух тенденций – центротрестрительных и центробежных. Центротрестрительные тенденции заключаются в движении населения в наиболее развитые элементы системы расселения, т.е. в крупные города. Центробежные тенденции заключаются в движении населения из центров крупных городов в пригородную зону – субурбанизация. И первая и вторая тенденции связаны с градостроительным развитием пригородных зон отдельных городов и агломераций.

Современные тенденции градостроительства имеют как выраженный мировой характер, так и сугубо региональный. Разрастание городов, миграция населения из сельской местности и из малых городов в крупные, субурбанизация – эти проблемы характерны для большинства регионов как в мире, так и в России. Город как самостоятельный и основной элемент расселения перестал существовать в связи с социальным и культурным развитием общества, развитием техники, индустриализацией. Став открытой системой город генерирует не только свое собственное пространство, но и пространство вокруг себя, являясь центром более крупной системы. В литературе, посвященной системам расселения и градостроительству можно встретить множество понятий, описывающих данный аспект. Прежде всего эти процессы описываются понятием «городская агломерация» – компактное скопление населённых пунктов, главным образом городских, местами срастающихся, объединённых в сложную многокомпонентную динамическую систему с интенсивными производственными, транспортными и культурными связями [7].

Проблемы развития городов и его спутников как взаимосвязанных систем населенных мест и как пространственная структура системы расселения возникли на рубеже 19 и 20 вв., в связи с индустриализацией и быстрым ростом населения в городах. Одним из основоположников развития теории расселения как формирование спутников большого города является Э. Говард и его теория «города-сада», до сих пор являющейся актуальной и отчасти трансформировавшейся и идеях «нового урбанизма».

В. Лавров использует понятие «группа взаимосвязанных населенных мест» применительно к городу и тяготеющим к нему поселений для описания стратегии градостроительного проектирования не отдельного города, а всех поселений в рамках всей группы [9, 10], рассматривая современные пространственные формы расселения, отмечает, что наиболее точным понятием, описывающим совместное сосуществование населенных пунктов является «Групповая система населенных мест (ГСНМ) – совокупность городских и сельских поселений различной величины и экономического профиля, объединенных развитыми территориально-производственными связями, а также общей инженерной инфраструктурой, единой сетью центров социально-культурного обслуживания и мест отдыха населения. Во всех случаях в понятиях нет четких отсылок к формированию подобных систем исключительно городскими поселениями, хотя в качестве центра (или центров) всегда рассматривается город. При этом прослеживается требование прежде всего к территориальной связности, функциональной, социальной и композиционной [6, 9, 10].

Обеспечение устойчивости развития территории тесно связано с формированием устойчивых градостроительных систем. При этом каждый регион имеет свои специфические особенности – исторические, географические, ландшафтные, культурологические, социальные. В условиях Дальнего Востока с ярко выраженной дифференциацией населенных пунктов по размеру, плотности, основной функциональной ориентации формирование систем расселения на разных иерархических уровнях демонстрирует совершенно разные особенности, носящие специфический характер для каждого населенного пункта.

Как отмечает Киреев А.А. [5] универсальность и однозначность агломерации как инструмента развития не возможна. Агломерирование приводит к нарастанию процессов углубления пространственного неравенства. Происходит рост центра за счет периферии. Переток населения северных и сельских территорий ДВ в крупные города Юга Дальнего Востока, стягивание в них бизнесов, трудовых ресурсов, транспортной и социальной инфраструктуры активно идут с 1990-х гг. Примеров же обратного движения – трансляции развития на периферию – крайне мало. Тем-не-мене, агломерационные формы развития градостроительных систем на сегодняшний день имеют

объективный характер. При этом проблемы взаимного развития поселений, входящих в агломерацию, касаются не только распределения населения (ограничения или стимуляции роста поселения), но и рационального совместного использования межселенных территорий. Пригородная зона становится «зоной» конфликтов множества «интересов», зоной столкновения разных стратегий развития: расширение застройки, развитие транспортной инфраструктуры, организация рекреации и сохранение и развитие экологического каркаса, сельское хозяйство, лесное хозяйство, найти баланс в развитии всех этих функций, сложная задача. Агломерирование это мощный механизм трансформации социально-экономического пространства, результат работы которого зависит от множества обстоятельств. Исследовать процессы развития агломерационных форм расселения в условиях Дальнего Востока важно с позиций возможных рисков и конфликтов. Исследование Хабаровской городской агломерации как частного случая Дальневосточного региона с позиций формирования функционально-пространственных и планировочных взаимосвязей и их ресурсов, рационального использования природных ресурсов, позволит сформулировать оптимальную модель ее развития. Несмотря на большое число исследований, посвященных как общетеоретическим вопросам развития систем расселения, так и отдельным аспектам – аграрным ландшафтам и особенностям сельской, малозатяжной пригородной и городской застройки, отдельным аграрным и агропромышленным комплексам и их архитектурной организации, вопросам пространственного размещения аграрных, рекреационных, селитебных и иных функций на территории городской агломерации крупного Дальневосточного города до сих пор уделено мало внимания.

Следует также отметить, что существует множество государственных и региональных стратегий и программ развития Дальнего Востока. Это официальные документы правительства РФ, Правительства Хабаровского края: Национальная программа социально-экономического раз-

вития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года, Стратегия социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года, Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года и др. [2, 8, 11, 12]. Все эти программы также не дают комплексного ответа на вопрос развития системы расселения и в частности объективного развития агломераций, в т.ч. Хабаровской городской агломерации.

Для решения задач исследования дальневосточных агломераций необходимо использование как общетеоретических методов, так и прикладных. Анализ понятия «агломерация» в современной науке позволяет выявить как общетеоретические подходы к изучению этого процесса, так и специфические особенности, характерные для дальневосточного города. Рассматривая Хабаровскую агломерацию как систему взаимосвязанных населенных мест необходимо использовать системный подход, который заключается в последовательном рассмотрении компонентов, обеспечивающих устойчивость системы: структура системы (в т.ч. планировочная структура), функциональность (функциональная взаимозависимость и основные функции системы), процессуальность (возможность трансформации системы в зависимости от внешних и внутренних воздействий), коммуникационность (взаимодействие с окружением), компонентность (основные элементы формирующие систему). Для выявления современных особенностей развития Хабаровской городской агломерации необходимы наблюдение, фотофиксация, проведение социологических исследований (опрос, интервью, сбор статистической информации, касающейся жизнедеятельности каждого поселения, входящего в агломерацию). В состав Хабаровской агломерации авторы включают следующие поселения согласно таблице 1. В соответствии с количеством населения определена генеральная совокупность и выборка для социологического опроса.

Таблица 1. Перечень населенных пунктов Хабаровской городской администрации

№	Муниципальное образование	Административный статус	Население	Выборка	Процент от генеральной совокупности
1	Хабаровск	город	616372	334	87,53%
2	Корфовское городское поселение	рабочий посёлок Корфовский	9090	5	1,29%
3	Анастасьевское сельское поселение	село Анастасьевка	5665	3	0,80%
4	Сельское поселение «Село Бычиха»	село Бычиха	1914	1	0,27%
5	Восточное сельское поселение	село Восточное	4810	3	0,68%
6	Галкинское сельское поселение	село Галкино	1850	1	0,26%
7	Дружбинское сельское поселение	село Дружба	1967	1	0,28%
8	Сельское поселение «Село Ильинка»	село Ильинка	3148	2	0,45%
9	Сельское поселение «Село Казакевичево»	село Казакевичево	734	1	0,10%
10	Князе-Волконское сельское поселение	село Князе-Волконское	10783	6	1,53%

№	Муниципальное образование	Административный статус	Население	Выборка	Процент от генеральной совокупности
11	Корсаковское сельское поселение	село Краснореченское	4453	2	0,63%
12	Мальшевское сельское поселение	село Мальшево	826	1	0,12%
13	Мирненское сельское поселение	село Мирное	3548	2	0,50%
14	Мичуринское сельское поселение	село Мичуринское	3272	2	0,46%
15	Сельское поселение «Село Некрасовка»	село Некрасовка	9101	5	1,29%
16	Осиновореченское сельское поселение	село Осиновая Речка	2362	1	0,34%
17	Сельское поселение «Село Петропавловка»	село Петропавловка	166	1	0,02%
18	Побединское сельское поселение	посёлок Победа	823	1	0,12%
19	Ракитненское сельское поселение	село Ракитное	5661	3	0,80%
20	Сергеевское сельское поселение	село Сергеевка	4407	2	0,63%
21	Тополевское сельское поселение	село Тополево	13212	7	1,88%

Всего 704 164 жителей (генеральная совокупность). Доверительная вероятность 95%, доверительный интервал 5% (погрешность). Общая выборка 384 человека.

Тенденция миграции населения из деревень и поселков в города При этом производство сельскохозяйственной продукции в крае реализуется в основном за счет сельского населения – 74, 1%, крестьянские (фермерские) хозяйства – 2,55%, а на долю крупных хозяйств приходится только около 23,35%. Потеря трудовых ресурсов в селах отрицательно влияет на самообеспеченность края и города. Обратный процесс – миграция горожан в пригороды, приводит не только к трансформации функциональной структуры пригородов в целом, но и к сокращению сельскохозяйственных угодий в частности, что также может снизить продовольственную безопасность города. Развитие агропроизводства на территориях внутри городских агломераций, новые способы сельскохозяйственного производства в городах, требует формулирования новых архитектурных, объемно-пространственных, средовых решений, чтобы повысить аграрную продуктивность городских и пригородных ландшафтов [13].

Заключение. Территория Дальнего Востока в целом и Хабаровского края в частности очень разнообразна по климатическим, демографическим и функциональным характеристикам. Сеть поселений Хабаровского края отличается недолгим периодом формирования, дисперсностью, малой людностью большинства поселений городского типа. Следствием этого становится очаговость системы расселения – концентрация вокруг основных центров и слабая связность с другими центрами. Кроме того, ресурсно-добывающая направленность экономики края диктует локацию существующих или будущих населенных пунктов. В этих условиях определено, что наиболее оптимальной моделью формирования расселения должна стать центричная. Центр локальной агломерации формирует социально-культурные потребности в пределах зоны своего влияния. При этом новые посе-

ления в зависимости от функции могут быть как постоянными, так и временными. Рассмотрение существующего положения системы совместно с общей теорией формирования взаимосвязанных систем населенных мест, с учетом региональной специфики, позволит выявить не только элементы изменений и составить прогноз будущей эволюции системы расселения Хабаровской городской агломерации, но и выявить территориальные ресурсы для его многофункционального градостроительного развития в целях повышения устойчивости системы.

Литература

1. Демьяненко А.Н. Городские агломерации и стратегия пространственного развития: взгляд географа / А.Н. Демьяненко // Регионалистика. 2020. Том 7. № 3. С. 43–52.
2. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (утвержденная указом Президента РФ от 21.01.2020 N 20) [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/3e5/3e5941f295a77fdcfed2014f82ecf37f.pdf> (дата обращения 01.03.2022).
3. Глазычев В.Л. Урбанистика: монография / В.Л. Глазычев. – М.: Европа, 2008. – 220 с.
4. Карамзин О.Г. История развития градостроительства г. Якутска в XX веке / О.Г. Карамзин. – Якутск: Сахаплагиздат, 2000. – 100 с.
5. Киреев А.А. Агломерация как инструмент и проблема (заметки на полях «Стратегии пространственного развития РФ») / А.А. Киреев // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 3. С. 71–78.
6. Колясников В.А. Современная теория и практика градостроительства: пространственное развитие расселения / В.А. Колясников, В.Ю. Спиридонов; Уральский государственный архитектурно-художественный университет (Ур-ГАХУ). – Екатеринбург: Архитектон, 2016. – 194 с.: ил.
7. Мавлютов Р.Р. Пространственное развитие крупных городов России в период постин-

дустриального перехода / Р.Р. Мавлютов. – Волгоград: Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет, 2015. – 161 с.

8. Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2020 г. № 2464-р) [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://minvr.gov.ru/upload/iblock/fdc/nats-programma.pdf> (дата обращения 01.03.2022).
9. Перцик Е.Н. Геоурбанистика: учебник для вузов (спец. «География» и «Геоэкология») / Е.Н. Перцик. – М.: Academia, 2009. – 432с.
10. Преобразование среды крупных городов и совершенствование их планировочной структуры. Ред.-сост. В. Лавров. М.: Строиздат, 1976. – 126 с.
11. Стратегия социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года (в редакции Постановления Правительства Хабаровского края от 29 июня 2020 года N 277-пр) [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/465353006> (дата обращения 01.03.2022).
12. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р) [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения 01.03.2022).
13. Тюкавкина И.Л. Территориальные резервы и перспективы развития аг-рарных элементов в городе Хабаровске / И.Л. Тюкавкина // Новые идеи нового века – 2020: материалы Двадцатой Международной научной конференции: в 3 т. –Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2020–3.т. – Т. 1. – С. 464–470

STUDY OF SUSTAINABILITY OF URBAN AGGLOMERATIONS OF THE FAR EAST: ON THE EXAMPLE OF THE Khabarovsk URBAN AGGLOMERATION

Zadvernyuk L.V., Tyukavkina I.L.
Pacific National University

The study raises the problem of sustainability of urban planning systems in the Khabarovsk Territory in the context of post-industrial development. The historical features of the settlement of the region led to a focal form of the territorial system of settlement. There are several cities that have completely different city-forming, demographic, and territorial potential. In the context of the demographic contrac-

tion of the Far East and the indicated specifics of cities, the strategy for the further development of each of its settlements should take into account both the specifics of the region as a whole and the specifics of each specific place. The need to search for the foundations of the structure formation of the settlement system within a separate agglomeration is dictated by global trends in urban planning.

Keywords: Far East, agglomeration, urban development, settlement system, sustainable development.

References

1. Demyanenko A.N. Urban agglomerations and the strategy of spatial development: a geographer's view / A.N. Demyanenko // *Regionalistics*. 2020. Volume 7. No. 3. S. 43–52.
2. Doctrine of food security of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation of 01/21/2020 N 20) [electronic resource]. Access mode: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/3e5/3e5941f295a77fdcfed2014f82ecf37f.pdf> (accessed 03/01/2022).
3. Glazychev V.L. *Urbanistics: monograph* / V.L. Glazychev. – М.: Europe, 2008. – 220 p.
4. Karamzin O.G. The history of the development of urban planning in Yakutsk in the XX century / O.G. Karamzin. – Yakutsk: Sakhapligraphizdat, 2000. – 100 p.
5. Kireev A.A. Agglomeration as a Tool and a Problem (Marginal Notes of the Strategy for Spatial Development of the Russian Federation) / A.A. Kireev // *Regionalistics*. 2020. V. 7. No. 3. S. 71–78.
6. Kolyasnikov V.A. Modern theory and practice of urban planning: spatial development of settlement / V.A. Kolyasnikov, V. Yu. Spiridonov; Ural State University of Architecture and Art (Ur-GAHU). – Yekaterinburg: Architecton, 2016. – 194 p.: ill.
7. Mavlyutov R.R. Spatial development of large cities of Russia during the post-industrial transition / R.R. Mavlyutov. – Volgograd: Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering, 2015. – 161 p.
8. National program for the socio-economic development of the Far East for the period up to 2024 and for the future up to 2035 (approved by the order of the Government of the Russian Federation of September 24, 2020 No. 2464-r) [electronic resource]. Access mode: <https://minvr.gov.ru/upload/iblock/fdc/nats-programma.pdf> (accessed 03/01/2022).
9. Pertsik E.N. *Geourban studies: a textbook for universities (special "Geography" and "Geoecology")* / E.N. Pertsik. – М.: Academia, 2009. – 432 p.
10. Transformation of the environment of large cities and improvement of their planning structure. Ed.-stat. V. Lavrov. М.: Stroizdat, 1976. – 126 p.
11. Strategy for the socio-economic development of the Khabarovsk Territory for the period until 2030 (as amended by the Decree of the Government of the Khabarovsk Territory of June 29, 2020 N 277-pr) [electronic resource]. Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/465353006> (accessed 03/01/2022).
12. Spatial development strategy of the Russian Federation for the period up to 2025 (approved by the order of the Government of the Russian Federation of February 13, 2019 No. 207-r) [electronic resource]. Access mode: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (accessed 03/01/2022).
13. Tyukavkina I.L. Territorial reserves and prospects for the development of agrarian elements in the city of Khabarovsk / I.L. Tyukavkina // New ideas of the new century – 2020: materials of the Twentieth International Scientific Conference: in 3 volumes – Khabarovsk: Izd – to the Pacific. state un-ta, 2020–3.t. – T.1. – pp. 464–470.

Акимова Ирина Александровна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Социология и культурология» Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана (Национального исследовательского университета)
E-mail: akimova@bmstu.ru

Моторина Ирина Егоровна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Социология и культурология» Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана (Национального исследовательского университета)
E-mail: iemotorina@bmstu.ru

Попова Анна Алексеевна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Социология и культурология» Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана (Национального исследовательского университета)
E-mail: popovaaa@bmstu.ru

В статье рассматривается проблема исследования экологической культуры с использованием методов и понятий синергетической концепции. Актуализируются теории синергетики в соответствии с повесткой современного этапа развития социальной и технологической действительности. Определяется проблемное поле исследований экологической культуры и условия ее формирования с точки зрения теории систем. Авторами анализируются пути развития экоккультуры в современном обществе и место экологической безопасности в социальной действительности нестабильности технологических систем и возможных социальных рисков, с ними связанных. Цель статьи – проанализировать соотношение понятия экологической культуры и синергетической парадигмы развития общества с целью обозначения перспективных направлений формирования экологической безопасности. Показаны механизмы формирования конструктивной экологической позиции общества в рамках экологизации и гуманизации в рамках дополнения концепции экологической безопасности.

Ключевые слова: экология, экологическая безопасность общества, синергетика, экологическая культура, экополитика, социальная парадигма.

Введение

В последней трети XX века активно начинает развиваться междисциплинарная область исследований процессов самоорганизации и коэволюции сложных систем, получившая название «синергетика». Термин принадлежит немецкому физическому Герману Хакену, который в 1977 году публикует работу с одноименным названием, где дается определение данного экстремума, близкое современному пониманию [1]. Большое значение в становлении синергетической парадигмы принадлежит труду бельгийского химика Ильи Романовича Пригожина и бельгийского философа Изабель Стенгерс «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой» [5]. Отечественные синергетические исследования представлены в трудах В.С. Степина, Н.Н. Моисеева, Ю.А. Данилова, Ю.Л. Климонтовича, В.А. Шупера, Е.Н. Князевой, С.П. Курдюмова, В.А. Рабоша и др.

Изначально идеи синергетики развивались в рамках математических и естественно-научных систем (биологических, физических, химических), однако, в дальнейшем ее влияние было распространено на социокультурную сферу. Фактически произошла очередная научная революция, благодаря которой сформировался новый подход к социокультурным изменениям и механизмам динамических процессов. То, что Рабош В.А. определил, как синергетическую теорию: «Под синергетической теорией в целом понимается, прежде всего, теория, имеющая своим предметом изучения системы, состоящие из множества подсистем различной природы, кооперативное взаимодействие которых приводит к возникновению упорядоченных структур» [6, с. 82–83]. Если в естествознании синергетика полностью обоснована и математически просчитана, то применительно к социуму, культуре следует отметить гипотетичность применения идей синергетики в полной мере. Однако в культуре все элементы и процессы находятся в неравновесном состоянии, и важным становится не только формирование новой структуры, но и выявление деструктивных аспектов, мешающих процессам самоорганизации.

Синергетическая парадигма: методы исследования и основные понятия

Для осуществления процессов самоорганизации необходимо выполнение трех условий: система должна быть открытой, неравновесной и нелинейной. Открытость системы применительно к культуре в целом или отдельным ее элементам означает обмен веществом и энергией в каждой точке системы. Если мы вводим понятие «культурная информация»,

то становится очевидным, что культуру вполне можно рассматривать как открытую систему, так как всегда существуют постоянно действующие источники новой информации, а какая-то часть рассеивается, исчезает, становится не востребуемой.

В любой точке системы заложены многочисленные варианты ее динамического развития, но система выбирает только один аттрактор – вектор становления новой структуры. В таком контексте аттрактор определяется как «относительно устойчивое состояние системы, которое как бы притягивает к себе все множество «траекторий» системы, определяемых разными начальными условиями» [3, с. 89]. Необходимо наличие двух начал, тенденций: порядка (за счет работы источника) и хаоса (за счет работы стока). Без хаоса невозможны процессы самоорганизации, образования новой структуры. Если в системе разрушающее, хаотическое, диссипативное начало преобладает, эволюция системы невозможна. Но она невозможна и при отсутствии диссипации. Поэтому внутренний процесс механизма самоорганизации заключается в борьбе этих двух начал.

Так как самоорганизующаяся система реагирует на любые отклонения, флуктуации, хаос выступает как разрушающее начало. Но, с другой стороны, он способствует смене режимов развития, выведению на аттрактор, поэтому может рассматриваться как конструктивное и созидательное начало. Неравновесность системы определяется существованием не только порядка, но и хаоса.

Третья характеристика синергетической парадигмы заключается в нелинейности, множественности путей эволюции. Чем дальше система отходит от устойчивого состояния, тем ближе она становится к некоему пределу, порогу стабильности, приближаясь к определенной точке, которая называется точкой бифуркации (в ней заложены два возможных аттрактора становления новой структуры) или полифуркации (когда таких аттракторов больше двух), «точка бифуркации – это точка ветвления путей открытой нелинейной системы». Это своеобразный порог устойчивости. Начинает реализовываться тенденция самоорганизации.

Когда определенный аттрактор выбран системой, начинаются процессы ее перестройки к новому устойчивому состоянию. Начиная с точки бифуркации, ее самоорганизация будет реализовываться по выбранному вектору-аттрактору, по предначертанному пути. Получается, что будущее новое устойчивое состояние системы предопределяется уже в точке бифуркации (полифуркации). Аналогии подобных ситуаций можно найти в русском фольклоре, когда герой стоит на распутье, выбирая свою судьбу (налево, направо, прямо поедешь). Неустойчивое состояние при приближении к точке бифуркации зависит от этих флуктуаций [5]. Итак, ключевым моментом синергетической парадигмы выступает именно неустойчивость.

Аттрактор может повести систему как по пути прогресса, так и по пути регресса. Если внешнее

воздействие будет соответствовать внутренним тенденциям самоорганизации, процессы станут сверхбыстрыми. Так произошло с китайской экономикой. Начиная с 80-х годов прошлого века ВВП страны вырос в 1000 раз и занял лидирующие позиции в мире. Этому способствовали дешевая рабочая сила, невысокие требования к экологии промышленности, свободный выход на мировые рынки.

Подобное понимание механизмов социокультурной динамики исключает силовые методы воздействия на культуру. Нельзя навязывать и проталкивать определенные решения. Проблема управления в культуре выглядит в свете синергетики иначе: необходимо искать или математически просчитывать такие пути развития, которые бы соответствовали внутренним тенденциям развития. Жизнедеятельность культурной системы зависит от многочисленных коммуникационных связей: экономических, политических, художественных, научных, религиозных и др. Поэтому применять безоговорочно синергетическую парадигму к культуре в целом довольно проблематично. А вот отдельные ее элементы довольно хорошо уживаются с синергетикой. Это относится, в частности, к синергетике образования, педагогического процесса, к синергетике устойчивого развития [7].

Благодаря синергетике формируются принципиально новые методы управления сложными системами. При этом развитие экологической культуры должно осуществляться такими путями, которые бы способствовали консолидации всего человечества и не наносили бы вреда природе. С широким распространением информационных технологий специфика точных и социогуманитарных областей знания вытесняется междисциплинарным подходом. «Визуализация синергетических знаний на компьютерах может служить в качестве моста между гуманитарными и естественными науками, а равным образом – между традиционными образами культуры и новейшими достижениями науки, между красотой произведений искусства и строгостью научных результатов» [3, с. 187].

Экологическая культура

Антропологи начинают использовать термин «экологическая культура» с середины XX века, как детерминанту исследования роли культуры в качестве важного компонента влияния на экосистему. В России на институциональном уровне в 2002 году был принят Федеральный закон «Об охране окружающей среды», в котором предусматривались такие механизмы формирования экологической культуры, как экологическое образование, подготовка руководителей организаций и специалистов в области охраны окружающей среды и экологической безопасности, и экологическое просвещение. Так, экологический кодекс для государств участников содружества независимых государств определяет экологическую культуру, как «отечественный и ми-

ровой опыт гармоничного взаимодействия человека и природы» [10]. Отечественные исследователи отмечают, что «отличительной чертой высокой экологической культуры современного общества является способность достигать наибольшего единства общества и природы, понимание того, что охрана окружающего мира является средством защиты человека как вида. Экокультура сама по себе невозможна без личного участия» [9]. С 2012 года Неправительственный экологический фонд имени В.И. Вернадского осуществляет Международный проект «Экологическая культура. Мир и согласие», основной задачей которого постулируется популяризация и поощрение проектов, которые могут быть применены на практике практическое для создания и распространения экологической культуры в целях устойчивого развития. Данное направление деятельности активизирует вовлеченность государственных структур, бизнеса, образовательных учреждений, общественных организаций и граждан в решение вопросов охраны окружающей среды и развития экологической культуры. Одно из последних проведенных мероприятий фонда – VII Всероссийская конференция с международным участием по экологическому образованию «Образование-2030. Учиться. Пробовать. Действовать» [10], проведенная в октябре 2021 года. Развитие экологического сознания становится одним из важных трендов нового времени, например, ЮНЕСКО ставит перед мировым сообществом задачу к 2025 году включить в учебные программы курсы по экологическому образованию.

Все эти инициативы указывают на актуальность и востребованность экологического образования, которое, в свою очередь, формирует экологическую культуру. Урбанизация, высокие темпы научно-технического прогресса приводят к тому, что современный человек всё больше думает о своём воздействии на окружающую среду и способах минимизации экологических рисков. Как отмечают Цветкова И.В. и Мухаметшина Н.С., «Экологическая культура – это система рационального управления средой обитания человека и природными системами с целью обеспечения устойчивого развития современной цивилизации на основе ценностей экологического гуманизма» [8].

Таким образом проявляются функции культуры – смыслообразующая и нормативная: у молодого поколения формируются экологические ценности и эколого-ориентированные мировоззренческие установки, что становится фундаментом для развития экологической культуры во всём мире. Становится понятным взаимосвязь окружающей среды и человека, их взаимного влияния, причем не всегда положительного. Социокультурная динамика, изучая различные этапы развития феноменов культуры (от прогресса к стагнации и регрессу), использует в качестве инструмента познания синергетическую модель культуры, в которой выражена и многолинейность процессов, и точки бифуркации, как точки «выбора» или изменений, и прогностические варианты развития

будущего через анализ возможных вариантов. Данная модель применима и к исследованию экологической культуры – окружающая среда постоянно ставит человека в точку выбора – способы производства и социальные структуры, адаптация к изменениям окружающей среды (глобальное изменение климата, засуха). Применения синергетического подхода для анализа экологической культуры и прогнозирование возможных аттракторов, кажется нам наиболее эффективным на данном этапе исследований данной проблематики. Многие современные авторы акцентируют внимание на синергетической парадигме исследований экологической культуры, например, работы С.Б. Игнатова и В.А. Игнатовой «Экологическая культура: системно-синергетический подход к описанию феномена», Н.П. Несговорова и В.Л. Савиных «Синергетический подход в определении содержания экологической культуры», так, Лещинская В.В., отмечает, что «в действительности экология сегодня представляет собой сложную междисциплинарную науку, являющую собой яркий пример синергетичности научной картины мира. В научном мире ведётся разговор об экологической интеграции современного научного знания: социально-гуманитарных, естественных и технических наук, делаются попытки по формированию системной экологии, основанной на био-социо-духовной сущности человека. Появились и развиваются такие смежные науки, как социальная экология, экологическая психология, экологическая экономика, экогеография, геоэкология и т.д. Переход же к экологической культуре – это пересмотр всех областей человеческого знания и всего поля духовной культуры. Настал момент, когда необходимость качественного переворота цивилизационного мировоззрения очевидна» [4].

Экологическая культура в рамках синергетической концепции

Человечество имеет достаточный интеллектуальный потенциал для того, чтобы спасти природу и пережить экологический кризис. Ещё на заре интереса к экологической культуре «Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию пришла к заключению, что непрерывный экономический рост, как необходимое условие для устранения массовой бедности, возможен лишь в рамках более справедливого международного экономического порядка. Комиссия призвала перейти к новой эре экономического роста – такого, который бы улучшал ресурсную базу, вместо того, чтобы разрушать ее. Теперь мы знаем, что рост и развитие необязательно должны сопровождаться ухудшением окружающей среды, что на самом деле, благодаря росту можно создать капитал, необходимый для решения экологических проблем» [2, с. 7–15]. Экспонентный рост развития и внедрения техники и технологий привет к тому, что проблема экологии и экологической культуры становится одной из самых важных и актуальных. Интересные научные решения поставленных

экологических задач можно получить в рамках синергетики. Как известно, синергетика рассматривает неравновесные открытые системы, исследует закономерности становления в них устойчивых структур. Все природные системы являются самоорганизующимися. Человек своей деятельностью нарушает процесс саморегулирования. Так с лица Земли исчезают многие природные структуры, что приводит к обеднению биологического генофонда. Поскольку синергетизм есть суммарный эффект воздействия нескольких факторов, человеческий фактор должен быть одним из неотъемлемых элементов всей системы синергетических воздействий. Он должен быть закономерным, планируемым, находиться в отношении определенной взаимосвязи с другими природными факторами. В этом случае это привело бы к становлению новой устойчивой структуры, необходимой для человека – ноосферы. Становление ноосферы возможно лишь в том случае, когда человеческие воздействия на природу будут синергетически приемлемыми.

Тезис об экологизации и гуманизации всей социальной деятельности дополняется концепцией экологической безопасности. Экологическая безопасность – новый этап развития отношений в дихотомии «человек – природа», призванный нивелировать экологические опасности и риски на организационном, институциональном и управленческих уровнях. Формирование информационного общества и внедрение новых технологий актуализирует риски, связанные с экологией и это, означает, что концепция прогресса в старом смысле слова уступает место концепции безопасности человечества.

Пока не выработана целостная система направлений экоразвития. Однако некоторые пути уже намечены. На первом этапе необходимо решить те экологические проблемы, которые обусловлены бездумным отношением к природе и нарушением существующих экологических норм. Условно этот этап можно назвать экстенсивным.

На втором этапе управления экоразвитием необходимо максимально уменьшить загрязнение окружающей среды, соединив этот процесс с минимальным использованием любого ресурса биосферы. К концу второго этапа осуществить переход на интенсивно-коэволюционный путь развития.

Третий этап определяется интенсивным ростом экологической культуры и экологического образования и формирует блок новых экологических проблем.

Сейчас для человечества особое значение приобретает временной фактор. Нужно выиграть время для изменения сознания людей, переходить от отношений, построенных по принципу «субъект – объект», к отношениям, построенным по принципу «человек – мир». На этом пути возникают довольно сложные барьеры.

Первый из них – нравственно-психологический. Человечество ни психологически, ни морально не осознало еще возможность экологической катастрофы.

Второй барьер – социально-политический. Механизм экополитики сегодня существует на четырех уровнях: международно-глобальном, государственном, региональном и локальном. К сожалению, часто речь идет только о признании в декларациях ухудшения экологической ситуации. Принято решение «мыслить глобально, действовать локально», но далеко не все страны мира разделяют эти убеждения. Так как решение экологических проблем носит политический характер, необходимо формирование экологического сознания у политических лидеров, во властных структурах.

Третий барьер – организационно-экономический. Решение экологических проблем требует огромных средств уже сегодня. Ни введение экологических налогов, ни отказ от дорогостоящих программ, прежде всего военных, ситуацию не изменят. Некоторые ученые пришли к выводу, что экологические циклы не вписываются в рыночные отношения (эти идеи разделяли Э. Фромм и Б. Коммонер): первичными должны быть не рыночные, а экологические отношения; на этапе ноосферы возможно полное исчезновение рыночных отношений. Поэтому нужны серьезные исследования влияния рынка на экологию.

Тезис об увеличении независимости человека от природы явно неверен. Масштабы этой зависимости нарастают с эффектом бумеранга: если раньше человек зависел только от природы, теперь он попадает в зависимость от тех изменений, которые сам производит в природе. Люди делают все более зависимыми друг от друга, становясь не только глобальной, геологической (по В.И. Вернадскому) силой, но и неразделимым единым целым, все более интегрируемым с природным окружением. Только в том случае, если человечество сделает экологическую парадигму приоритетной в своем сознании и деятельности, возможно становление новой планетарной культуры.

Заключение

Объективной предпосылкой становления новой экологической культуры, тесного сотрудничества в решении экологической проблемы является то обстоятельство, что сама биосфера едина в пределах Земли и космоса. Ресурсы мирового океана, атмосферный воздух, круговорот воды в природе, мигрирующие через государственные границы животные, передвижения рыбы в реках, морях и океанах – все это является естественной основой для сотрудничества государств, их жизненной необходимостью. Поэтому все мировое сообщество должно объединить свои усилия для предотвращения экологической катастрофы. В этой связи экологическое воспитание и образование становится одной из самых насущных задач современности. Во многом решение экологических проблем носит политический характер. От умения и воли политиков современного мира, от уровня их экологической культуры во многом будет зависеть будущее всего человечества.

Литература

1. Camilla Maciel Rabelo Pereira, d, Danielle Karla Alves da Silvab, Bruno Tomio Gotoc, Søren Rosendahl, Leonor Costa Maiaa. Management practices may lead to loss of arbuscular mycorrhizal fungal diversity in protected areas of the Brazilian Atlantic Forest/ *Fungal Ecology/ Volume 34, August 2018, p. 50–58.*
2. Брундтланд Г.Х. Необходимы конструктивные решения // *В мире науки.* 1989, Вып.11, С. 138–139.
3. Князева Е. Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М.: КомКнига, 2005. 240 с. С. 89.
4. Лещинская В.В. Об экологической культуре: хорошо ли видна нам цель? // *На русских просторах: историко-литературный журнал.* 2017. Вып. 3 (30). С. 151–161.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
6. Рабош В.А. Синергетика образования человека // *Успехи современного естествознания.* 2004. № 3. С. 82–83.
7. Рабош В.А. Философско-синергетические основания концепции устойчивого развития. Автореф. дисс. на соискание степени доктора философских наук. СПб., 2008. <https://cheloveknauka.com/v/299716/a/#?page=1> (дата обращения: 07.02.2022)
8. Цветкова И.В., Мухаметшина Н.С. Онтологические аспекты экологической культуры // *Вестник БГУ.* 2020. № 1.
9. Чомаева М.Н. Аспекты формирования экологической культуры // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* 2020. № 11–1.
10. Экологический кодекс для государств – участников содружества независимых государств. <https://docs.cntd.ru/document/902050869>

ECOLOGICAL CULTURE IN THE CONTEXT OF IDEAS OF SYNERGETICS

Akimova I.A., Motorina I.E., Popova A.A.

Bauman Moscow State Technical University (National Research University)

The article deals with the problem of ecological culture research using the methods and concepts of the synergetic concept. The theories of synergetics are updated in accordance with the agenda of the current stage of development of social and technological reality. The problem field of ecological culture research and the conditions of its formation from the point of view of systems theory are determined. The authors analyze the ways of ecoculture development in modern society and the place of environmental safety in the social reality of the instability of technological systems and possible social risks associated with them. The purpose of the article is to analyze the relationship between the concept of ecological culture and the synergetic paradigm of the development of society in order to identify promising areas for the formation of environmental safety. The mechanisms of formation of a constructive ecological position of society within the framework of greening and humanization within the framework of supplementing the concept of environmental safety are shown.

Keywords: ecology, ecological safety of society, synergetics, ecological culture, ecopolitics, social paradigm.

References

1. Camilla Maciel Rabelo Pereira, d, Danielle Karla Alves da Silvab, Bruno Tomio Gotoc, Søren Rosendahl, Leonor Costa Maiaa. Management practices may lead to loss of arbuscular mycorrhizal fungal diversity in protected areas of the Brazilian Atlantic Forest/ *Fungal Ecology/ Volume 34, August 2018, p. 50–58.*
2. Brundtland G. Kh. Constructive solutions are needed// *In the world of science.* 1989, N11, pp. 138–139.
3. Knyazeva E. N., Kurdyumov S.P. Fundamentals of synergetics. Synergistic vision. M.: KomKniga, 2005. 240 p. S. 89
4. Leshchinskaya V.V. On ecological culture: is the goal clearly visible to us?// *In Russian open spaces: a historical and literary journal.* 2017. Issue. 3 (30). pp. 151–161.
5. Prigozhin I., Stengers I. Order out of chaos. A new dialogue between man and nature. – M.: Progress, 1986. – 432 p.
6. Rabosh V.A. Synergetics of human education // *Successes of modern natural science.* 2004. No. 3. S. 82–83.
7. Rabosh V.A. Philosophical and synergetic foundations of the concept of sustainable development. Abstract diss. for the degree of Doctor of Philosophy. SPb., 2008. <https://cheloveknauka.com/v/299716/a/#?page=1> (date of access: 02/07/2022)
8. Tsvetkova I.V., Mukhametshina N.S. Ontological aspects of ecological culture // *Bulletin of BSU.* 2020. № 1.
9. Chomaeva M.N. Aspects of the formation of ecological culture // *International Journal of the Humanities and Natural Sciences.* 2020. No. 11–1.
10. Environmental Code for the States Members of the Commonwealth of Independent States (General Part) (Decree N 27–8 of November 16, 2006) <https://docs.cntd.ru/document/902050869>

Взаимосвязь зависти и уровня субъективно экономического благополучия у современной молодежи

Шукшина Людмила Викторовна,

доктор философских наук, доцент, кафедра психологии,
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова»
E-mail: liudmila.shukshina@yandex.ru

Эйфир Маргарита Михайловна,

студент Высшей школы социально-гуманитарных наук
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова»
E-mail: eyfir2001@yandex.ru

В статье описываются основные этапы развития понятия зависти, представлены результаты эмпирического исследования, посвященного изучению влияния зависти на уровень субъективно-экономического благополучия и нравственного отношения к деньгам. Стоит отметить, что на сегодняшний день исследование зависти и уровня субъективного экономического благополучия является актуальным вопросом экономической психологии. Сформированная теоретическая база не даёт точного и полного понимания, что же представляет собой зависть, как психологический феномен. Поэтому основной целью данного исследования является изучение и описание характера взаимосвязи форм зависти личности (зависть-неприятнь; зависть-уныние) с нравственной оценкой денег, а также анализ взаимосвязи между субъективным экономическим благополучием и формами зависти личности. Выборку составили 43 человека в возрасте от 18 до 24 лет.

Ключевые слова: психология, экономика, зависть, деньги, благополучие.

Согласно идеям, представленными в холистическом индивидуальном психологическом подходе А. Адлера, зависть является результатом внутриличностного конфликта между ощущением собственной «неполноценности» и стремлением к превосходству.

Во многом данная теория находит свое подтверждение и в исследованиях К. Муздыбаева, которые были отражены в работе «Завистливость личности». В ней ученый установил такие коррелянты зависти, как поведенческие, когнитивные и личностные, а также выявил предрасположенность различных социальных групп к завистливости. По мнению К. Муздыбаева зависть представляет собой исключительно негативное явление, имеющее антисоциальное и дисфункциональное качество. Изучая социальные установки к успеху и везению в социальных группах, ученый выявил, что студенты, ставящие перед собой цель добиться высоких учебных достижений, проявляют больше чувства зависти к успешному однокласснику или однокласснице во всех случаях, чем представители других социальных групп [5].

В свою очередь К. Хорни писала, что зависть является следствием слабости и «безнадежности» завидующего, но при этом компенсируется стремлением к власти и престижу. Чувство зависти проявляется в желании завидующего присвоить себе то, чем обладает субъект зависти либо же уничтожить, разрушить то благо, которое является предметом зависти. В данном случае, важной причиной, как отмечает К. Хорни, является фрустрация потребности в самореализации, оказывающая сильное благотворное влияние на личность и придающее большой смысл для жизни человека [6].

Изучая феномен зависти Е.П. Ильин выделил два основных фактора (внешний и внутренний) для описания ее формирования:

· Внешние факторы – основанием для возникновения данных факторов будет являться близкое статусное положение объекта зависти к завидующему субъекту. В этом случае объект будет сравнивать свои достижения и результаты, опираясь на статус и положение субъекта.

Внутренние факторы – по Е.П. Ильину к ним будут относиться определенные особенности личности такие как: эгоизм, себялюбие, тщеславие, бессилие, т.е. неспособность завидующего человека достичь того уровня, на котором находится другой человек [4].

Исследование феномена зависти отражено и в современном исследовании Т.В. Бесковой. Согласно ее концепции основными детерминантами зависти могут служить:

- Универсальные факторы (фрустрация потребности в признании), внешние условия (социально-экономическое расслоение, условия социализации в малых группах),
- Внутренние факторы (характеристики когнитивной, аффективной, мотивационной, рефлексивной, нравственной сферы; низкий уровень субъективности личности)[2].

В работе Р.М. Шамионова и Т.В. Бесковой отмечается, что завистливость неоднозначно связана с экономическими отношениями личности. Высокий экономический статус объекта и желание обладать благами субъекта с одной стороны могут послужить основой зависти, а с другой – вызвать активность, направленную на достижение материального. Отсюда следует, что различие в отношении к материальным благам может по-разному быть связано с завистливостью личности. Поэтому необходимо определить, каким образом связаны экономико-психологические характеристики личности с ее завистливостью [8].

Таким образом, задачами эмпирического исследования являются:

1. Изучить взаимосвязь форм зависти личности с нравственной оценкой денег.
2. Провести корреляционный анализ взаимосвязи субъективного экономического благополучия(СЭБ) и завистью личности.

В исследовании приняли участия респонденты в возрасте от 18 до 24 лет(n=43), средний возраст которых составил 19 лет.

Опрашиваемым были предложены три методики: «Нравственная оценка денег» Е.И. Горбачевой и А.Б. Купреченко [3], Методика исследования зависти личности Т.В. Бесковой [1] и Методика Субъективного экономического благополучия В.А. Хашченко [7]. Шкалы данных методик показали высокий уровень внутренней согласованности и валидности, что позволяет использовать их в исследовании данной проблемы.

На первом этапе был проведен сравнительный анализ, который показал, что большинству респондентов (84%) свойственна такая характеристика завистливости, как зависть-уныние (Рис. 1). Это означает, что большинство участников опроса не испытывают к другим такие чувства как ненависть, неприязнь, враждебность, вместо этого, они переживают досаду, отчаяние, уныние, грусть. Основным механизмом их восприятия заключается в том, что субъекту кажется, что он сделал все возможное для достижения желаемой цели, но успеха так и не добился. И как результат завистливое отношение может возникнуть к тем кто имеет все то, что не имеет, но очень желает иметь он. В этом случае субъект умалчивает, игнорирует достижения конкурента как несуществующие или же намеренно восхваляет достоинства менее достойного человека.

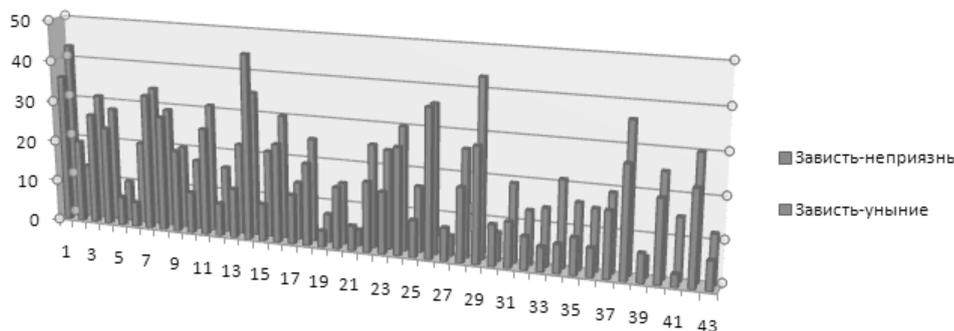

Рис. 1. Сравнительная характеристика категорий зависть-неприязнь и зависть-уныние

Из приведенного ниже графика (Рис. 2) видно, что наиболее выраженными нравственными категориями по отношению к деньгам молодежи являются: средства существования, развлечения, власть и комфорт. Стоит так же отметить, что

не менее значимыми категориями нравственного отношения к деньгам будут являться: ответственность, достижения, свобода, здоровье, сила, безопасность и развитие.

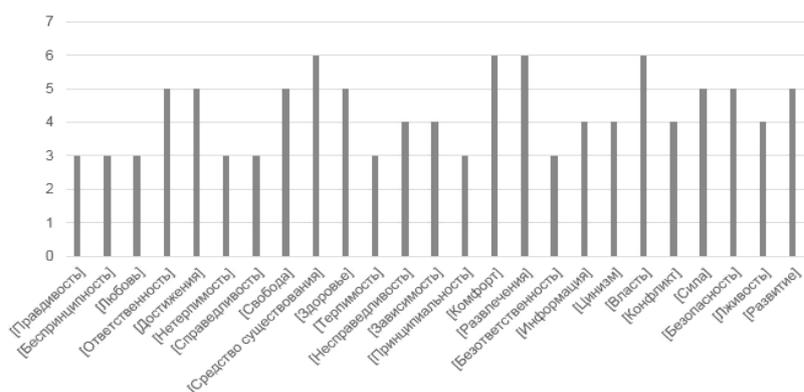

Рис. 2. Средние значения нравственного отношения молодежи к деньгам

Рассматривая результаты методики уровня субъективно-экономического благополучия (Рис. 3) мы видим, что наиболее выраженными категориями являются экономический оптимизм

и финансовая деприватность. Данные критерии говорят оптимистической оценке роста материального благополучия и текущем благосостоянии выше средне обозначенного уровня (10,7–10,8).

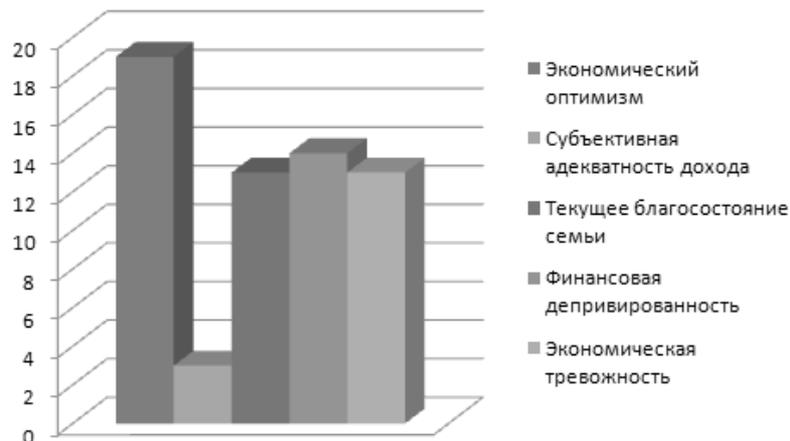

Рис. 3. Средние значения категорий субъективно-экономического благополучия молодежи

Таблица 1. Взаимосвязь завистливости и категорий отношения к деньгам

Категории отношения к деньгам	Зависть- неприязнь	Зависть- уныние
Нетерпимость	0,09	-0,008
Ответственность	0,145	0,09
Достижения	0,396**	0,359*
Свобода	0,306*	0,325*
Справедливость	-0,01	0,04
Средство существования	0,242	0,248
Здоровье	0,301*	0,305*
Терпимость	0,07	0,105
Несправедливость	0,205	0,298
Зависимость	0,257	0,266
Принципиальность	-0,122	-0,045
Безопасность	0,038	0,034
Развитие	-0,116	-0,063
Лживость	0,292	0,293
Власть	0,202	0,191
Комфорт	0,198	0,293
Сила	0,497*	0,3
Конфликт	0,204	0,239
Развлечение	0,278	0,11
Безответственность	0,307	0,188
Информация	0,201	0,28
Цинизм	0,369	0,329
Правдивость	-0,176	-0,201
Беспринципность	0,225	0,145
Любовь	0,047	-0,033

*корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя)

**корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя)

На втором этапе исследования был проведен корреляционный анализ всей выборки респондентов с целью поиска взаимосвязи между формами зависти личности и нравственной оценкой денег. В ходе анализа было выявлено, что значимой для исследования корреляциями между категориями зависти и отношения респондентов к деньгам отсутствует. Но при этом мы видим, что зависть-неприязнь и зависть-уныние имеет слабую прямую связь (Таблица 1) с категориями «достижения» ($r=0.396$ при $p<0.05$), «свобода» ($r=0.306$ при $p<0.01$), «здоровье» ($r=0.301$ при $p<0.01$), а также зависть-неприязнь имеет прямую слабую корреляционную зависимость с категорией «сила» ($r=0.397$ при $p<0.01$).

Полученные результаты во многом согласуются с теорией, предложенной Т.В. Бесковой, которая утверждает, что направленность взаимосвязи отношения к деньгам и категорий завистливости неоднозначны. Во многом это связано с тем, что как психологическое образование завистливость появилась намного раньше, чем отношение к деньгам и экономическое благополучие в целом, поэтому следует предположить, что зависть-неприязнь и зависть-уныние будут в основном направлены к экономическим отношениям.

Исходя из результатов корреляционного анализа между категориями зависти и уровнем субъективного благополучия (СЭБ) (Таблица 2) стоит отметить, что такие категории, как «зависть-уныние» – «текущее благосостояние семьи» ($r= -0.308$ при $p<0.01$) и «зависть-неприязнь» – «текущее благосостояние семьи» ($r= -0.331$ при $p<0.01$) имеют обратную среднюю корреляционную связь. Так же данная связь наблюдается между «зависть-неприязнь» – «финансовая деприватность» ($r= -0.349$ при $p<0.01$) и «зависть-уныние»-финансовая деприватность ($r= -0.552$ при $p<0.05$)

Таблица 2. Взаимосвязь зависти и уровня СЭБ

	Экономические оптимизм	Субъективная адекватность дохода	Текущее благосостояние семьи	Финансовая деприватность	Экономическая тревожность
Зависть неприязнь	-0,09	-0,232	-0,308*	-0,349*	-0,224
Зависть-уныние	-0,227	-0,288	-0,331*	-0,552**	-0,213

*корреляция значима на уровне 0,01(двухсторонняя)

**корреляция значима на уровне 0,05(двухсторонняя)

Таким образом, исходя из результатов теоретико-эмпирического анализа данного исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Зависть с точки зрения как зарубежных, так и отечественных психологов представляет собой негативное явление, основанное на таких значимых факторах, как стремление личности к превосходству, желание добиться таких же как материальных, так и не материальных благ, как и объект зависти, желание выглядеть лучше перед самим собой. Данное понятие во многом схоже с понятием субъективно-экономического благополучия (СЭБ), основанное на экономическом отношении личности.
2. В ходе исследования было выявлено, что значимой взаимосвязи между завистливостью личности и уровнем субъективно-экономического благополучия нет. Таким образом завистливость личности не влияет на уровень субъективно-экономического благополучия. Но в тоже время были выявлены слабые взаимосвязи между завистливостью и такими нравственными категориями, как: «достижения», «свобода», «здоровье», «сила». А также слабую обратную корреляцию между завистливостью и текущим благосостоянием семьи. В свою очередь зависть-уныние имеет среднюю обратную корреляцию с финансовой деприватностью. Во многом данные результаты могут быть связаны с возрастом испытуемых. Участниками исследования была молодежь в возрасте от 18 до 24 лет, что в свою очередь накладывает определенный отпечаток на восприятие экономического благополучия.

Литература

1. Бескова Т.В. Методика диагностики зависти // Вопросы психологии. 2012 № 2 С. 127–141.
2. Бескова Т.В. Психологические механизмы формирования зависти и ее детерминанты // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2013. № 1. // Вестник МГОУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://evestnik-](https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/289)

[mgou.ru/ru/Articles/View/289](https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/289) (дата обращения: 06.12.2021).

3. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б., Горбачева Е.И. Нравственно-психологические компоненты экономического самоопределения предпринимателей и менеджеров в организации творческого труда // Психология в экономике и управлении. 2011. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvenno-psihologicheskie-komponenty-ekonomicheskogo-samoopredeleniya-predprinimateley-i-menedzherov-v-organizatsii> (дата обращения: 07.12.2021).
4. Ильин Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2001. – 752 с.
5. К. Муздыбаев Завистливость личности / Психологический журнал. – 2002. – № 6. – С. 39–48.
6. Синельникова Е.С. Особенности переживания зависти у студентов и работающих взрослых / Е.С. Синельникова, Д.М. Лысакова // Человеческий фактор: Социальный психолог. – 2021. – № 1(41). – С. 313–319.
7. Хащенко В.А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // Экспериментальная психология, 2011, том 4, № 1, с. 106–127 (дата обращения: 06.12.2021).
8. Шамионов Р.М. Экономико-психологические детерминанты зависти / Р.М. Шамионов, Т.В. Бескова // Психологический журнал. – 2020. – Т. 41. – № 5. – С. 38–48.

THE RELATIONSHIP BETWEEN ENVY AND THE LEVEL OF SUBJECTIVE ECONOMIC WELL-BEING AMONG MODERN YOUTH

Shukshina L.V., Eyfir M.M.

Plekhanov Russian University of Economics

The article describes the main stages in the development of the concept of envy, presents the results of empirical research devoted to the study of the influence of envy on the level of subjective economic well-being and the moral attitude to money. It is worth noting that to date, the study of envy and the level of subjective economic well-being is an urgent issue of economic psychology. The formed theoretical framework does not provide an accurate and complete understanding of what envy is as a psychological phenomenon. Therefore, the main purpose of this study is to study and describe the nature of the relationship between the forms of personal envy (envy-hate; envy-dislike) and the moral evaluation of money, as well as to analyze the relationship between subjective economic well-being and the forms of personal envy. The sample consisted of 43 people between the ages of 18 and 24.

Keywords: psychology, economics, envy, money, well-being.

References

1. Beskova T.V. Methodology of envy diagnostics // Questions of psychology. 2012 No. 2 pp. 127–141.
2. Beskova T.V. Psychological mechanisms of envy formation and its determinants // Bulletin of the Moscow State Regional University (Electronic journal). 2013. No. 1. // Bulletin of Moscow State University [Electronic resource]. Access mode: <https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/289> (Accessed: 06.12.2021).
3. Zhuravlev A.L., Kupreichenko A.B., Gorbacheva E.I. Moral and psychological components of economic self-determination of entrepreneurs and managers in the organization of creative work // Psychology in economics and management. 2011. No. 1. [Electronic resource]. Access mode: [№2 2022 \[МСФ\]](https://cyber-

</div>
<div data-bbox=)

- leninka.ru/article/n/nravstvenno-psihologicheskie-komponenty-ekonomicheskogo-samoopredeleniya-predprinimateley-i-menedzherov-v-organizatsii (Accessed: 07.12.2021).
4. Ilyin E.P. Emotions and feelings / E.P. Ilyin. – St. Petersburg: Peter, 2001. – 752 S.
 5. K. Muzdybaev Envy of personality // Psychological Journal. – 2002. – No.6. – pp. 39–48.
 6. Sinelnikova E.S. Features of experiencing envy among students and working adults / E.S. Sinelnikova, D.M. Lysakova // Human factor: Social Psychologist. – 2021. – № 1(41). – Pp. 313–319.
 7. Khashchenko V.A. Subjective economic well-being and its measurement: the construction of the questionnaire and its validation // Experimental Psychology, 2011, Volume 4, No. 1, pp. 106–127 (Accessed 06.12.2021).
 8. Shamionov R.M. Economic and psychological determinants of envy / R.M. Shamionov, T.V. Beskova // Psychological journal. – 2020. – Vol. 41. – No. 5. – pp. 38–48.

Трансформация восприятия в культуре и обществе образа идеального города

Задвернюк Людмила Валерьевна,

кандидат архитектуры, доцент, кафедра «Архитектура и урбанистика» Тихоокеанского государственного университета
E-mail: luszadver@mail.ru

Панчук Наталья Николаевна,

старший преподаватель, кафедра «Архитектура и урбанистика» Тихоокеанского государственного университета
E-mail: panch-03@inbox.ru

В статье рассматривается трансформация восприятия в культуре и обществе образа идеального города. Выявляется, что образ и форма идеального города соответствует не только образу идеального или идеалистического устройства общества, но и восприятию городского пространства как к объекту познания. Все модели идеального города были разделены на три основные группы хронологически привязанные к этапам (периодам) развития хозяйственных отношений. Несмотря на разницу временных отрезков указанных периодов, все три группы внутри себя отражают базовые принципы их построения. Развитие формы происходило от простейших правильных геометрических фигур, до функциональных схем и, наконец, к аморфным моделям, отражающим принцип устойчивого существования города. На примере образа идеального города различных эпох можно определить, что восприятие города изменилось от объекта к субъекту социальных взаимоотношений.

Ключевые слова: идеальный город, системный подход, образ города, синергетический город, социальный порядок.

Введение

Город – отражение порядка и мироустройства общества. В системе построения города отражаются господствующие формы социальных взаимоотношений, традиционный уклад быта, способы производства, взаимоотношения между властью и населением и т.д. О городе о том как его воспринимали жители говорят прежде всего те архетипические модели города, которые рождались в культуре того или иного общества. В идеальных или идеалистических моделях города (были ли они строго геометричны, регулярны или живописны) каждая эпоха отражала не только мировоззрение, господствующее в обществе, но и в частном случае к городу как объекту исследования.

Морфология города как системы всегда представляется в теоретических представлениях своей эпохи. Сегодня невозможно говорить о городе как простой системе, поддающейся простому описанию суммы характеристик или элементов системы. Развитие представлений о городе как системном объекте меняется от эпохи к эпохе от идеально завершенных (закрытых) систем описательных моделей и моделей объяснительных до моделей сложных систем и синергетических.

Л.Г. Тарасова отмечает, что в восприятии города как объекта исследования большое значение имеет тип мышления. Для разных временных эпох был характерен разный тип мышления: классический, неклассический, постнеклассический. (11, с. 11). В зависимости от того, как общество понимало свое идеальное устройство и соответственно идеальное пространство совместной жизни (город), оно формулировала модели города с определенными характеристиками его формы. При этом можно сказать, что идеальное пространство представлялось формируемым в соответствии с иерархией общества, обеспечивающим стабильность всех управленческих структур и сохранение стабильности производственных механизмов.

Опираясь на исследования, посвященные идеальным городам [1, 4, 7, 9, 12], в корреляции устройства общества и способа ведения хозяйственной деятельности с непосредственно формой идеальной модели города, можно выделить три основных этапа трансформации этой модели. Данные этапы неравноценны по временным периодам, однако на каждом из них можно выделить своеобразные и обобщающие принципы построения идеального пространства для жизнедеятельности соответствующего общества. Таким образом, в зависимости от способов производ-

ства можно определить эти этапы как доиндустриальный (до XIX в.), индустриальный (XIX – первые две трети XX вв.) и постиндустриальный (последняя треть XX – начало XXI вв.). И соответственно все модели идеального города можно разделить на группы – доиндустриальные, индустриальные, постиндустриальные.

Доиндустриальные модели идеального города

Несмотря на то, что устройство общества за этот период претерпевало значительные трансформации, в целом все модели идеального города носили схожие черты от античности, до позднего классицизма. Тем-не-менее, хронологически выделяются античные модели, модели эпохи возрождения, модели классического и раннекапиталистического периодов.

Одними из первых моделей идеального города древности можно назвать идеальные города описанные в трактатах древнеиндийской, древнекитайской, ассирийской, древнегреческой, древнеримской культурах. Идеальные формы города древнеиндийской культуры основывались на трактате «Артхашастра или наука политики», который описывал монархическое государство с абсолютной властью монарха. Как самый мудрый и ответственный член общества – непререкаемый монарх, происшедший от богов обладал правом организации жизни этого общества в т.ч. градостроительства. Возникает иерархическая структура городов, которая получает четкое описание в трактате. В этом руководстве имеются предписания по выбору места для строительства городов различного назначения, определение величины города в зависимости от его статуса, принципы формирования центра города и его жилых районов. В трактате рекомендуются определенные регулярные схемы для городов и других поселений, их размеры в зависимости от их роли в обществе и географического положения. Прямоугольная форма модели идеального города соответствовала Мандале – сфере обитания богов.

В Древнем Китае представления об идеальном городе, идеальной столице были отражены в трактате (каноне) «Као гун цзи» («Записи об изучении ремесел»). Описанная в нем столица была образцом для градостроителей не только Китая, но и соседних государств вплоть до начала XX в. Принадлежность трактата к классическим книгам придавала ему почти религиозный авторитет. Трактат (канон) входил в свод правил Чжоу ли. Канон регламентировал размер и форму города (квадрат) ширину и положение главных и второстепенных улиц, функциональное зонирование, размер квартала и т.д. Представления о гармонии общественных отношений перенесенной в сферу градостроительства формировалась как отражение власти небесной на земле. Строгая иерархичность пространства, правильная симметричная планировка, замкнутость формы.

В отличие от Индии и Китая в Европейской цивилизации идеальные города, представления

о которых зародились в Античной культуре также являлись собой строгую геометрию, но уже круглой формы. В Ассирийской культуре представление об устройстве мира воплотилось в модели мироустройства в виде замкнутой сферы, в центре которой модель земного мира – круглая, ступенчатая башня. Здесь проявилось и божественное начало и иерархия пространства, т.е. упорядоченной людьми территории – города. А главный город государства – Вавилон представлял собой прямоугольник с регулярной планировкой, в которой отражалась иерархия и упорядоченность организации пространства города. В отличие от квадратной формы, в круглой центр легче определяется и выделяется как средоточие власти.

Для античной Греции характерно отношение к городу как к целому, состоящему из простой суммы частей, как к совершенному законченному образу. Если посмотреть на идеальную модель города Платона, то это центричная с ярко выраженным центром, симметричная композиция, замкнутая в круг, внутреннее пространство которого строго иерархично, а центр – средоточие мудрой власти философов. В представлениях Аристотеля идеальный город имел прямоугольный план, четкое функциональное зонирование на три основные части (административную, жилую, религиозную), регулярную планировку. Несмотря на то, что в этой модели не формулируются физические границы города, тем-не-менее можно отметить структурную логику и общую геометричность построения.

В Древнем Риме сохранилось представление об идеальном городе, как строго геометричном, модульном, симметричном пространстве. Несмотря на то, что планировка столицы была достаточно живописна (т.е. формировалась естественным образом), планировка и застройка новых городов в колониях была именно такой.

В период средневековья в Европе с воцарением христианской культуры идеальной моделью города стал Небесный Иерусалим. Общее описание Града Небесного представлено в Библии, в Откровении Иоанна Богослова. Согласно описанию Небесный Иерусалим имеет квадратный план, а его высота равна его длине и ширине соответственно. Его стены ориентированы по сторонам света, с каждой стороны расположены по трое ворот. Здесь можно отметить, что в представленной модели идеальный город должен иметь законченную правильную квадратную форму, с ярко выраженным центром, симметричной и регулярной планировкой.

Рассматривая модели идеальных городов того же периода Индии и Китая, можно отметить, что представления о гармоничном городе не претерпели существенных изменений. Так например в Китае в VI–XIII вв. во время династий Суй, Тан, Сун, Юань принципы, заложенные еще в каноне Као Гун Цзи только закрепились. К этому периоду относится строительство Чаньяня – главной столицы Суй и Тан, в которой воплотились эти прин-

ципы. Устойчивость этой модели и ее восприятия в социуме подтверждается тем, что планировку Чаньяна копировали правители соседних государств Бохая, Кореи, Японии.

В эпоху Возрождения происходит переход от феодальных к раннекапиталистическим отношениям, изменяются социально-экономические условия и само мировоззрение. Новые общественные условия стали инициировать новые концепции в архитектуре и градостроительстве. Основные представления об идеальном городе можно проследить в работах Альберти, Филарете, Томаса Мора, Томазо Кампанеллы, Виченцо Скамоцци и др. [9]. В XV–XVI веках было создано большое количество «идеальных городов», которые олицетворяли собой концептуальный подход к градостроительству, их основными характеристиками были: четкая геометрическая форма; оборонительная стена по периметру; симметричность плана; центрическая композиция; иерархичность пространств. Выделение центра и подчинение ему всего пространства предполагало размещение в нем наиболее важных членов общества – мудрых правителей.

В Модели Альберти (трактат «О зодчестве») присутствует функциональное зонирование по иерархичному принципу, симметрия, центричность, рациональность и регулярность планировки. Модель Филарете (Антонио Аверлино) представлена как описание города Сфорцинда. Пространство города, его зонирование отражало социальное устройство общества. Симметрия, регулярность, центричность, завершенная форма в виде восьмиконечной звезды – основные характеристики модели. Здесь также можно отметить реализацию принципа подчинения всего общества некоему более совершенному идеалу, будь то философы или мудрые правители. В «Утопии» Томаса Мора также отражаются идеалистические представления о градостроительстве как унифицированном (и в этом смысле достаточно рациональном) пространстве. Город Мора имеет регулярную планировку и физические границы, ограниченные островом, на котором он расположен. Идеальный город Томмазо Кампанеллы имеет круглую форму. Но также как и у предшественников эта модель носит все отмеченные выше характеристики. Здесь можно отметить, что автор ставил акцент на то, что город это отражение и способ организации социального устройства и порядка.

В Италии эпохи Возрождения было сформулировано множество идеальных моделей городов. Здесь можно упомянуть Фра Джокондо, Джироламо Маджи, Джорджио Вазари, Антонио Липучини и др. Все эти модели имели более сложную форму плана (в отличии от правильных геометрических форм), однако центричность, регулярность, симметричность планировок, иерархичность структуры пространства и замкнутость городских границ – это общие черты для всех моделей.

Рациональность идеальных моделей в контексте господствующих социальных отношений де-

монстрирует модель Виченцо Скамоцци, в которой сама форма города в виде двенадцатиконечной звезды представляет собой систему оборонительных фортификаций.

Развитие науки в постренессансный период внесло свой вклад в представления об идеальном устройстве города. С XVII века появляются модели Фрэнсиса Бэкона, Клода Николая Леду, Этьенна-Габриэля Морелли, Луи Себастьяна Мерсье, Франца Генриха Зигенхагена. В данных моделях могут присутствовать или отсутствовать стены как оборонительные сооружения, города могут иметь круглую или квадратную форму, но в целом остальные их образные характеристики мало отличаются от идеальных городов, рассмотренных выше. Идея рациональности, симметрии, законченности формы города в его рукотворных границах также присуща. Тем-не-менее, нельзя не отметить, что в трудах вышеперечисленных авторов ставится и проблема преобразования общества в более справедливое, что ярко отражено в проекте город Шо Клода Николая Леду или в «Новой Атланиде» Фрэнсиса Бэкона. Также в этих моделях прослеживается желание авторов поставить науку и ее технические достижения на службу обществу.

Индустриальные модели идеального города

Также как и предыдущий период индустриальная эпоха может быть разделена на временные этапы, идеальные модели городов в которых имели свои особенности, а также новые черты, характерные для всего периода в целом. Прежде всего здесь следует выделить XIX век и начало XX в. XIX век это время промышленной революции, начала индустриализации, развития капитализма, как формы общественных отношений. Эти аспекты приводили авторов к поиску пространственных форм решения острых социальных проблем.

В отличие от предыдущего периода, где город представлял собой простую систему созданную элитой общества и полностью подчиняющуюся тем общественным отношениям, которые существовали (т.е. полностью управляемой извне), в период индустриализации пространство идеального города это сложная система, где происходит взаимодействие человека и создаваемой им среды – это не навязанная извне модель, а модель построенная на рациональном и объективном понимании действительности со стремлением улучшить действительность. Модели идеальных городов начинают выходить за рамки городских границ, представляя собой не только сам город, но и систему расселения, и привязываются к реальной действительности, в отличии от утопических моделей, привязываемых часто к вымышленным территориям.

В этот период появляются социально-пространственные модели социалутопистов Оуэна, Фурье, Гарнье, Говарда и др. [7]. Одним из первых авторов новой концепции идеального города стал Роберт Оуэн, предложивший систему расселения в виде трудовых коммун промышленно-

го или сельскохозяйственного профиля на 2000–2500 человек. Такой город представлял собой квадрат с жильем по периметру и общественной зоной в центре, а также с развитой сетью системы обслуживания. Схожую модель построения сети городов сформулировал Шарль Фурье, отрицавший большие города и предлагавшего формирование «фаланстеров» как элемент системы распределения населения по производственным зонам. Социальность данной теории проявлялась в том, что фаланстер как здание дворцового типа, отводилось для проживания рабочих, приравнивая их тем самым к высшему обществу. Кроме того, в модели идеального города Фурье предлагал поясное зонирование, с выделением общественного центра, промышленного пояса и пояса сельскохозяйственных территорий, разделенные зелеными поясами, что стало предвестником идеи «города-сада». В теории Д. Бэкингэма идеальный город как единица системы расселения это квадрат с центральной площадью и бассейном (общественный центр), окруженные поясами общественных, торговых, жилых и т.д. построек. Все зоны разделялись зелеными поясами. Композиция плана предполагалась регулярной с диагональными осями.

В концепции Эбенизера Говарда, идеальная система расселения представляла собой сеть «городов-садов» полностью самообеспечивающих себя пространством для жизни и производства. Уникальность модели Говарда была в том, что он не давал определенных планировочных и морфологических моделей, однако и здесь можно видеть, что город в теории имеет ограниченные возможности роста. Полный набор функционального наполнения, рассчитанный на определенное количество населения (30 тыс. человек). Несмотря на то, что сама схема единицы расселения в теории Говарда графически представлена в виде круглой схемы, данная схема достаточна формализована. И в целом достоинство данной теории состоит в том, что автор предлагал взаимосвязанную систему расселения с центральными и второстепенными городами. Кроме того, идея «города-сада» как пространства включающего в себя все функции жизнеобеспечения, а также элементы озеленения общественных зон, оказала очень сильное влияние на развитие идеальных градостроительных концепций XX века.

Данный этап демонстрирует качественные переход от восприятия градостроительства от отдельного города к идеальной модели расселения. Тем не менее каждая из рассмотренных теорий демонстрирует рациональный подход восприятия социального пространства как рациональное воздействие общества на среду обитания. В целом господствуют правильные, центричные, геометрические, симметричные схемы планировки. Отличие от предыдущего периода город рассматривается не как законченная форма, а как элемент большой системы.

В начале XX века произошел следующая качественная трансформация представлений об идеальном городе. Рост городского населения и проблемы неконтролируемого роста городов привели к необходимости поиска новых моделей градостроительства. В этот период проблема формирования идеального города как элемента системы расселения ставилась как перед капиталистической системой хозяйствования, так и перед социалистической. Развитие техники способствовало появлению технологических урбанистических моделей. Рост крупных городов ставил проблему распределения населения вовне. Разрабатывались многочисленные проекты городов-спутников с разной функциональной ориентацией (промышленной или сельскохозяйственной). В целом все идеальные представления о форме идеального города в этот период можно разделить на пространственные (распределение населения в пространстве, свободном от застройки) и вертикальные (предполагающие технологические модели освоения надземного и подземного пространства) [7].

В начале периода – в конце XIX начале XX вв. – появились функциональная модель Артуро Сория-и-Мата «Линейный город», которая включала размещение жилья, полный хозяйственный цикл самообеспечения, решала проблемы экологии. Планировка предполагалась регулярная. Такой элемент расселения рассматривался автором как связка между крупными городами. Модель города-спутника крупного мегаполиса предложил Тони Гарнье. В проекте «Индустриальный город» он предлагал функциональную модель, основанную на комплексном подходе. Город включал все необходимые зоны (производственную, жилую, рекреационную и т.д.).

К первой группе моделей построения идеальной системы расселения в начале XX относятся такие как «Города-спутники» Р. Энвина и Тейлора (как ответ на проблему роста Лондона), модель Пауля Вольфа – группа городов, связанные общим общественным центром. Функциональная ориентация такой группы зависела от того промышленного района, к которому была привязана. Основная транспортная коммуникация, связывающая все элементы в единую систему – железная дорога, становившаяся одним из основных градобразующих факторов. Также можно отметить концепцию «Органической децентрализации» Э. Сааринена, предлагавшего систему взаимосвязанных небольших поселений – спутников, рассредоточенную в естественном ландшафте вокруг центра. Данную модель автор применил в проекте генерального плана Хельсинки. В теории Ф.Л. Райта возникает такая модель как «Акргород», которую автор описал в книге-манифесте «Исчезающий город». Данная концепция отказывалась вообще от формы современного города, представляя систему расселения в виде отдельных жилых единиц с производством. Райт подразумевал в данном случае формирование пространства обитания че-

ловеком, а не наоборот, как происходило в его современности.

К группе вертикальных моделей можно отнести концепции Эжена Энара, Антонио Сант-Элиа, Огюста Перре, Ле Корбюзье, Людвига Гильберсеймера [7]. Эрнар предлагал модель урбанистического города с многоэтажными улицами, транспортными развязками и выделением центра как свободного от транзитного движения, с включением в застройку системы больших зеленых массивов. Антонио Сант-Элиа предлагал модель «Города-машины», состоящий из небоскребов, развязок, промышленных предприятий и т.д., связанных между собой многоуровневыми транспортными путями. Данная модель представляла полностью механизированную систему. В концепции «Города будущего» О. Перре представлен некий симбиоз между пространственными и вертикальными моделями. Перре предлагал застройку пригородной зоны крупного города кольцевой системой жилых 70-этажных башен, связанных транспортными эстакадами. Квинтэссенцией вертикальной модели развития города стали проекты Ле Корбюзье «Современный город на три миллиона жителей» и более поздний «Лучезарный город». Ле Корбюзье рассматривал город как полностью рациональную механистическую функциональную модель с небоскребами, связанными транспортными эстакадами и пространством на уровне земли, отданным садам, с жесткой регулярной планировочной сеткой. Таким образом автор предлагал расселение высокой плотности. Еще одна вертикальная модель идеального города принадлежит Людвигу Гильберсеймеру. Его идея «Крупного города» основана на использовании как надземного, так и подземного пространства. Также как и Ле Корбюзье автор предлагает уровень земли полностью отдать под общественные функции, транспорт опустить под землю, жителей разместить в высотных зданиях, связав их пешеходными эстакадами. Такой город обязательно имел систему городов-спутников. Подобного рода модели идеального города также нашли отражение в концепциях «Вертикального города» Андре́ Люрса, «Небоскребов до 800 м» Х. Корбетта.

В советской градостроительной теории рассматриваемого периода можно также проследить развитие идеи «Города-Сада» Говарда. Теория социалистического города совпадала с необходимостью комплексного подхода к проектированию, с учетом обеспечения трех основных процессов жизни – работа, жилье, отдых. В теории М.А. Охитовича идея «нового расселения». Охитович, также как и Райт предлагал отказаться от населённых пунктов. Систему расселения он рассматривал как децентрализованную, без привязки к конкретному центру. Обеспечение же промышленного производства, равномерно рассредоточенного в пространстве, предполагалось с помощью развитой транспортной сети. Эта модель была схожа с «линейным городом» Сория-и-Мата, т.к. жилые зоны вытягивались бы вдоль коммуникаций. «Линейный город»

М. Гинзбурга уже представлял собой поселение, в виде одного непрерывного многофункционального дома, расположенного вдоль дорог. В концепции «Динамического города» Н. Ладовского также можно проследить идею линейного развития поселения от исторического центра по определенной оси. Таким образом автор пытался решить проблему радиально-кольцевого развития крупного мегаполиса (Москвы). В проекте реконструкции Москва Ладовский трансформировал идею линейности развития (т.к. считал ее потенциально не жизнеспособной) городского плана в параболу, ось которой должна была в итоге связать две столицы.

Наиболее ярко идея идеального социалистического города и системы расселения проявилась в трудах Н. Милютин. В его концепции «Поточно-функционального города» (ли «Зональный город», «соцгород») предложена модель линейного типа с целесообразным размещением производства, управления, селитьбы, отдыха и т.д. в виде поясов. Такой город также привязывался к основной транспортной магистрали [11].

Во второй половине XX в. в градостроительной теории появляются модели, связанные с формированием города как крупной системы, с использованием резервов внешнего пространства (водного, подземного, воздушного). Это идеи «Морской город» К. Кикутакэ, «Геликоидальный город» К. Курокава, «Пространственный город» А. Исодзаки, «Город-мост» К. Танге, «Воронкообразный пространственный город» Вальтер Йонас, «Тотальный город» Ж.-К. Бернар, «Плавающий город-остров» П. Меймон, «Висячий город» Г.Б. Борисовского, «Пространственный город» И.А. Гунста, К.П. Пчельникова «Clip-on-City» и «Plug-in-City» группы «Аркигрэм», «Пространственный город» Иона Фридмана и т.д. [7]. Не вдаваясь в подробности каждой из идей, можно выделить в них такие общие черты, как механистичность (функциональность), динамичность (способность к трансформации), многоуровневость (использование структурных вертикальных элементов).

Группа идей, касающихся систем расселения может быть представлена такими концепциями как «Новый Элемент Расселения» А. Бабурова, А. Гутнова, И. Лежавы, С. Садовского, З. Харитоновой, Г. Дюментона, где предлагается сеть взаимосвязанных самостоятельных поселений на 100 тыс. жителей, «Глобальная деревня» Льюиса Мамфорда в виде сети поселков и городов по всей планете, «Мега-Сити» Поля Солери как линейные структуры с четким функциональным зонированием и бионическими формами, «Сетевая концепция расселения» М.Г. Бархина – продолжение линейной модели в виде зональной структуры жилых, общественных, производственных элементов, «Иерархия» К. Доксиадиса – иерархичная модель построения расселения от малого эополиса к космополису, «Кинетическая система расселения» А. Иконникова, К. Пчельникова, С. Гречани-

кова, А. Панина – модульная динамическая система, с трансформирующимися функциональными элементами [3].

В целом, несмотря на системную сложность рассмотренных моделей, все они ориентированы на управляемость и организацию под руководством человека. В отличие от предыдущего периода, где форма идеального города рождалась в «высшем» разуме, модели индустриальные тоже рождаются разумом – человеческим. Их главная характеристика – афункциональность. Несмотря на то, что предлагаемые модели в целом рассматривались как динамичные, однако в восприятии города как системы авторы оставались в парадигме подчинения формы города человеческому разуму.

Постиндустриальные модели идеального города

С 60-х гг. XX в. начинают формулироваться модели уже не города, а городского пространства. В этом заслуга развития социологии и ее проникновение в архитектуру и градостроительство. Большая заслуга в развитии градостроительной теории постиндустриального общества принадлежит Кевину Линчу, который в своих исследованиях на первое место ставил восприятие человеком городской среды и его способом ориентирования, нежели грандиозным моделям совершенного города [5]. Произошла переориентация идеальных моделей градоустройства от закрытых (завершенных в определенных физических границ) систем к системам открытым, постулирующим акцент на качестве среды обитания для конкретного человека. В постиндустриальный период также большое внимание уделяется экологии города. К актуальным для современного периода градостроительного развития можно отнести следующие концепции: нового урбанизма, устойчивого развития городов, эконополиса, многополюсного города, взаимосвязанных городов, синергетического города.

Концепция нового урбанизма возникла в США как реакция на проблемы разрастающихся пригородов больших городов. В данной модели может быть рассмотрен как отдельный небольшой город, так и район города. Основные ее характеристики это не только способность к самоорганизации (где все жители участвуют в процессе), но и создание психологически, экологически, функционально благоприятной среды. Это и многофункциональность и удобная планировка, и разнообразие архитектуры, и насыщение пространства услугами, и создание озелененных пространств и т.д. естественные границы такого элемента расселения определяются радиусом пешеходной доступности.

Концепция «устойчивого развития городов» принятая ООН в 1992 г. подразумевает город как антропоприродный комплекс, где обществом должны быть обеспечены и сохранены для потомков оптимальные условия существования [6]. Суть устойчивого развития заключается в сбалансиро-

ванном развитии социальной, экологической и экономической систем в целях максимально полного удовлетворения нужд нынешнего поколения без ущерба для поколений будущих. Концепция эконополиса (экопоселения), прозвучавшая еще в трудах Паоло Солери, имеет достаточно разнообразные вариации от эконополиса до эко-деревни. Суть данной модели – гармония человеческих технических достижений и естественной природы, минимизация загрязнения окружающей среды, использование озелененных и водных пространств в структуре города. Концепция многополюсного города – представляет собой открытую систему из жилых групп связанных коммуникациями как между собой, так и с иными объектами города, расчлененные большими зелеными массивами. Концепция взаимосвязанных городов схожа с предыдущей, с тем отличием, что здесь уже рассматриваются социальные, экономические, экологические и т.д. взаимосвязи между группой городов. Такая модель безусловно была рождена проблемами разрастающихся крупных агломераций [8]. Концепция Синергетического города сформулированная Институтом СИНКОР (США) в 1994 году предполагает полный отказ от взгляда на город как управляемой извне системы. Человек являясь частью системы в данной концепции постоянно взаимодействует с другими элементами и этот процесс находится в постоянной динамике. Эта модель демонстрирует формирование пространства для творчества, саморазвития, психологического комфорта. В данном контексте города представляются уже самоорганизующимися системами без жестких рамок как физического, так и экономического развития [2].

Заключение

Восприятие города через идеальные модели в теории градостроительства претерпевало значительные трансформации. В первую очередь это было связано с ростом и развитием существующих городов и с попытками решить появляющиеся проблемы расселения и улучшения социального миропорядка. Понимание города как системы претерпело изменение от совершенной, далее организуемой, до самоорганизующейся. При этом в первой группе присутствуют законченные формы города с четкими физическими границами, во второй форма может быть динамична, но ее динамика определяется физическими параметрами ее элементов, в третьей форма растворяется в процессе жизнедеятельности города как организма, с возможностью принимать любые очертания.

Группа доиндустриальных моделей идеального города представляет город как самодостаточный, целостный и совершенный в своей морфологии и социальном устройстве объект. При этом количество элементов системы от эпохи к эпохе постепенно возрастает, социально-экономические отношения постепенно усложняются, но морфология города все еще подконтрольна. Такие модели ха-

рактены для доиндустриального времени, вплоть до XIX в., когда нарастание социальных и экологических проблем привели к пониманию и изучению города как части общей системы формирования пространства в целом (включая природные и производственные ресурсы). Город в представлении этой эпохи это полностью организуемый и управляемый объект. Его организацией занимаются самые мудрые, наделенные властью представители общества.

Группа индустриальных моделей идеального города базировалась на усложнении функциональных процессов, протекающих в городах, на необходимости учета развития транспортно-коммуникаций, а также на быстром росте городского населения с необходимостью его размещения без ущерба экологии и санитарной составляющей. При этом системные представления о форме городе оставались сугубо рациональными. Город представлялся управляемым объектом, хотя и сложным.

Синергетические представления о городе возникли во второй половине XX в. и представляют собой город как самоорганизующуюся систему. В следствие этого процесса и возникла постиндустриальная группа моделей градостроительства. Город начинает восприниматься не как объект приложения теоретической мысли, но как субъект, влияющий на процесс своего существования. Ставится акцент на том, что город как открытая система способен и должен быть саморегулируемым. Это живой организм, подверженный естественным трансформациям. Он не может быть линейен и равномерен в своем развитии.

Литература

1. Алексашина В.В. Идеальный город в контексте философии, экологии, архитектуры / В.В. Алексашина // Academia. Архитектура и строительство. 2008. № 3.
2. Антюфеева А.В. Синергетический подход в теории развития города / А.В. Антюфеева, Г.А. Птичникова // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура. 2016. Вып. 46(65) С. 195–210.
3. Бархин М.Г. Город 1945–1970. Практика, проекты, теория / М.Г. Бархин. – М.: Стройиздат, 1974. 208 с.
4. Витюк Е. Ю. В поисках идеального города / Е.Ю. Витюк // Академический вестник УралНИИпроект РААСН, 2009 № 2, с. 70–74.
5. Линч К. Образ города / пер. с англ. В.Л. Глазычева; Сост. А.В. Иконников; под ред. А.В. Иконникова. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с., ил.
6. Литвенкова И.А. Экология городской среды: урбоэкология. Курс лекций / И.А. Литвенкова – Витебск: Издательство УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2005. – 163 с.
7. Пешина Э.В. Эволюция теоретико-методических подходов к познанию «идеаль-

ного города» / Э.В. Пешина, А.В. Рыженков // Управленец № 4 (44), 2013. С. 32–40.

8. Потаев Г.А. Постиндустриальные города: реновация и развитие / Г.А. Потаев – Минск: БНТУ, 2019. – 232 с.
9. Романова А.Ю. Трансформация идеи: от «идеального города» к «городу будущего» / А.Ю. Романова. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elima.ru/articles/?id=80> (дата обращения 01.02.2022).
10. Тарасова Л.Г. Взаимосвязь процессов управления и самоорганизации в развитии крупных городов / Л.Г. Тарасова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. – 142 с.: ил.
11. Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки / В.Э. Хазанова. М. Издательство «Наука», 1980. – 373 с.
12. Яницкий О. Н. «Идеальный город», его статика и динамика / О.Н. Яницкий // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 1. С. 43–58.

TRANSFORMATION OF PERCEPTION IN CULTURE AND SOCIETY OF THE IMAGE OF AN IDEAL CITY

Zadvernyuk L.V., Panchuk N.N.
Pacific State University

The study examines the transformation of perception in culture and society of the image of an ideal city. It is revealed that the image and form of an ideal city corresponds not only to the image of an ideal or idealistic structure of society, but also to the perception of urban space as an object of knowledge. All models of the ideal city were divided into three main groups chronologically linked to the stages (periods) of development of economic relations. Despite the difference in the time intervals of these periods, all three groups within themselves reflect the basic principles of their construction. The development of the form took place from the simplest regular geometric figures to functional schemes and, finally, to amorphous models that reflect the principle of the sustainable existence of the city. On the example of the image of an ideal city of different eras, it can be determined that the perception of the city has changed from an object to a subject of social relationships.

Keywords: ideal city, systemic approach, image of the city, synergetic city, social order.

References

1. Aleksashina V.V. Ideal city in the context of philosophy, ecology, architecture / V.V. Aleksashina // Academia. Architecture and construction. 2008. No. 3.
2. Antyufeeva A.V. Synergetic approach in the theory of city development / A.V. Antyufeeva, G.A. Ptichnikova // Bulletin of the Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Construction and architecture. 2016. Issue. 46(65) pp. 195–210.
3. Barkhin M.G. City 1945–1970. Practice, projects, theory / M.G. Barkhin. – M.: Stroyizdat, 1974. 208 p.
4. Vityuk E. Yu. In search of an ideal city / E. Yu. Vityuk // Academic Bulletin UralNIIProekt RAASN, 2009 No. 2, p. 70–74.
5. Lynch K. The image of the city / per. from English. V.L. Glazycheva; Comp. A.V. Ikonnikov; ed. A.V. Ikonnikova. – M.: Stroyizdat, 1982. – 328 p., ill.
6. Litvenkova I.A. Ecology of the urban environment: urban ecology. Course of lectures / I.A. Litvenkova – Vitebsk: Publishing house of the VGU im. P.M. Masherova, 2005. – 163 p.
7. Peshina E.V. Evolution of theoretical and methodological approaches to the knowledge of the “ideal city” / E.V. Peshina, A.V. Ryzhenkov // Manager No. 4 (44), 2013. P. 32–40.
8. Potaev G.A. Post-industrial cities: renovation and development / G.A. Potaev – Minsk: BNTU, 2019. – 232 p.

9. Romanova A. Yu. Transformation of the idea: from the “ideal city” to the “city of the future” / A. Yu. Romanova. [electronic resource]. Access mode: <https://elima.ru/articles/?id=80> (accessed 01.02.2022).
10. Tarasova L.G. Relationship between management processes and self-organization in the development of large cities / L.G. Tarasova. – Saratov: Sarat Publishing House. un-ta, 2009. – 142 p.: ill.
11. Khazanova V.E. Soviet architecture of the first five-year plan / V.E. Khazanova. M. Publishing house “Science”, 1980. – 373 p.
12. Yanitsky O. N. “Ideal city”, its statics and dynamics / O.N. Yanitsky // Bulletin of the IKBFU. I. Kant. Series Humanities and social sciences. 2019. No. 1. S. 43–58.

Трансформация взаимодействия государства и религиозных конфессий в досоветской России

Жуков Артем Вадимович,

доктор философских наук, профессор кафедры философии
ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
E-mail: artem_jukov68@mail.ru

Младенов Василий Иванович,

соискатель, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный
университет», кафедра философии
E-mail: mladenov.v@mail.ru

Гаврилова Юлия Викторовна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры
«Социология и культурология» Московского государственного
технического университета имени Н.Э. Баумана
(Национального исследовательского университета)
E-mail: gavrilova.yv@bmstu.ru

Статья посвящена выявлению закономерностей трансформации взаимодействия государства и конфессий в досоветской России. Раскрыто, что взаимодействие государственной и конфессиональной сферы в этот период развивается в зависимости от направления реформаторской деятельности правителей, которые стремятся подчинить религиозную сферу единому началу, олицетворением чего является формирование церковной концепции власти. Новизна исследования связывается с обоснованием наличия двух тенденций, оказывающих влияние на конфессиональную политику государства, одна из которых, связана со стремлением достичь большей степени религиозной свободы. Другая тенденция связана со стремлением к сохранению порядка, которое реализуется в ряде ограничительных мер по отношению к иным религиям и протекционистских мер по отношению к православию. В статье доказывается, что в нач. XX в. указанные процессы существенно трансформируются, подвергаясь влиянию реформ, реализация которых в конечном итоге привело к началу эпохи либерализации, законодательно закрепившей нормы естественного права и конституционного строя.

Ключевые слова: государственно-конфессиональное взаимодействие, церковная концепция власти, досоветская Россия, реформы конфессиональной сферы, православие, либерализация.

Проблемы трансформации подхода государства к взаимодействию с конфессиональной сферой обусловлена возросшим влиянием, которое оказывает религия на жизнь современного российского общества. Рост этого влияния с одной стороны является показателем развития прав и свобод личности, усиления автономии религиозной сферы, конструктивного взаимодействия между религиозными организациями обществом и государством. С другой стороны, усиление влияния религии может стать причиной проблем, могущих стать источником угроз личности обществу и государству. Это доказывает закономерность усиления внимания властей к проблемам религиозных объединений и требует формирования внятного подхода со стороны государства к регулированию государственно-конфессионального взаимодействия. Необходимо отметить, что в российском государстве накоплен определенный опыт, который оказывает существенное влияние на складывание современной проблематики государственно-конфессиональных отношений и поэтому нуждается в проведении социально-философского анализа.

Степень исследования. Сфера государственно-конфессиональных отношений в России и Советском Союзе подробно изучена рядом авторов, среди которых выделяются Н.П. Аксаков, А.И. Введенский, Н.П. Гиляров-Платонов, Л.А. Тихомиров, Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев. Церковное реформирование исследовалось в советских публикациях (Е.М. Ярославский, Г.М. Платонов, Н.С. Гордиенко, П.А. Прокашев, П.Н. Зырянов, Б. Боровой, Е.В. Фоминых, С.Н. Савельев, Н.П. Красников). Проблемы современного законодательства в религиозной сфере обсуждаются А. Алексеевым, О.Ю. Васильевой, М.И. Одинцовым, М.А. Бабкиным, А.Л. Соловьевым, О.К. Шиманской, Н.А. Хаустовой и др. При этом такой аспект, как формирование государственного подхода к государственно-конфессиональным отношениям остается изученным недостаточно.

Объект исследования – государственный подход к государственно-конфессиональным отношениям. Предмет исследования – влияние идей либерализма в области религиозного реформирования в России и Советском Союзе. Цель исследования – изучение концептуальных и практических аспектов религиозного реформирования в России и Советском Союзе.

Теоретическая основа исследования составлена положениями теории социальной эволюции религии, представленной исследованиями Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса. Методологическая база исследования базируется на принципах историзма и системности. Научная новизна представленной статьи заключается в том, что в ней рассматривается реформирование государственного подхода к взаимодействию с конфессиональной сферой с учетом влияния идей либерализма и консерватизма.

Результаты исследования заключаются в положении о том, что религиозный фактор в истории России является определяющим условием формирования правовой и политической сферы, так как представляет идеал византийской государственности, основанный на образе «наместника Иисуса Христа», в котором сплетаются функции духовной и светской власти. Поэтому государственно-конфессиональные отношения здесь развиваются, подчиняясь влиянию реформаторских усилий верховной власти, стремящейся в подчинении религиозной сферы. Однако реформы нач. XX в. ставшие началом распространения идей веротерпимости и религиозного свободомыслия изменили развитие религиозной сферы страны, закрепившей принцип свободы совести как основу законодательства, выстраиваемого на конституционной базе. При этом, несмотря на то, что реформирование религиозной сферы проходит в соответствии с правилом, согласно которому вслед за попытками реформ, влекущих за собой непредсказуемые последствия, вступали в действие механизмы контрреформы, направленной на возвращение традиций и порядка, идеалы свободомыслия сохранялись в обществе и служили основой для новых попыток либеральной реформации.

Обсуждение результатов. Правовая и политическая история России во многом определены их религиозной спецификой, решающее влияние на которую оказало христианство. При этом до начала X в. восточные славяне управлялись в рамках системы, выстроенной на почитании языческого пантеона и структуры власти выстроенной по его аналогии. Такое положение дел не предполагало наличия веры в божественное происхождение княжеской власти, понимавшейся как земной институт [20, с. 207]. Однако целью религиозной реформы князя Владимира стало стремление обеспечить религиозную легитимацию государства, которая была невозможна в рамках религиозного многообразия и конъюнктуры решений народного вече. Поняв, что перестановки в языческом пантеоне не позволят отказаться влияния вече, князь обратился к религиозно-политической концепции Восточно-Римской империи, в соответствии с которой он стал представляться наместником Бога на троне христианского государства [6, с. 73].

Одним из следствий реформы Владимира стало противостояние, обусловленное стремлением славян к сохранению свободы религиозного выбора, проявившееся первоначально в выступлениях волх-

вов и язычников, а затем в появлении двоеверия и мистических сект, примерами которых являлись стригольники и иудействующие, не считавшие, что правитель русского государства может быть представителем Бога. Еще одним следствием реформы Владимира стало формирование феодальной раздробленности, так как выведение власти из под контроля земных институтов привело к росту сепаратизма среди князей. Они рассматривали свой удел только как вотчину, на территории которой пользовались как политическими, так и экономическими правами собственника, считая себя полновластными хозяевами этих земель [9, с. 71].

Развитие раздробленности, привело к установлению монголо-татарской власти и появлению политического арбитра в лице монгольского хана, признаваемого как князьями, так и Церковью. Сакральный статус верховного владыки в лице хана был унаследован московскими правителями, в период царствования Ивана Грозного, когда Церковь закрепила за ним прерогативу светской и духовной власти. Московский царь, став «наместником Христа», получал единоличную власть, которая считалась условием, обеспечивающим общественный порядок, так как причиной этого было соответствие планам, которые, как считала Церковь, Бог определил для Российского государства. В свою очередь государство поддерживало Церковь и укрепляло ее статус в народном сознании. В частности, в это время формулируется новая концепция государственной власти в России, которая носит теологический характер и указывает на новую роль Москвы, становящейся мировым центром христианства, «Третьим Римом», превзошедшим в благочестии все другие государства и народы [15, с. 253].

XVII в. открыл для Российского централизованного государства новые возможности и новые проблемы, связанные с тем, что население не желало смириться с необходимостью религиозного единства, требуемого центральным правительством и Церковью. Эти настроения нашли отражение в Церковном расколе XVII в., который был инициирован реформой Патриарха Никона, стремившегося к унификации церковного обряда и преодолению остатков язычества. Идеологи раскола стали одними из первых религиозных мыслителей, которые осознанно формулировали концепцию государственной власти в государстве, которое считали подлинно православным. Как писал Н.А. Бердяев, религиозный раскол произошел не столько по вине темного обрядоверия, сколько по причине борьбы мнений о сущности православного государства. Одну сторону здесь занимали те, кто считал Москву олицетворением православного царства, доказывая, что «Москва – Третий Рим», другую – их противники, для которых идеалом оставался евангельский образ Царствия Божия, как состояния души. Этот раскол внутри Церкви, как писал Н.А. Бердяев, стал определять все ее противоречивое развитие. Углубление этих противоречий было усилено реформой, проведенной

Петром I, который не принял православную концепцию, перестав ориентироваться на идеологию «Третьего Рима» [3].

Причиной этого было то, что в соответствии с западноевропейскими идеалами, на которые он ориентировался, первичным был приоритет светской власти государства над личной волей монарха. Должность монарха подвергалась десакрализации, продолжением чего служил отказ от церковной концепции императора, как наместника Христа, а самой Церкви, как сакрального института. Многие представители теологической концепции власти утверждают, что именно эта реформа является главной причиной последующей деформации отношений между государством и Церковью. Однако, на наш взгляд, эта реформа довела до логического конца решение вопроса о том, чья воля, патриарха или монарха должна превалировать в управлении российским государством. Особенностью петровского реформирования было то, что традиционная для России форма самодержавной власти была наполнена Петром I западным секулярным содержанием, сутью которого был светский абсолютизм и нормы естественного права. Однако светские нововведения вступили в противоречие с традициями управления страной, и вело к противостоянию и брожению в кругах, близких императору [8].

После его смерти реформы были свернуты. Начался период дворцовых переворотов и смуты, закончившейся только с приходом к власти Екатерины II, вынужденной вернуться к решению задач достижения социальной легитимации власти. Курс на установление конституционной монархии, который взяла Екатерина II, заключалась в организации управленческой системы, где граждане были равны перед законом, обладали политическими свободами и управлялись правительством народного доверия. Важнейшей социальной мерой было распространение свободы совести, которая понималась, как веротерпимость [21]. Однако депутаты Земского Собора не смогли договориться об условиях всеобщего равенства, что стало непреодолимой преградой для реализации принципа веротерпимости, напрямую увязанного с принципами православной концепцией власти [16, с. 34]. Таким образом, екатерининские реформы, имевшие антиклерикальную направленность, вели к упрочению союза, в котором самодержавие связывалось с православием и народностью. Реформаторские усилия Екатерины II были обречены на неуспех, причиной которого было отсутствие политической стабильности и неуправляемые последствия, к которым могли привести эти реформы, угрожающие существующей государственной системе. Как только инициаторы реформ понимали, к каким негативным последствиям для стабильности всей государственной системы в целом они могут привести, реформаторские усилия сворачивались, происходила резкая смена политики, начинался поиск выхода кризиса, заключавшийся в актуализации властных институтов [18, с. 229].

В период царствования Павла I произошел возврат к идее самодержавной власти, согласно которой император выступал в роли «наместника Христа», как единственного выразителя закона для подданных. Однако, отвержение земных институтов, могущих стать его поддержкой, привело императора к гибели [19]. Поэтому, наследуя престол, и готовя свои реформы, Александр I пытался создать идейную опору самодержавной власти и государству. Его целью было построение либерального общества, основанного на нормах естественного права. Однако к нач. 20-гг. XIX в. императору стало очевидно, что попытка проведения социальных и церковных реформ, основанная на обращении к общегуманистическим идеалам провалилась. Прозападные настроения, которые получили распространение в обществе, испугали императора и он изменил свою политику, пытаясь сохранить существующее положение вещей. Теперь он обратился к Православию и предлагаемой им концепции власти, основанной на нормах божественного права, в этом видя силу, способную удержать страну от погрязания в хаос [12].

Начиная с этого времени и на протяжении всего XIX в. российские императоры больше не стремились к проведению реформ, основанных на ценностях либерализма и нормах естественного права. Все это время властный и церковный дискурс постулирует идею о том, что особенностью России в отличие от западноевропейских стран являются специфические особенности управления, социальной, культурной и религиозной жизни [11, с. 134]. В частности, политика Николая I в отношении религиозной жизни характеризовалась стремлением к сохранению и укреплению всего, что представлялось ему исконным и чистокровно русским. Большие усилия предпринимались в отношении укрепления православной веры, что выражалось в стремлении к наведению порядка, установлению единообразия и разработкой системы наказаний за любые провинности, главным из которых было мздоимство. В результате проводимых реформ была сформирована так называемая «николаевская система» управления, в которой место Православия было определено в Своде Законов Российской империи, который провозглашал, что приоритетной является охрана православия, как господствующего исповедания; во имя этого значимым направлением является борьба с нежелательными религиями и идеями, а также поддержание абсолютизма, как способа управления; заботе о материальном благополучии священства; удалении клира от проблем управления Церковью [8, с. 49].

Таким образом, государство взяло под свой контроль все значимые для Церкви вопросы, в свою очередь Церковь оказалась призвана придавать государственному управлению религиозный смысл, а также корректировать политический курс государства в религиозной сфере. Александр II проводил политику ограничения прав католиков и мусульман, одновременно реализо-

вывая мероприятия, направленные на усиление контроля государства за их деятельностью. При этом, проводимые им реформы частично облегчали положение иудеев и старообрядцев, которые существенно расширили свои гражданские права. Однако затем вновь произошел откат в сторону усиления консервативных мер, направленных на сохранение существующих порядков, осуществленный при Александре III [14].

Проводивший реформирование религиозной сферы К.П. Победоносцев, ставил перед собой задачу поставить религию под контроль государства и сделать Православие оплотом консерватизма. Другие религии были поставлены в условия репрессий, что привело к тому, что значительное количество людей было лишено возможности вести религиозную жизнь в соответствии со своими убеждениями. При этом империя не могла проводить политику ужесточения этих сил доводя ее до бесконечности, что стало особенно ощутимо в период правления Николая II, который первоначально пытался следовать курсу своего отца, а затем под влиянием событий Первой Русской революции вынужден был дать населению России ряд гражданских и религиозных свобод [4].

Ситуация на религиозном пространстве страны в этот период характеризовалась доминированием Православия, которое являлось государственной религией, защищаемой законодательством и Императором, как Верховным блюстителем веры. Приоритет светской власти над Церковью достигался посредством включения ее в структуру Святейшего Правительствующего Синода. Однако в самой Православной Церкви существовал ряд проблем, следствием чего стала невозможность противостоять возросшему влиянию сектантов и иноверцев [2, с. 19].

Реформаторская деятельность Николая II началась с подписания Именного высочайшего Указа Николая II в декабре 1904 г., который предполагал разработку закона о свободе вероисповедания под лозунгом «укрепления начал веротерпимости». В нем император постулировал необходимость проведения широких социальных реформ, которые были нацелены на устранение притеснений граждан в религиозной сфере. В данном указе было официально обозначено право перехода из православия в иное исповедание, т.е. подданные Российского императора впервые получили возможность выбора вероисповедания [7]. Впервые в российской истории реформаторская деятельность царя провозгласила отказ от богословской концепции власти и постулировала идеал конституционной монархии, основанной на принципах естественного права. Указ гарантировал населению ряд политических и гражданских свобод, первым и наиболее значимым среди которых была свобода совести, а в качестве института представительской власти теперь выступала Государственная Дума, выступавшая в качестве гаранта провозглашаемых гражданских прав [11]. В содержании этого документа признавалось, что сво-

бодный выход из православной церкви не является угрозой ни для личности, ни для государства, поэтому открывал возможность для легализации своих религиозных предпочтений для католиков, старообрядцев и «сектантов», а также смягчал требования к рамкам деятельности мусульман и буддистов. Это означало установление в России порядка, при котором гарантировалась свобода религиозно выбора и отправления религиозных обрядов [10, с. 32].

Однако начавшаяся сразу же после опубликования Указа пропаганда иноверия, в первую очередь протестантизма и католицизма, привела к тому, что число православных начало сокращаться, а православие не могло составить этим конфессиям достойной конкуренции. Поэтому правительство вернулось к политике ужесточения контроля в отношении последователей неправославных вероисповеданий. Начались преследования верующих, в первую очередь, баптистов и адвентистов, которых обвиняли в политической неблагонадежности и симпатиях социалистическим идеям [2, с. 46].

Таким образом, попытка Церковного реформирования не имела окончательного успеха и за ней также последовали антиреформы, что подтверждает наличие определенной закономерности, характеризующей всю религиозную историю России, в которой можно наблюдать наличие двух тенденций, одна из которых связана со стремлением достичь большей степени религиозной свободы. Другая тенденция связана со стремлением к сохранению порядка, которое реализуется в ряде ограничительных мер по отношению к иным религиям и протекционистских мер по отношению к Православию [22].

Однако вопрос о том, является ли такая политика последнего императора его ошибкой и свидетельствует ли она о слабости его как правителя, является предметом дискуссии, на деле выходящей за пределы его жизнедеятельности, так как касается однотипных процессов, продолжающихся в религиозной сфере России уже на протяжении нескольких сот лет. На наш взгляд, качественным отличием процессов реформирования нач. XX в. была реализация проекта религиозного многообразия, здесь представляет то, что именно в царствование Императора Николая II дотоле два века официально безмолвствовавшая церковная иерархия получила возможность не только широко обсуждать, но и практически подготовить созыв Поместного Собора [17].

Таким образом, законодательные акты начала XX в. завершили формирование системы веротерпимости, а в 1917 г. Временное правительство впервые в истории законодательно утвердило нормы свободы совести в России. Последовавшие вслед за этим революционные события перевернули представления о религии в целом. Результатом глубоких изменений, произошедших в результате последствий воздействия реформ на общество стала его демократизация и воз-

возможность проведения Поместного Собора, которая была реализована уже после февральской революции в 1917–1918 гг. В процессе проведения Поместного собора широкие круги общества получили возможность решить вопрос о новых формах взаимодействия между церковью и государством. Этот формат стало определять утверждение самостоятельной позиции Церкви в отношениях с властями, которое ознаменовалось восстановлением патриаршества [13, с. 75]. Следствием этого события стало произошедшее тогда обособление власти от проблем церковной жизни. Таким образом, изменение представлений о содержании государственно-конфессиональных отношений в российской истории было связано с началом реформ Николая II, основанных на нормах либерализма и естественного права, постулирующих установление конституционно-монархического строя.

Выводы: 1. Взаимодействие государственной и конфессиональной сферы в России во многом определяется традициями управления, влияние на которое длительное время оказывал христианский догмат о верховном правителе – «наместнике Иисуса Христа», в должности которого переплетались функции светской и духовной власти. В связи с этим формирование подходов власти к взаимодействию с религиями здесь развивается в зависимости от направления реформаторской деятельности правителей, которые стремятся подчинить религиозную сферу единому началу, олицетворением чего является формирование церковной концепции власти.

2. Процесс трансформации подходов государства к взаимодействию с конфессиональной сферой в досоветской России, включает сочетание двух тенденций, одна из которых, связана со стремлением достичь большей степени религиозной свободы, проявляющейся в формировании неподконтрольной государству среды. Другая тенденция связана со стремлением к сохранению порядка, которое реализуется в ряде ограничительных мер по отношению к иным религиям и протекционистских мер по отношению к православию.

3. Реформы сферы государственно-конфессионального взаимодействия происходят, в соответствии с правилом весов, раскачиваясь от одной крайности, к другой, и вызывая последствия, которые становятся возможным преодолеть, только приводя в действие контрреформы. Однако в нач. XX в. указанные процессы существенно трансформируются, подвергаясь влиянию реформ Николая II, нацеленных на смягчение вероисповедной политики. Установление в России порядка, при котором гарантировалась свобода совести, религиозного выбора и отправления религиозных обрядов, несмотря на последующее проведение контрреформ, способствовало качественному изменению представлений о содержании государственно-конфессиональных отношений и в конечном итоге привело к началу эпохи

либерализации, законодательно закрепившей нормы естественного права и конституционного строя.

Литература

1. Арсеньев К.К. Свобода совести и веротерпимость. СПб. Тип. Общественная Польза. 1905. 292 с.
2. Бендин А.Ю. Указ о веротерпимости и его реализация в северо-западном крае Российской империи // Вестник РГГУ, 2009. № 17. С. 44–58.
3. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 220 с.
4. Боханов Н.А. Николай И.М.М. Молодая гвардия, Русское слово. 1997. 446с.
5. Дворниченко А.Ю. Центр и региона России при «старом режиме»: диалектика развития взаимоотношений // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. С. 8–51.
6. Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры / В.М. Живов. – М.: Яз. славян. культуры, 2002. – 758 с. С. 73.
7. Забужный И.А. В защиту веры. СПб: Типография М.М. Стасюлинича, 1914. 256 с.
8. Карташёв А. Церковь при Петре Великом // Очерки по истории Русской Церкви. М. Терра 1992. 569 с.
9. Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб. Алетейя, 1998. 443 с.
10. Кулиев Ф.М. Основные изменения в конфессиональном законодательстве Российской империи во второй половине XIX начале XX в. // Теория и практика общественного развития. 2011. № 6. С. 231–234.
11. Морина Л.П. Христианская модель власти в политической истории России // Вестник Санкт-Петербургского университета.. 2008. Сер. 6. Вып. 2. С. 134–142.
12. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 424 с.
13. Пинюгина Е.В. Столетие поместного Собора и отголоски «церковной революции» 1917 г.: векторы политики памяти руководства РПЦ и церковной интеллигенции // Политическая наука. № 3. С. 70–90.
14. Римский С. В церковь в эпоху великих реформ: (церковные реформы в России 1860–1870-х гг. М.: Крутицкое Патриаршее подворье: О-во любителей церковной истории, 1999. 567 с.
15. Свистунов М. Н. О влиянии русской Православной Церкви на формирование основ русской цивилизации // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 1. С. 253. С. 252–261.
16. Стенник Ю. В. «Наказ» Екатерины в оценке иерархов русской церкви // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2001. № 1. С. 34–38.

17. Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). М.: Рус.панорама, 2003 (Калуга: ГУП Облиздат). 479 с.
18. Шве́ц Ю. П. О причине провала реформ Александра I // Известия Алтайского государственного университета. 2008. С. 229–231.
19. Шильдер Н.К. Полный комплект из 9-ти книг: 1) Александр Первый. Т. 1–4. 2) Император Павел Первый. 3) Император Николай I: Его жизнь и царствование. М. Эксмо. 2009. 416 с.
20. Ячменев Ю.В. Этико-политические ценности русского средневековья // Правоведение. 2001. № 3 (236). С. 207–219.
21. Zhukov A., Beryikevich T. Religious security of the Russian Federation as Reflection object of the philosophy and religious studies // MATEC Web of Conferences. electronic edition. 2018. S. 10003.
22. Zhukov A., Zhukova A. Methodological Features of Study and Development of «Ethnic Cultures» Images in China // IEJME: Mathematics Education. 2016. T. 11. № 5. С. 1321–1330.
2. Bendin A. Yu. Decree on religious tolerance and its implementation in the northwestern region of the Russian Empire // Bulletin of the Russian State Humanitarian University, 2009. No. 17. P. 44–58.
3. Berdyaev N. Origins and meaning of Russian communism. M.: Nauka, 1990. 220 p.
4. Bokhanov N.A. Nikolai I.M.M. Young Guard, Russian word. 1997. 446s.
5. Dvornichenko A. Yu. Center and regions of Russia under the “old regime”: the dialectic of the development of relationships // Proceedings of the Historical Faculty of St. Petersburg University. 2010. S. 8–51.
6. Zhivov V.M. Research in the field of history and prehistory of Russian culture / V.M. Zhivov. – M.: Yaz. Slavs. culture, 2002. – 758 p. S. 73.
7. Zabuzhny I.A. In defense of faith. St. Petersburg: M.M. Stasyulinich, 1914. 256 p.
8. Kartashev A. Church under Peter the Great // Essays on the history of the Russian Church. M. Terra 1992. 569 p.
9. Kotlyar N.F. Old Russian statehood. SPb. Aletheya, 1998. 443 p.
10. Kuliev F.M. The main changes in the confessional legislation of the Russian Empire in the second half of the 19th and early 20th centuries. // Theory and practice of social development. 2011. No. 6. S. 231–234.
11. Morina L.P. Christian model of power in the political history of Russia // Bulletin of St. Petersburg University. 2008. Ser. 6. Issue. 2. S. 134–142.
12. Pipes R. Russia under the old regime. M.: Nezavisimaya gazeta, 1993. 424 p.
13. Pinyugina E.V. The Centenary of the Local Council and the Echoes of the “Church Revolution” of 1917: Vectors of the Policy of Memory of the Leadership of the Russian Orthodox Church and the Church Intelligentsia // Political Science. No. 3. S. 70–90.
14. Rimsky S. To the Church in the era of great reforms: (church reforms in Russia in the 1860s-1870s. M.: Krutitskoye Patriarchal Compound: Society of Church History Lovers, 1999. 567 p.
15. Svistunov MN On the influence of the Russian Orthodox Church on the formation of the foundations of Russian civilization // Social and humanitarian knowledge. 2004. No. 1. C. 253. S. 252–261.
16. Stennik Yu. V. “Instruction” of Catherine in the assessment of the hierarchs of the Russian Church // Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University. 2001. No. 1. S. 34–38.
17. Fedorov V.A. Russian Orthodox Church and State. Synodal period (1700–1917). M.: Rus.panorama, 2003 (Kaluga: GUP Oblizdat). 479 p.
18. Shvets Yu.P. About the reason for the failure of the reforms of Alexander I // Bulletin of the Altai State University. 2008. S. 229–231.
19. Schilder N. K. A complete set of 9 books: 1) Alexander the First. T.1–4. 2) Emperor Paul the First. 3) Emperor Nicholas I: His life and reign. M. Eksmo. 2009. 416 p.
20. Yachmenev Yu.V. Ethical and political values of the Russian Middle Ages // Jurisprudence. 2001. No. 3 (236). pp. 207–219.
21. Zhukov A., Beryikevich T. Religious security of the Russian Federation as Reflection object of the philosophy and religious studies // MATEC Web of Conferences. electronic edition. 2018. S. 10003.
22. Zhukov A., Zhukova A. Methodological Features of Study and Development of “Ethnic Cultures” Images in China // IEJME: Mathematics Education. 2016. V. 11. No. 5. S. 1321–1330.

TRANSFORMATION OF INTERACTION BETWEEN THE STATE AND RELIGIOUS CONFESSIONS IN PRE-SOVIET RUSSIA

Zhukov A.V., Mladenov V.I., Gavrilova Ju.V.

Transbaikalia State University, Bauman Moscow State Technical University (National Research University)

The article is devoted to identifying patterns of transformation of interaction between the state and confessions in pre-Soviet Russia. It reveals that the interaction between state and confessional spheres during this period has developed according to the direction of reformatory activity of rulers, who sought to bring the religious sphere under a single principle, embodied in the formation of the church concept of power. The novelty of the study is associated with the justification of the existence of two trends influencing the confessional policy of the state, one of which is associated with the desire to achieve a greater degree of religious freedom. The other is related to the desire to preserve order, which is realized in a number of restrictive measures in relation to other religions and protectionist measures in relation to Orthodoxy. The article proves that in the early twentieth century these processes are significantly transformed, being influenced by the reforms, the implementation of which eventually led to the beginning of the era of liberalization, which legislated the norms of natural law and constitutional order.

Keywords: state-confessional interaction, church concept of power, pre-Soviet Russia, confessional reforms, Orthodoxy, liberalization.

References

1. Arseniev K.K. Freedom of conscience and religious tolerance. SPb. Type. Public Benefit. 1905. 292 p.

Христианская и «прометеевская» антропологии: противоречие или сущностное тождество

Звонова Екатерина Евгеньевна,

кандидат философских наук, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: inflammatu@yandex.ru

В статье на конкретных примерах (душевный кризис Б. Паскаля, реалии советской культуры) рассматриваются проблемы, порождаемые противопоставлением христианской и «прометеевской» антропологии. Проводится сравнение указанных антропологических проектов в основополагающих аспектах, касающихся происхождения экзистенциальных потребностей, преодоления человеком природного детерминизма, соотношения свободной воли и повиновения. На основании данного сравнения утверждается, что христианский и «прометеевский» антропологические проекты являются по близким по метафизической сути, практически тождественными. Этические следствия из них также сходны: человек не должен подчиняться «объективному» устройству реальности, если оно противоречит соображениям нравственности и счастья людей; покоряться следует лишь самому разумному моральному закону и в соответствии с ним, с помощью него преобразовывать мир. Также в статье указаны причины формирования культурных мифов о противоречиях между христианским и «прометеевским» видением человека.

Ключевые слова: христианская антропология, «прометеевская» антропология, Б. Паскаль, советская культура, религия, наука, культурный миф.

В данной статье нам хотелось бы исследовать вопрос о том, противоречат ли друг другу христианский и «прометеевский» антропологические проекты – или по сути утверждают один и тот же идеал человека. Отметим, что под «прометеевским» видением человеческой природы мы понимаем точку зрения, согласно которой сущностными свойствами человека является разум и свободная воля, основной задачей и высшей ценностью – преобразование мира, природы и общества с помощью науки и культуры во имя блага человечества в целом и отдельных его представителей.

Нами будут рассмотрены проблемы, порождаемые противопоставлением христианской и «прометеевской» антропологии, проведено сравнение таковых в сущностных аспектах, сделаны определённые выводы об их соотношении, указаны причины формирования культурных мифов, которые мешают объективно оценивать его.

Вопрос о соотношении христианского и «прометеевского» антропологических проектов может показаться чисто теоретическим, однако мы полагаем, что его исследование имеет большое практическое значение и является весьма актуальным, поскольку сторонники одной из названных антропологии нередко оперируют стереотипными представлениями, а не понятиями, когда речь заходит о позициях другой. Безусловно, соответствующие стереотипы сформировались не случайно, однако оптика, которую они задают, порождает антиномии вроде противоречия между религией и наукой [1], между христианским смирением и активной, самостоятельной жизненной позицией [2] и т.п. В итоге сконструированные противоречия приводят к спорам с воображаемыми противниками и вполне реальным конфликтам (не только между людьми и группами людей, но и внутренним, психологическим), а также используются идеологами для манипуляций массовым сознанием.

Прежде чем приступить к сравнению христианского и «прометеевского» антропологических проектов, рассмотрим конкретные примеры того, как определенные представления об их соотношении порождают нежелательные последствия, которые не имеют под собой объективного основания в том смысле, что они не вытекают с необходимостью из законов логики или устройства мира.

Так, если рассматривать проблему применительно к конкретной личности, приходит на ум драма великого учёного и великого верующего Б. Паскаля. Можно сказать, что взор Паскаля-учёного был обращён вперёд, Паскаля-верующего – назад, учитывая, что он жил в XVII столетии, в пред-

двери эпохи Просвещения, когда теоцентризм Средневековья уже не соответствовал общественным запросам, и происходило становление науки Нового времени, но в то же время церковь была достаточно сильна, и метафизическая концепция человека, которая могла бы составить достойную конкуренцию христианской в том, что касается предельных смыслов человеческого существования, фактически отсутствовала.

Как учёный Б. Паскаль исследовал закономерности этого мира и внёс значительный вклад в развитие естествознания и преодоление средневековой схоластики, умозрительного подхода к изучению природы; в частности, как физик он продемонстрировал несостоятельность тезиса о том, что «природа боится пустоты», о *horror vacui* [3]. В философском плане французский философ считал разум, способность мыслить сущностным свойством человека, составляющим его достоинство и основу нравственности.

В свете сказанного выше вспомним самый, пожалуй, известный фрагмент «Мыслей» Б. Паскаля: «Человек – всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он – тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не нужно, чтобы на него ополчилась вся Вселенная: довольно дуновения ветра, капли воды. Но пусть бы даже его уничтожила Вселенная, – человек все равно возвышеннее своей погубительницы, ибо сознает, что расстается с жизнью и что он слабее Вселенной, а она ничего не сознает. Итак, все наше достоинство – в способности мыслить. Только мысль возносит нас, отнюдь не пространство и время, в которых мы – ничто. Постараемся же мыслить благопристойно, в этом – основа нравственности» [4].

Возвышение человека над природой благодаря разуму, нравственность, основанная на разуме... Подобные слова вполне могли бы принадлежать представителю эпохи Просвещения. Однако Б. Паскаль отнюдь не был её предвестником, поскольку верил в «бога Авраама, Исаака и Иакова, а не бога ученых и философов», и в контексте этой веры разум и наука не имели для него прямого отношения ни к Богу, ни к собственно человеческому в человеке.

Да, разум возвышает нас над миром, но познание и преобразование мира, по мнению французского мыслителя, не в силах утолить жажду Абсолюта, обусловленную тем, что человек до грехопадения находился в единстве с Богом, был создан по Его образу и подобию. Утратив это единство и подобие, человек хранит родовую память о нём, стремится к восстановлению изначального состояния, ощущая, что нынешнее положение не является необходимым; сама экзистенциальная неудовлетворённость свидетельствует об утрате источника целостности и совершенства: «Кто страдает из-за того, что у него только один рот? И кто не страдал бы, стань он одноглазым? Никому в голову не придет горевать из-за отсутствия третьего глаза, но безутешен тот, кто ослеп на оба» [4].

Согласно Б. Паскалю, лишь христианская религия способна прояснить вопросы, связанные с предельными смыслами и ценностями человеческого существования, устранить последствия грехопадения, открыть возможность для удовлетворения экзистенциальной потребности в единстве с Абсолютом, в восстановлении изначально богоподобной человеческой природы.

В свете сказанного выше особенно важно, что христианский Бог – это Бог-личность, с Которым возможно личное общение, Которого открывает сердце, а не разум. Более того, разум способен увести от веры.

Противоречивое отношение Б. Паскаля к разуму, признание такового сущностным свойством человека, не имеющим необходимого отношения к сущностно человеческим чаяниям повлекли за собой внутренний конфликт учёного. Он оценивал собственное бескорыстное стремление к познанию как *libido sciendi* (похоть знания), как страсть, отвлекающую от служения Богу. Победа в борьбе с «похотью» дорого обошлась и самому Б. Паскалю, и человечеству: последние годы своей жизни мыслитель посвятил религии, оставив науку, в которой, вероятно, он мог бы сделать ещё немало открытий.

Драма французского учёного психологически понятна, но не неизбежна: история знает множество примеров того, как исследователям удавалось не просто сочетать научные изыскания с искренней верой, сохраняя при этом душевную целостность, но и видеть в науке средство достижения целей, обусловленных религиозным мировоззрением (И. Кеплер, И. Ньютон, В.Ф. Войно-Ясенецкий и т.д.).

Таким образом, проблема не в обусловленной объективной реальностью невозможности избежать внутреннего конфликта, будучи верующим учёным, а в том, что в Б. Паскалю не удалось найти в науке смысла, который согласовывался с его христианскими убеждениями о сущности и сущностных потребностях человека. «Прометеевские» мотивы возвышения над природой за счёт разума оказались подавленными за счёт противопоставления христианской антропологии.

Если говорить о последствиях распространения определенных представлений о соотношении христианской и «прометеевской» антропологии в масштабе социума, весьма показательным является пример СССР.

Символично, что образ богоборца и человеколюбца, носителя огня познания Прометея был весьма популярен в советской культуре и вообще востребован в революционной и коммунистической пропаганде. Недаром К. Маркс писал: «Прометей – самый благородный святой и мученик в философском календаре» [5]. Сам Прометей и созданные в соответствии с его архетипической фигурой персонажи в изобилии встречаются в героических по духу произведениях советской литературы, кинематографа и других видов искусства.

Конструирование определённого образа религиозной антропологии за счёт противопоставления её умонастроению героев прометеевского типа проводилось в СССР весьма активно. Это заметно даже на уровне искусства для детей: вспомним мультфильмы «Возвращение с Олимпа» (1969) и «Прометей» (1974) и режиссёра А.Г. Снежно-Блоцкой. В них обоих покорность богам предстаёт главной чертой религиозного мировоззрения, а главные герои, побуждаемые сочувствием к людям, возмущением несправедливостью, царящей в мире, восстают против самого Зевса. Во «взрослом» варианте противопоставление «прометеевского» и христианского идеалов человека представлено, например, в фильме Г.Г. Натансона «Всё остаётся людям» (1963); впрочем, список кинокартин, в большей или меньшей степени затрагивающих соответствующую тематику, можно было бы продолжать очень долго.

Можно отвергать коммунистическую идеологию, однако трудно отрицать, что лучшие произведения советского искусства, воплощающие идеалы «прометеевского» антропологического проекта, подкупают подлинным гуманизмом, моральным идеализмом и идейностью в высоком смысле этого слова, оказывают глубокое воздействие на чувства. Противопоставление на уровне ассоциаций транслируемых ими нравственных ценностей христианству приводило поэтому в ряде случаев к некритическому, эмоционально заряженному неприятию такового, к стигматизации верующих, а также к тому, что в случае обращения к вере вчерашние «убеждённые коммунисты» отвергали в силу мнимой антитезы многие положительные аспекты «прометеевской» антропологии. Такая ситуация весьма драматична сама по себе, даже если не брать в расчёт репрессий против верующих, которые, очевидно, имели под собой не столько мировоззренческие, сколько политические основания.

Предрассудки советского времени живы и по сей день: до сих пор в определённых научных кругах «принято» придерживаться антиклерикальных позиций (весьма показательно в этом плане «письмо десяти академиков» [6]), считается почти неприличным признаваться в приверженности к христианским ценностям, а учёные допускают порой весьма резкие высказывания в адрес верующих и священнослужителей. Так, например, лауреат Нобелевской премии по физике В.Л. Гинзбург, выступая против школьного религиозного образования, употребил выражение «сволочи церковные», вызвав вполне понятное возмущение многих даже нерелигиозных людей.

И проблема не в том, что для учёного по умолчанию «плохо» быть атеистом или антиклерикалом (по крайней мере, если это не предполагает враждебности в отношении тех, кто придерживается иных взглядов и оскорблений в их адрес). Представитель практически любой специальности имеет право на свободу совести, на любые религиозные или политические убеждения. Проблема

в наличии стереотипа, который мешает учёному выбрать убеждения осознанно.

Разумеется, можно было бы возразить, что диктат стереотипа отсутствует, а распространённость атеизма и антиклерикализма среди учёных объясняется высоким уровнем их образования, осознанным отношением к «религиозным» суевериям. Но поскольку среди блестяще образованных людей и выдающихся деятелей науки, которых трудно обвинить в невежестве, встречаются глубоко верующие люди, по-видимому, более правдоподобным будет предположение о том, что описанное положение вещей свидетельствует не о свободе научного разума от религиозных мифов, а о распространённости среди учёных мифологии борьбы между наукой и религией.

В то же время представители духовенства также высказывают весьма спорные «антипрометеевские» мнения: вспомним хотя бы нашумевшую статью протоиерея А. Чаплина «О потерянном рабстве и рыночной свободе», в которой автор утверждает: «Главная проблема современного Православия и, собственно говоря, России (потому что России нет без Православия) – это то, что мы разучились быть рабами. Христианство – это религия сознательного и добровольного рабства. Рабская психология – это не какой-то скрытый подтекст, а норма мироощущения для православного христианина. Всё современное общество поклоняется идолу социальных прав и свобод. И только Православная Церковь упорно утверждает, что человек – это бесправный раб Божий» [7]. Неудивительно, что подобные заявления усиливают унаследованные с советских времён стереотипы о христианском вероучении в целом и христианском идеале человека в частности и провоцируют оценки клерикализма в духе академика Гинзбурга.

Описанное положение вещей едва ли можно считать удовлетворительным. При этом, как и в случае душевного конфликта Б. Паскаля, здесь мы имеем дело не столько с реальными противоречиями между двумя антропологическими проектами, сколько с антитезой их интерпретаций, причём весьма тенденциозной и сконструированной целенаправленно.

Но, быть может, между христианской и «прометеевской» антропологиями имеется реальное, а не сконструированное противоречие, которое, впрочем, может не осознаваться и не порождать потребности в выборе между ними? Чтобы прояснить этот вопрос, сравним соответствующие представления о человеке, обозначенные в первом абзаце данной статьи и при анализе внутреннего конфликта Б. Паскаля.

Так, для христианской антропологии характерно объяснение специфически человеческих экзистенциальных потребностей отпадением от Бога. Но, например, неомарксист Э. Фромм полагает, что они формируются в результате опыта разрыва связей с природой: человек «выпадает» из изначальной целостности естественного порядка,

перестаёт быть жёстко детерминированным им и начинает нуждаться в новой, сверхприродной, ценностной обусловленности, в восстановлении связи с миром на новом уровне [8]. Применительно к онтогенезу у нас также в норме имеется опыт разрыва симбиотической связи с матерью, и это имеет сходные последствия. Без системы ценностных координат и объекта почитания мир человека субъективно действительно превращается в хаос, экзистенциальные потребности вполне реальны, но удовлетворить их, согласно Э. Фромму, способно отнюдь не только христианство.

Таким образом, мы видим, что наличие у человека экзистенциальной тоски по единству с неким обладающим безусловной ценностью объектом, может быть объяснено вне рамок христианской антропологии, с позиции, которая вполне согласуется с характерными (хотя, как нам представляется, не сущностными) для «прометеевского» антропологического проекта материалистическими и светскими тенденциями. Разумеется, с онтологической точки зрения важно, что первично, Бог или природа. Однако антропологические следствия обеих перспектив сходны: человек обладает экзистенциальной потребностью в восстановлении некогда утраченного единства на новом уровне.

В «прометеевском» варианте чувство единства с реальностью восстанавливается за счёт солидарности с другими людьми и причастности к культурным ценностям. Основополагающая же черта культуры – её «знаковый» характер, ключевая особенность высших психических функций человека – их опосредованность знаками [9]; именно благодаря опосредованности знаками стал возможен феномен формального мышления, обусловивший власть человека над природой.

В данном контексте замечательно, что, согласно древнегреческой мифологии, Прометей не только даровал людям огонь, но и научил своих подопечных письму и счёту, т.е. обращению со знаками. Так он сделал их независимыми не только от произвола внешней по отношению к ним природы, но и предоставил возможность управления собственной психической реальностью, что повлекло за собой дальнейшее покорение природных стихий.

Парадоксальным образом это перекликается с христианскими воззрениями: Христос также освободил человека от естественного (нередко вынуждающего грешить) порядка мира; есть богатая традиция соотнесения Сына Божия с Логосом – универсальным разумным и нравственным законом, Словом [10] – вспомним знаменитое начало Евангелия от Иоанна.

Таким образом, в философско-антропологическом плане «прометеевская» и христианская концепции по сути сходятся на следующем: человек – существо надприродное (можно сказать – сверхъестественное), способное не подчиняться природному порядку, управлять им, и эта способность имеет основание в Логосе (знаке, слове, разуме, нравственности).

Конечно, можно было бы заметить, что «прометеевский» идеал человека предполагает протест против божественного и самодостаточность человеческого, а христианский – смирение перед Богом и зависимость человеческой природы от Божественного Абсолюта. Однако будем учитывать, что Прометей восстал против языческих богов воплощавших природный порядок, а не против сверхъестественного христианского Божества. По сути, подобно Христу, он стал мучеником во имя свободы человека от предопределяющего его к страданию «естественного» устройства реальности. Что касается вопроса о самодостаточности человеческого измерения, не стоит забывать, что грань между человеческим и божественным в христианстве весьма тонка – не только в силу изначального богоподобия человека, но и потому, что Христос предстаёт одновременно Богом и человеком.

На основе сказанного выше можно утверждать, что христианский и «прометеевский» антропологические проекты являются родственными вплоть до сущностного тождества; они словно выражают одну и ту же метаидею различными способами. Этические следствия из них также сходны: человек не должен подчиняться «объективному» устройству реальности, если оно противоречит соображениям нравственности и счастья людей; покоряться следует лишь самому разумному моральному закону и в соответствии с ним, с помощью него преобразовывать мир.

Если между христианскими и «прометеевскими» представлениями о человеке нет глубоких противоречий, почему же они так часто противопоставлялись друг другу? С нашей точки зрения, это обусловлено внешними по отношению к их непосредственному содержанию причинами.

В преддверии Средневековья, когда язычество утрачивало власть над умами, а христианство приобретало её, основными идейными оппонентами христиан были неоплатоники [11]. Принятие христианского вероучения, в отличие от следования неоплатонизму, не предполагает наличия солидного образования в качестве неперемennого условия, и, стремясь подчеркнуть своё отличие от конкурентов-язычников, его последователи во многом сами противопоставили себя античной мудрости и подготовили почву для знаменитой тертуллиановской максимы: «Верую, ибо абсурдно».

Впоследствии на исходе Средних веков церковь также оказывала консервирующее воздействие на научный поиск, порой преследовала носителей смелых идей. Европейское естествознание утверждалось в борьбе с «санкционированной» духовенством средневековой схоластикой. Однако это было обусловлено скорее стремлением церкви сохранить общественный порядок и мировоззрение, при котором она обладала наибольшей властью, нежели ригидностью мышления её представителей и принципиальной несовместимостью христианского вероучения с наукой нового типа.

Тем не менее, в эпоху Просвещения исторические «прегрешения» христианства перед научным познанием были использованы противниками опирающихся на церковь приверженцев феодализма и абсолютной монархии для конструирования культурного мифа о том, что религия необходимо, а не «опционально» является врагом науки и свободы мысли, выступает как косная, подавляющая развитие человечества сила. А поскольку свободный разум и наука как главное его детище стали полагаться имеющими непосредственное отношение к сущности человека, на уровне культуры сформировалось противопоставление христианской и «прометеевской» антропологии, которое в дальнейшем неоднократно использовалось в идеологических целях.

Итак, подводя окончательные итоги, мы утверждаем следующее: с нашей точки зрения, представления о противоречиях между христианским и «прометеевским» идеалами человека хотя и сложились в силу объективных причин, обусловленных борьбой различных участников исторического процесса за свои интересы, но не имеют под собой объективного основания на идейном уровне.

Как неоднократно подчеркивалось выше, имеет место миф о противоречиях, а не противоречия. И чтобы мнимые противоречия не вызывали вполне реальных негативных последствий, стоит исследовать этот миф, выявлять механизмы его формирования, распространения и трансформации: когда мы понимаем как нечто устроенное, то получаем возможность управлять таковым, а не быть им управляемыми. Надеемся, что в данном контексте наша статья вполне соответствует стремлению к свободе духа, которая является ценностью с позиций как христианского, так и «прометеевского» мировоззрения.

Литература

1. Лега В.П. Христианство и наука нового времени // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2017. № 10 (783) – С. 329–342; Храмов А.В. Богословие и теория эволюции: конфликт, которого не было // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 1, ч. 2. – С. 307–326.
2. Поломошнов А.Ф., Поломошнов П.А. Три лика религиозной покорности в исламе и христианстве // Исламоведение. 2020. Т. 11, № 3. С. 48–56
3. Стрельцова Г.Я. Блез Паскаль URL: <https://www.litmir.me/br/?b=236968&p=7> (дата обращения: 15.03.2022)
4. Паскаль Блез. Мысли. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://librebook.me/pensees/vol2/4> (дата обращения: 15.03.2022)
5. Маркс К. Из ранних произведений. / Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура с приложением. URL: https://royallib.com/read/marks_karl/iz_rannih_proizvedeniy_1835__1844.html#86939 (дата обращения: 15.03.2022)
6. Открытое письмо десяти академиков РАН президенту Российской Федерации В.В. Путину. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://www.skeptik.net/religion/science/10academ.htm> (дата обращения: 15.03.2022)
7. Протоиерей Алексей Чаплин О потерянной рабстве и рыночной свободе. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.blagogon.ru/digest/737/> (дата обращения: 15.03.2022)
8. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности: Перевод / Авт. вступ. ст. П.С. Гуревич. – М.: Республика, 1994. – 447 с.
9. Выготский Л.С. История развития высших психических функций / Л.С. Выготский. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 359 с.
10. Мефодий и Кирилл (Зинковские) иеромонахи. Значение христианской культуры в воспитании личности в контексте святоотеческого учения о логосе и логосах. // Девятое Пюхтицкое чтения. Аксиологический подход к совершенствованию личности на основе взаимодополняемости православной и светской культуры. Материалы международной научно-практической конференции. СПб: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2020 – С. 61–70.
11. Катасонов В.Н. Цифровизация, платонизм и христианство. // Культурное наследие России. 2019. № 2. – С. 4–10.

CHRISTIAN AND “PROMETHEAN” ANTHROPOLOGIES: CONTRADICTION OR ESSENTIAL IDENTITY?

Zvonova E.E.

Financial University under the Government of the Russian Federation

In the article specific examples (the mental crisis of B. Pascal, the realities of Soviet culture) of the problems caused by the opposition of Christian and “Prometheus” anthropologies are considered. These anthropological projects are compared in fundamental aspects regarding the origin of existential needs, the overcoming of natural determinism by humans, the ratio of free will and obedience. Based on this comparison, it is argued that Christian and “Prometheus” anthropological projects are almost identical in terms of metaphysical essence. The ethical consequences of them are also similar: a person should not obey the “objective” structure of reality if it contradicts the considerations of morality and happiness of people; he or she should obey only the most reasonable moral law and in accordance with it and with the help of it to transform the world. The article also indicates the reasons for the formation of cultural myths about the contradictions between the Christian and “Prometheus” vision of man.

Keywords: Christian anthropology, “Prometheus” anthropology, B. Pascal, Soviet culture, religion, science, cultural myth.

References

1. Lega V.P. Christianity and science of the new time // Vestnik MSLU. Humanitarian sciences. – 2017. No. 10 (783) – P. 329–342; Khramov A.V. Theology and the Theory of Evolution: The Conflict That Never Was // Ideas and Ideals. – 2019. – V. 11, No. 1, part 2. – S. 307–326.
2. Polomoshnov A.F., Polomoshnov P.A. Three Faces of Religious Submission in Islam and Christianity // Islam Studies. 2020. V. 11, No. 3. S. – 48–56
3. Streltsova G. Ya. Blaise Pascal URL: <https://www.litmir.me/br/?b=236968&p=7> (date of access: 03/15/2022)

4. Pascal Blaise. Thoughts. [Electronic resource]. – access mode: <https://librebook.me/pensees/vol2/4> (date of access: 03/15/2022)
5. Marx K. From early works. / The difference between the natural philosophy of Democritus and the natural philosophy of Epicurus with an appendix. URL: https://royallib.com/read/marks_karl/iz_rannih_proizvedeniy_1835__1844.html#86939 (accessed 03/15/2022)
6. An open letter from ten academicians of the Russian Academy of Sciences to the President of the Russian Federation V.V. Putin. [Electronic resource]. – access mode: <https://www.skeptik.net/religion/science/10academ.htm> (date of access: 03/15/2022)
7. Archpriest Alexy Chaplin About lost slavery and market freedom. [Electronic resource]. – access mode: <http://www.blagogon.ru/digest/737/> (date of access: 03/15/2022)
8. Fromm E. Anatomy of human destructiveness: Translation / Ed. intro. Art. P.S. Gurevich. – M.: Respublika, 1994. – 447 p.
9. Vygotsky L.S. History of the development of higher mental functions / L.S. Vygotsky. – M.: Yurayt Publishing House, 2016. – 359 p.
10. Methodius and Cyril (Zinkovsky) hieromonks. The value of Christian culture in the education of the individual in the context of the patristic teaching about the logos and logos. // Ninth Pyukhtitsky readings. An axiological approach to the improvement of the individual based on the complementarity of Orthodox and secular culture. Materials of the international scientific-practical conference. St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2020 – S. 61–70.
11. Katasonov V.N. Digitalization, Platonism and Christianity. // Cultural heritage of Russia. 2019. No. 2. – P. 4–10.

Западноевропейское неоязычество в его отношении к этике светского гуманизма

Луценко Антон Владимирович,

кандидат философских наук, доцент Департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета
E-mail: avlu2009@yandex.ru

В статье рассматриваются те аспекты современного западноевропейского неоязычества, которые имеют прямое отношение к сложившейся в сегодняшней Европе социокультурной и религиозной ситуации. Представляя краткий обзор отношения неоязычества к этике светского гуманизма, имеющей христианские корни, автор преследует цель проиллюстрировать устойчивую тенденцию неоязычества ко все большей архаизации (т.е. дегуманизации) морально-этических и аксиологических принципов. Выделяются основные аспекты расхождения идеологии современного западноевропейского неоязычества с этикой светского гуманизма, анализируются некоторые противоречия преемственности с античным политеизмом, которую провозглашает современное западноевропейское неоязычество. В статье уделяется внимание сути неоязыческой идеологии, которая в реальности предстает как вариант современной антимодернистской и антигуманистической идеологии.

Ключевые слова: неоязычество, этика, толерантность, гуманизм, архаизация, идеология.

Неоязычество, существующее в современной Западной Европе в виде религиозных сообществ, обладающих собственной идеологией, воспринимает идеологию светского гуманизма как важнейшую мировоззренческую систему, оппонирующую самому движению «новой архаики». Проблеме восприятия западноевропейским неоязычеством светского гуманизма посвящены, во-первых, работы собственно неоязыческих идеологов, претендующих на формирование идейной позиции того или иного неоязыческого сообщества по данному вопросу: А. де Бенуа [5, 6], Р. Повеля [7], П. Шоссара [8] и др. Проблемой неоязыческой идеологии в контексте ее взаимодействия с мировоззрением современного светского социума Западной Европы уделяют также определенное внимание такие европейские религиоведы и теологи, как А. Гваттари [5, 214], Д. Сальвано [5, 11], Х. Ламбрехт [7, 15], У. Стернз [10, 17]. Следует отметить, что все вышеперечисленные западноевропейские ученые принадлежат к католической или протестантской религиозной традиции, и, соответственно, их взгляд на неоязычество определяется собственным религиозным мировоззрением. В отечественной научной литературе рассматриваемую тему затрагивали в своих работах такие исследователи, как А.В. Гайдуков [1], О.А. Ковыкин [2], О.В. Кутарев [3], В.И. Шнирельман [4] и др.

В противовес светской этике неоязыческие идеологи выдвигают идею синтеза рационализма и интуитивного, «природного» знания. Классическое определение язычества как «формы религиозного культа, основанного на поклонении силам природы и их обожествлении, при наличии центрального представления о циклическом характере мироздания» можно, в известном смысле, считать исчерпывающим [7, 92]. Российский религиовед А.В. Гайдуков делая обзор работ [1, 43], посвященных феномену неоязычества в отечественной научной литературе, считает возможным выделить основу или «корень вещей», свойственный всем разновидностям язычества без исключения (в равной степени развитому политеизму, примитивному анимизму и проч.). Очевидно, эту основу необходимо понимать как иррациональное начало, являющееся истоком всякого языческого культа, и находящее образно-символическое воплощение в системе космогонических и отчасти героических мифов [4, 23]. Если продолжить мысль А.В. Гайдукова, что представляется методологически корректным, то, в отличие от любой мировой религии или светских этических концепций, вопроса о соотношении и взаимной подчиненности веры

и разума в языческой картине мира не существует. В основе языческого мироощущения лежит непосредственное переживание природы как одухотворенного, более или менее персонифицированного начала, причем рациональное осмысление такого мироощущения приводит лишь к его исчезновению. Не случайно, в работах протестантских теологов и религиоведов У. Стернза и Х. Ламбрехта, всячески подчеркивается деструктивное значение, которое имела для античной религии и мифа, как ее основы, драматургия Еврипида, который, вслед за природным благочестием Эсхила и выстраданной верой в справедливость вечного миропорядка Софокла, привнес в античную драму рациональный анализ [9, 47; 10, 33]. Как только рациональное начало касается изначально неделимой и не поддающейся какому-либо логическому осмыслению реальности мифа и языческой традиции, можно говорить о деструкции смыслового центра языческого культа. Осмысление мифа приводит личность к сомнению в справедливости безличного и равнодушного к человеку Космоса, который, в сущности, сильнее и значительнее любых, даже самых благих, богов. Можно согласиться с утверждением отечественного исследователя преимущественно славянского неоязычества В.И. Шнирельмана о том, что место благоговения перед ежеминутно ощущаемой истиной бытия занимает мистический ужас перед его тайной, как только миф и языческая религия в целом становятся предметом рационального анализа [4, 56]. В случае с античным политеизмом, миф представляется как символическое выражение прочности и вечности мироздания, а позже, в эпоху разложения политеизма, все более эволюционирует в сторону антропоцентристской картины универсума, являясь, таким образом, на ранней стадии развития, символическим выражением идеи мироустройства, а на поздней-видоизмененным образом первых начатков гуманистической античной традиции, и, как следствие, индикатором разложения политеистической ментальности [8, 54]. Неоязычество игнорирует этот факт, специально подчеркивая необходимость для «новой архаики» синтеза разума и интуиции для того, чтобы «упрочить» политеистическую систему. Очевидно, причина столь явного противоречия кроется в непонимании идеологами современного неоязычества исторических, культурных и социальных реалий классического политеизма, наследниками которого объявляют себя сторонники «новой архаики». Как отмечает английский религиовед У. Стернз, введение рационального начала в качестве составной части в миф или языческий культ «взрывает их изнутри» [10, 154]. Поэтому, в целом справедливо утверждение, что неоязычество к классическому политеизму имеет лишь опосредованное отношение. В качестве историко-культурного аналога можно привести соотношение между классической античностью и эпохой Возрождения, многие представители которой объявили себя прямыми наследниками «благородной древности», пы-

таясь игнорировать тысячелетний период христианского Средневековья, разделявший обе эпохи. Каковы бы ни были субъективные представления сторонников неоязычества о происхождении, сути и целях их мировоззрения, объективный анализ его философского содержания указывает на тот факт, что неоязычество в большей степени является антихристианским и антигуманистическим движением нового типа, в котором элемент архаики выполняет во многом декоративные функции [6, 32]. Противопоставляя миф религиозной вере и научному мировоззрению, «новая архаика», прежде всего, пытается защитить личность от тех многочисленных духовных кризисов, расколов и фрустраций, которые якобы стали последствиями длительного господства христианства в западноевропейской культуре и обществе. В отличие от классического политеизма с присущим ему с определенного момента развития антропоцентризмом, неоязычество подчеркнуто дегуманизирует личность и социум, приходя к такому варианту космоцентристского мировоззрения, который ни в коем случае не был свойствен даже древнему обществу на наиболее архаических стадиях его становления. В данном случае имеет место своеобразная аберрация сознания, в результате которой сторонники современного неоязычества совершенно игнорируют логику исторического развития, согласно которой миф и политеистический культ не представляют собой абсолютно герметичную, лишённую внутренней динамики систему, изменить которую способно лишь воздействие извне вкуче с влиянием некоторых чужеродных элементов изнутри [2, 101]. Именно поэтому неоязыческая идеология по своим типологическим признакам может быть охарактеризована как *антиисторичная*, поскольку декларирует необходимость возвращения к гипотетической стадии «застылости» универсума, которая превращается в данной трактовке в своеобразный идеал. Исторический прогресс, логика исторического развития, равно как и многочисленные факторы, принадлежащие разным сторонам материального и духовного бытия, которые на них влияют, в рамках такой концепции оказываются ненужными и несостоятельными. По сути, неоязычество настаивает на возвращении к циклической модели бытия, которую, по словам неоязыческого идеолога П. Шоссара христианство и позитивизм «превратили в дурную бесконечность так называемого исторического развития» [9, 100].

Политеизм, на взгляд его современных последователей, чья мир во всем его многообразии, созданием культов «темных божеств» войны, гнева, кровавого стихийного экстаза, выражает неотъемлемые свойства, присущие не только миру, но и человеку. Естественно, что принципы гуманистической этики не могут иметь места в подобной модели мироздания. Отвергая дарвинизм как грубое материалистическое упрощение главных принципов жизни, современное неоязычество тем не менее придает большое значение «священной

борьбе людей и наций», в которой якобы проявляется жизненная сила, присущая всякому живому созданию природы. Однако, следуя наиболее насущным требованиям современности, неоязычество не настаивает на превозношении принципов борьбы, войны и насилия, а только указывает на их «общее историческое значение», и на необходимость для каждой личности и каждого общества существовать в своем «пространстве силы», то есть быть связанным с собственными «кровью и почвой» [2, 116]. С тех же позиций «новой архаикой» критикуются принципы «правового равенства» и «юридической толерантности», характерные для светского европейского гуманизма. Закон и основные гражданские свободы, именем которых провозглашается необходимость толерантности, воспринимаются в рамках неоязыческой доктрины как абстрактные, лишённые реального содержания «словесные концепты» [2, 19]. Необходимость существования системы правосудия неоязычеством ни в коем случае не отрицается, однако отвергается или, по крайней мере, подвергается сомнению, «обожествление закона и так называемых свобод», якобы свойственное современному западноевропейскому обществу. Такое «преклонение перед абстракцией» имеет в глазах неоязыческой критики последствия, аналогичные результатам христианской проповеди любви и всепрощения, различаясь только в степени негативных проявлений и деструктивности [8, 36].

«Живая жизнь», которая, согласно неоязыческой идее, есть истинный объект политестического культа [7, 233], не содержит в себе морально-нравственных категорий, которые ему пытаются «навязать» христианство. Силы природы, а, следовательно, и человек, как их часть и порождение, действуют лишь по принципу «великой целесообразности», которая, применительно к взаимоотношениям между отдельными людьми и людскими сообществами (народами) выражается в принципе «должного отношения к находящемуся на своем месте». При этом такие взаимоотношения не только не исключают соперничества, борьбы или даже войн «на уничтожение», но включают их в себя как органическую часть, зеркально отражающую имманентно присущие бытию качества. Естественно, что принцип христианского милосердия и любви к ближнему не может иметь места внутри подобной модели мироздания [7, 22]. Отвергая дарвинизм как грубое материалистическое упрощение главных принципов жизни, современное неоязычество тем не менее придает большое значение «священной борьбе людей и наций», в которой якобы проявляется жизненная сила, присущая всякому живому созданию природы. Неприятие чуждых культурных, поведенческих и моральных норм, которое современным европейским обществом расценивается как ксенофобия, является для неоязычества абсолютно приемлемым выражением «голоса крови», то есть народного духа, проявляющего себя через отдельную личность или через целое сообщество [9, 73].

С другой стороны, принцип терпимости в определенном его аспекте неоязычеством не отвергается [6, 214]. Своеобразно понятая концепция «естественной толерантности» играет достаточно существенную роль в некоторых положениях современной неоязыческой идеологии [5, 119]. Ее основанием стало положение о том, что процесс христианизации внес в существо «среднего европейца» глубокий внутренний раскол, проявляющийся, прежде всего, в неприятии тех сторон бытия, которые изначально являются естественными и необходимыми человеку. Неоязыческая доктрина часто и подробно останавливается на эксцессах, порожденных этой «внутренней нетерпимостью» [8, 83; 9, 24]], к которым причисляются как инквизиция, так и крайности аскетизма, характерные для начального этапа христианизации Европы и для некоторых направлений протестантизма периода Реформации. По сути дела, неоязычество принимает толерантность в том случае, если она свидетельствует о способности европейской личности и европейского общества воздерживаться от бесполезных внутренних конфликтов и дихотомий, в качестве залога сохранения стабильности и гармонии. Однако терпимость по отношению к внешним социальным и культурным системам или идеям однозначно расценивается как слабость и свидетельство упадка «природной силы» европейских наций. Несколько смягчая первоначальные формулировки, неоязыческая концепция предлагает тезис «Терпимость к своему, бдительность к чужому», наделяя принцип толерантности своеобразным «двойным стандартом».

Литература

1. Гайдуков А.В. Проблема иностранного влияния на развитие славянского нового язычества (родноверия) в России // *Colloquium heptaplomeres*. Научный альманах / Сост. А.А. Бесков, Р.В. Шиженский. – Вып. 3. – Нижний Новгород: Мининский университет, 2016. – С. 43–47.
2. Кавыкин О.А. Родноверы. Самоидентификация неоязычников в современной России. М: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2007. 231 с.
3. Кутарев О.А. Неоязычество Европы. // *Философия и культура*. 2014. № 12. С. 1801–1810.
4. Шнирельман В.И. Неоязычество и национализм (восточноевропейский ареал) // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. № 114. 2012. С. 3–25.
5. Benois A. Double fakery. Montreal, 2012 202 p.
6. Benois A. Magna Charta of modern Polytheism: collection of main declarations and manifests. Ottawa, 2010. 311 p.
7. Lambrecht, H. Modern Polytheism as a social doctrine. London, 2006. 433 p.
8. Pauvail R. Neopolytheism and globalization. Paris, 2008. 200 p.

9. Shossard P. *Antaeus Myth: in the mode of reality.* – Toronto, 2012. 131 p.
10. Stairnes W. *Neopolytheist cult and its future.* London, 2005. 175 p.

WESTERN EUROPEAN NEOPAGANISM IN ITS RELATION TO THE ETHICS OF SECULAR HUMANIZATION

Lutsenko A.V.

Far Eastern Federal University

The article considers those aspects of modern Western European neopaganism that are directly related to the socio-cultural and religious situation that has developed in today's Europe. Presenting a brief overview of the relationship of neopaganism to the ethics of secular humanism, which has Christian roots, the author seeks to illustrate the steady tendency of neo-paganism to increasingly archaic (i.e. dehumanization) moral, ethical and axiological principles. The main aspects of the discrepancy between the ideology of modern Western European neo-paganism and the ethics of secular humanism are highlighted, some contradictions of continuity with ancient polytheism, which is proclaimed by modern Western European neo-paganism, are analyzed. The article focuses on the essence of the neo-pagan ideology, which in reality appears as a variant of the modern anti-modernist and anti-humanist ideology.

Keywords: Neopaganism, ethics, tolerance, humanism, archaization, ideology.

References

1. Gaidukov A.V. The problem of foreign influence on the development of Slavic new paganism (rodnovery) in Russia // Colloquium heptaplomeres. Scientific almanac / Comp. A.A. Beskov, R.V. Shizhensky. – Issue. 3. – Nizhny Novgorod: Minin University, 2016. – S. 43–47.
2. Kavykin O.A. *Rodnover. Self-identification of neo-pagans in modern Russia.* M: Center for Civilizational and Regional Studies of the Russian Academy of Sciences, 2007. 231 p.
3. Kutarev O.A. *Neo-paganism of Europe.*// Philosophy and culture. 2014. No. 12. S. 1801–1810.
4. Shnirelman V.I. *Neo-paganism and nationalism (Eastern European area)* // Studies in Applied and Urgent Ethnology. No. 114. 2012. S. 3–25.
5. Benois A. *Double fakery.* Montreal, 2012 202 p.
6. Benois A. *Magna Charta of modern Polytheism: collection of main declarations and manifests.* Ottawa, 2010. 311 p.
7. Lambrecht, H. *Modern Polytheism as a social doctrine.* London, 2006. 433 p.
8. Pauvail R. *Neopolytheism and globalization.* Paris, 2008. 200 p.
9. Shossard P. *Antaeus Myth: in the mode of reality.* – Toronto, 2012. 131 p.
10. Stairnes W. *Neopolytheist cult and its future.* London, 2005. 175 p.

Феноменологический конструкт «настоящее» в субъективном времени индивида в пространстве семьи во включающем и традиционном обществе

Попов Виталий Владимирович,

Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал)
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Ростовский государственный экономический университет
(РИНХ)»
E-mail: vitl_2002@list.ru

Буланая Юлия Викторовна,

старший преподаватель кафедры философии МОН ДНР
ГО ВО «Донецкий Национальный университет экономики
и торговли имени М. Туган-Барановского»
E-mail: ulikmarkina@gmail.com

В настоящее время в научной и социально-философской литературе идет обсуждение становления концепции инклюзии с выходом на различные аспекты жизнедеятельности индивидов с ограниченными возможностями. В статье осуществляется изучение специфики субъективного времени индивида в пространстве семьи во включающем и традиционном обществе с использованием темпорального концепта «настоящее». Показывается, что субъективное время выступает в качестве определенной темпорально-ориентированной длительности существования индивида в пространстве семьи в трансформирующемся социуме. «Настоящее» определяет созерцательную активность индивида, прошлое связано с исторической памятью индивида, а будущее – проецирует и конструирует ментальные регуляторы человеческого сознания, иницирующие базовые параметры и характеристики воображения. Постулируется, что темпоральность как базисная характеристика субъективного времени индивида в пространстве семьи представляется в качестве индивидуально-сущностного параметра в соотношении с коллективным сознанием индивидов в семейном бытии. Обосновывается, что субъективное время индивида выступает чувственной формой наличной бытийности семьи посредством комплекса событий, формирующих содержание индивидуального опыта. Демонстрируется, что сфера «настоящее» семейного бытия предстает в качестве длительного настоящего, в котором реализуется переживание индивида своей жизнедеятельности, а также как граница опыта, определенного до индекса «настоящее» и выражающего возможности и перспективы опережающего сознания индивида, связанного с процессом его вхождения в семейное бытие. Обращается внимание на то, самоидентичность индивида в пространстве семьи связана с выделением сферы внутренней определенности субъективного времени. Последнее коррелирует с двумя основными уровнями осознания индивидом собственного бытия в пространстве семьи: уровнем перспектив и оценочным уровнем.

Ключевые слова: субъективное время, темпоральность, концепт «настоящее», включающее общество, традиционное общество, пространство семьи, семейное бытие, феноменология, ограниченные возможности (ОВ).

Введение. В настоящее время в научной и социально-философской литературе идет обсуждение становления концепции инклюзии с выходом на различные аспекты жизнедеятельности индивидов с ограниченными возможностями (ОВ) (ограниченные потребности, ограниченные возможности здоровья, инвалиды и т.п.). Значимым и актуальным является поиск категориального и концептуально-семантического аппарата современных философских направлений, способного стать корректной и адекватной основой для реализации концепции инклюзии в социальных общностях, группах, семьях. С позиции социальной философии представим специфику субъективного времени индивида в пространстве семьи во включающем и традиционном обществе с использованием темпорального концепта «настоящее».

Основная часть. В русле развития философской мысли особенности субъективного времени в семейном бытии традиционного и включающего общества проявляются в своеобразном проживании и переживании индивидом «настоящего момента» своего существования. Субъективное время выступает в качестве определенной темпорально-ориентированной длительности существования индивида в пространстве семьи в трансформирующемся социуме. Отметим, что субъективное время представляется через ряд последовательных сегментов: прошедшее, настоящее и будущее. Настоящее определяет созерцательную активность индивида, прошлое связано с исторической памятью индивида, а будущее – проецирует и конструирует ментальные регуляторы человеческого сознания, иницирующие базовые параметры и характеристики воображения. К таким параметрам субъективного времени относятся: длительность, конечность, пересекаемость, неравномерность. Изучение субъективного времени демонстрирует, что сознание, например индивида с ОВ, подразумевает выделение некоторых ступеней осознания и осмысления имеющихся перспектив и возможностей ценностной и целерациональной деятельности.

Одной из основных характеристик темпоральных сценариев является независимость субъективного времени от времени физического. В такой ситуации воображение, внимание и память образуют ядро субъективного времени и становятся базисными предпосылками темпоральных сценариев жизнедеятельности. Выделение темпорального сценария индивида с ОВ интерпретируется иногда с позиции корреляции динамической и статической концепций времени. Исследуя иной сегмент

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–00515, <https://rscf.ru/project/22–28–00515/>, в рамках научно-исследовательского проекта «Субъективное время индивидов с ограниченными возможностями во включающем обществе» (Руководитель: профессор В.В. Попов).

субъективного времени, связанный с восприятием его как периода формирования субъективного образа пространства семьи в традиционном и включающем обществе с позиции ее настоящего существования отметим, что подобное субъективное настоящее является значимым понятием теории инклюзии.

Темпоральность как базисная характеристика субъективного времени индивида в пространстве семьи представляется в качестве индивидуально-сущностного параметра в соотношении с коллективным сознанием индивидов в семейном бытии. Темпоральность синтезирует использование психологического, ситуативно-биографического и индивидуального времени, что представляет этапы процесса социализации и идентификации индивидов во включающем социуме и традиционном. При этом субъективные моменты социального времени предполагают конструирование многомерных моделей, отражающих переживание индивидом времени вхождения в пространство семьи и воссоздание чувственно-ментальных образов в сфере индивидуального сознания. Параметр субъективности индивидуального времени демонстрирует особую форму существования и упорядочивания комплекса событий и явлений в системе ментальных образов опыта человека. Подобный комплекс событий и явлений систематизируется структурами темпоральности, в которых выделяют моментную и интервальную структуры времени. Эти структуры выступают темпоральными референтами, являющимися регуляторами синхронизации событий и явлений человеческой жизнедеятельности и опыта.

Субъективное время индивида выступает чувственной формой наличной бытийности семьи посредством комплекса событий, формирующих содержание индивидуального опыта. Это содержание предполагает его упорядоченность ментальным временем, которому присущи такие характеристики: антисимметричность, длительность, интенциональность, иррефлексивность, континуальность. Использование этих характеристик демонстрирует, что само ментальное время является системообразующей основой человеческого сознания, влияющей на субстанциональные параметры и контент субъективности. Ментальность времени становится основным компонентом системы чувственных образов, индивидуальных значений и смыслов коллективно-семейного сознания индивидов. Варианты становления социальных групп, включающих индивидов с ОВ, весьма многообразны. При этом интенсивность подобного становления индивида в рамках семейного бытия возрастает в интервалах социальных изменений и трансформаций. В подобных ситуациях индивиды переходят на новые ступени социального и индивидуального бытия, что отражается в диалектике объективного и субъективного проживания и переживания внутренней темпоральности.

Постулируем важность признания самой бытийности «субъективного настоящего» в про-

странстве семьи для исследования специфики механизмов и регуляторов переживания и проживания времени в семейных отношениях. Сфера «настоящего» семейного бытия предстает в качестве длительного настоящего, в котором реализуется переживание индивида своей жизнедеятельности, а также как граница опыта, определенного до индекса «настоящее» и выражающего возможности и перспективы опережающего сознания индивида, связанного с процессом его вхождения в семейное бытие. «Субъективное настоящее» необходимо выделять в качестве концепта, касающегося ряда аспектов существования и деятельности индивида и ее внутренней структуры, наполненной интенциональными действиями индивида по формированию пространства семьи. Утверждение характеристики длительности «настоящего существования семьи» позволяет обозначить два его базисных понимания. С одной стороны, «субъективное настоящее» предстает как интервал с определенной длительностью. В границах этой длительности осуществляется целостное восприятие в сознании индивида «потока» ментальных образов. Учитывая особенности темпоральной референции целесообразно применение интервальной структуры времени, дающей возможность представлять интервалы с неопределенными границами, что отражает реалии зафиксированных локально-исторических границ становления пространства семьи в традиционном и включающем обществе. Такая структура субъективного времени является интервально-моментной структурой, на которой определены интервалы, стадии и моменты. Моментам соответствуют ментальные образы, явления и состояния осознания и осмысления индивидом собственного бытия в бытии семьи. При этом интервалы не просто упорядочивают «поток» состояний и образов в семейном пространстве, но и образуют между ними переход.

Самоидентичность индивида в пространстве семьи связана с выделением сферы внутренней определенности субъективного времени. Последнее коррелирует с двумя основными уровнями осознания индивидом собственного бытия в пространстве семьи: уровнем перспектив и оценочным уровнем. Уровень перспектив соотносится со сегментом «настоящее-будущее». Оценочный уровень связан с сегментом «прошлое-настоящее». При этом оценочный уровень демонстрирует специфику обращения к изначальным концептуальным аспектам интерпретации и понимания субъективного времени. Обогащение концептуальных возможностей сегмента «прошлое-настоящее» позволяет оценить основные качественные параметры субъективного времени индивида с ОВ, связанные с его определенностью относительно выделения в интервале «потока сознания» явлений и событий, из различий и отношений, многообразия и последовательности. Реализуется оценка сферы прошлого (досемейного бытия), в которой реконструируются мыслительные процессы индивида. Важность этого момен-

та касается выявления параметров субъективного времени индивидов в пределах их перехода в пространстве семьи от современного традиционного общества к обществу включающему. Приоритет направлен на рассмотрение количественных параметров субъективного времени, определяющих его темп и интенсивность, а также аккумулирует сферы биологического, психологического и индивидуального времени индивида в бытии семьи.

Уровень перспектив показывает целерациональный вектор относительно сегмента будущего времени, связанного со стабилизацией процессов внутри семейного пространства. Он демонстрирует возможности операционально-мыслительной деятельности индивидов по формированию устойчивых семейных отношений. Осуществляется реконструкция содержания субъективного времени не просто с учетом осознания и осмысления индивидом особенностей собственного бытия в жизнедеятельности семьи, но и синтезируются представления о происходящих трансформациях в его операционально-мыслительной деятельности, связанные с процессом вовлеченности индивида в социальную общность.

Заключение. Социально-конструктивное использование темпоральности в качестве базисной методологической характеристики субъективного времени значимо в формировании семейного пространства как уникального сообщества, оптимизирующего темпоральность как фактор упорядочивания и систематизации жизнедеятельности и коммуникации индивидов. В рамках диалогизации темпоральности необходимо вести дискурс, касающийся конструирования социальной действительности с приоритетом на локально-социальные общности, на формирование стабильно развивающегося бытия семьи. Как результат, выделение и исследование механизмов социальных трансформаций происходит в рамках перехода от изучения общества в целом к выделению социальных групп различной модальности в традиционном и включающем обществе.

Литература

1. Аверина Н.В., Лойтаренко М.В., Попов В.В., Щеглов Б.С. Особенности альтернативности в социальных трансформациях // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 9–9. С. 2115–2119.
2. Вачков И.В. Полисубъектный подход к инклюзивному пространству // *Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность*. Москва: МГППУ, 2019. С. 16–20.
3. Научные исследования: информация, анализ, прогноз // Липская Т.А., Алдашова Е.Н., Атласов И.В., Батракова Т.С., Воронина Л.В., Гринь А.И., Гущина О.М., Донских Т.П., Дроздова Н.В., Егоров Д.В., Ильченко И.А., Каменева И.Ю., Колобкова Н.Н., Кондратьева М.В., Копытина М.Ю., Липич В.В., Мифтахова Г.М., Никитина В.В., Парахонский А.П., Попрядухина Е.А. и др. Под общей редакцией профессора О.И. Кирикова / Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж, 2009. Том 25. 244 с.
4. Паутова Л.Е. Акме-синергетический подход к позиционированию успеха в системе инклюзивного образования // *Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность*. Москва: МГППУ, 2019. С. 76–83.
5. Попов В.В., Агафонова Т.П. Специфика темпоральности правового сознания социального субъекта // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2–25. С. 5730–5733.
6. Попов В.В., Агафонова Т.П. Научная рациональность и рациональность в науке // *Философия права*. 2012. № 5 (54). С. 86–90.
7. Попов В.В., Музыка О.А., Коженко Я.В. Социальные трансформации в правовых отношениях // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2017. № 3–2. С. 315–318.
8. Попов В.В., Музыка О.А., Киселев С.А. Концепция транзитивности и трансформации общества // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2017. № 1–2. С. 365–368.
9. Попов В.В., Лойтаренко М.В. Социальная нестабильность в информационном обществе // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2014. № 4. С. 198–199.
10. Попов В.В., Самойлова И.Н., Щеглов Б.С. Аналитическая философия истории в постнеклассическом дискурсе. Таганрог. 2007. 124 с.
11. Попов В.В., Щеглов Б.С., Грановская М.В. Специфика концепта «интервал» в исследовании социальных процессов // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2–4. С. 872–875.
12. Попов В.В., Музыка О.А. Специфика интервальной концепции времени: опыт концептуализации // *Международный журнал экспериментального образования*. 2015. № 3–2. С. 36–39.
13. Попов В.В., Щеглов Б.С., Степанищев С.А. Особенности корреляции социального времени и социального действия // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2–4. С. 868–871.
14. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Социальное противоречие в контексте нелинейных процессов // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2017. № 1–2. С. 361–364.
15. Попов В.В., Музыка О.А., Киселев С.А. Концепция транзитивности и трансформации общества // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2017. № 1–2. С. 365–368.
16. Хубиев Б.Б. Политика государства в отношении семьи в переходном обществе (социально-философские аспекты) // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2008. № 3. С. 150–163.

PHENOMENOLOGICAL CONSTRUCTION “THE PRESENT” IN THE SUBJECTIVE TIME OF THE INDIVIDUAL IN THE SPACE OF THE FAMILY IN THE INCLUSIVE AND TRADITIONAL SOCIETY

Popov V.V., Bulanaya Yu.V.

Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) Rostov state University of Economics (RINH), Donetsk National University of Economics and Trade named after M. Tugan-Baranovsky

Currently, in the scientific and socio-philosophical literature, there is a discussion of the formation of the concept of inclusion with access to various aspects of the life of individuals with disabilities. The article studies the specifics of the subjective time of an individual in the space of a family in an inclusive and traditional society using the temporal concept of “the present”. It is shown that subjective time acts as a certain temporally-oriented duration of the existence of an individual in the space of a family in a transforming society. The “present” determines the contemplative activity of the individual, the past is connected with the historical memory of the individual, and the future projects and constructs the mental regulators of human consciousness, initiating the basic parameters and characteristics of the imagination. It is postulated that temporality as a basic characteristic of the individual’s subjective time in the family space is presented as an individual essential parameter in relation to the collective consciousness of individuals in family life. It is substantiated that the subjective time of an individual acts as a sensual form of the family’s existing existence through a complex of events that form the content of individual experience. It is demonstrated that the “real” sphere of family life appears as a long present, in which the individual’s experience of his life activity is realized, and also as the boundary of experience, defined up to the “present” index and expressing the possibilities and prospects of the individual’s anticipatory consciousness associated with the process of his entry into family life. Attention is drawn to the fact that the self-identity of the individual in the space of the family is associated with the allocation of the sphere of internal certainty of subjective time. The latter correlates with the two main levels of an individual’s awareness of his own existence in the family space: the level of perspectives and the evaluative level.

Keywords: subjective time, temporality, the concept of “real”, including society, traditional society, family space, family life, phenomenology, limited opportunities (OS).

References

1. Averina N.V., Loitarenko M.V., Popov V.V., Shcheglov B.S. Features of alternativeness in social transformations // *Fundamental research*. 2014. No. 9–9. pp. 2115–2119.
2. Vachkov I.V. Polysubject Approach to Inclusive Space// *Inclusive Education: Continuity and Continuity*. Moscow: MGPPU, 2019. P. 16–20.
3. Scientific research: information, analysis, forecast // Lip-skaya T.A., Aldashova E.N., Atlasov I.V., Batrakova T.S., Voronina L.V., Grin A.I., Gushchina O.M., Donskikh T.P., Drozdova N. .V., Egorov D.V., Ilchenko I.A., Kameneva I. Yu., Kolobkova N.N., Kondratieva M.V., Kopytina M. Yu., Lipich V.V., Miftakhova G.M. ., Nikitina V.V., Parakhonsky A.P., Popryadukhina E.A. and others. Under the general editorship of Professor O.I. Kirikov / *Voronezh State Pedagogical University*. Voronezh, 2009. Volume 25. 244 p.
4. Pautova L.E. Acme-synergetic approach to positioning success in the system of inclusive education // *Inclusive education: continuity and succession*. Moscow: MGPPU, 2019. P. 76–83.
5. Popov V.V., Agafonova T.P. Specifics of the temporality of the legal consciousness of a social subject // *Fundamental Research*. 2015. No. 2–25. pp. 5730–5733.
6. Popov V.V., Agafonova T.P. Scientific rationality and rationality in science // *Philosophy of Law*. 2012. No. 5 (54). pp. 86–90.
7. Popov V.V., Muzyka O.A., Kozhenko Ya.V. Social transformations in legal relations // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 3–2. pp. 315–318.
8. Popov V.V., Muzyka O.A., Kiselev S.A. The concept of transitivity and transformation of society // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 1–2. pp. 365–368.
9. Popov V.V., Loitarenko M.V. Social instability in the information society // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2014. No. 4. S. 198–199.
10. Popov V.V., Samoilova I.N., Shcheglov B.S. Analytical philosophy of history in post-non-classical discourse. *Taganrog*. 2007. 124 p.
11. Popov V.V., Shcheglov B.S., Granovskaya M.V. The specificity of the concept “interval” in the study of social processes // *Fundamental research*. 2015. No. 2–4. pp. 872–875.
12. Popov V.V., Muzyka O.A. The specificity of the interval concept of time: the experience of conceptualization // *International Journal of Experimental Education*. 2015. No. 3–2. pp. 36–39.
13. Popov V.V., Shcheglov B.S., Stepanischev S.A. Features of the correlation of social time and social action // *Fundamental research*. 2015. No. 2–4. pp. 868–871.
14. Popov V.V., Muzyka O.A., Timofeenko V.A. Social Contradiction in the Context of Nonlinear Processes // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 1–2. pp. 361–364.
15. Popov V.V., Muzyka O.A., Kiselev S.A. The concept of transitivity and transformation of society // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 1–2. pp. 365–368.
16. Khubiev B.B. State policy regarding the family in a transitional society (social and philosophical aspects) // *Uchenye zapiski Rossiiskoi gosudarstvennogo sotsial’nogo universiteta*. 2008. No. 3. S.150–163.

Правозащитная и правоохранительная виды деятельности органов прокуратуры Российской Федерации: к вопросу о наполнении смысловых объемов

Потапова Лариса Валерьевна,

доцент кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета
E-mail: lvpotapova2014@yandex.ru

Представленная научная статья посвящена анализу смысловых объемов правоохранительной и правозащитной деятельности, реализуемых органами прокуратуры Российской Федерации в качестве самостоятельных юридических процессов. В тексте сделан акцент на отсутствие к настоящему времени в специальной правовой литературе единообразного восприятия правоохранительной деятельности с позиции ее содержательного наполнения, признаков и значения.

Автором даны субъективно окрашенные определения правоохранительной и правозащитной деятельности через призму направлений работы органов российской прокуратуры. Отмечено, что прокуратуре Российской Федерации предоставлена законодательно оформленная возможность (обязанность) как одновременного использования режимов охраны и защиты, так и их чередование.

Сегодня прокуратура России с помощью спектра надзорных и ненадзорных полномочий, образующих ее компетенцию, способствует обеспечению, поддержанию, восстановлению нарушенных прав, свобод, интересов, привлечению виновных лиц к установленной законом ответственности. Совокупностью разновекторных действий, сопряженных с применением правовых инструментов (правовых средств), органы прокуратуры Российской Федерации сохраняют стабильность: поддерживают законность и правопорядок на всей территории государства. Выдвинуто суждение о прокуратуре как об уникальном правоохранительном и правозащитном элементе структуры государственного механизма, единственном в государстве органе конституционного надзора; сформулирован вывод о необходимости укрепления ее позиций на законодательном уровне, в частности, посредством проведения реформаций, которые могут быть рассмотрены как важнейшее условие формирования полноценного гражданского общества и окончательного построения правового государства.

Ключевые слова: прокуратура, правоохранительная, правозащитная виды юридической деятельности; правовые инструменты.

Конституция Российской Федерации в ч. 1 ст. 129 провозгласила прокуратуру единой федеральной централизованной системой органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на всей ее территории, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции[1]. На уровне Основного закона общества и государства в фокус внимания поставлена особая роль прокуратуры по обеспечению соблюдения прав и свобод человека и гражданина теми органами, должностными лицами, организациями, перечень которых содержится в специальном правовом акте[2].

Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2 Конституции РФ) в лице соответствующих субъектов. Приоритетные позиции в решении этих задач занимают органам прокуратуры.

Цели, предназначение, функции, компетенция органов прокуратуры имеют ярко выраженный правозащитный, правоохранительный оттенки.

В пункте 2 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» четко прописаны цели: обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Обозначенная законодательная конструкция позволяет наталкивает на вывод о необходимости рассмотрения прокуратуры в статусе правозащитного и правоохранительного элемента государственного аппарата.

Вместе с тем, охрана права и защита права – не являются категориями с тождественным содержанием наполнением. Это разновидности деятельности юридической, базис которой образует единство компонентов правового механизма, обеспечивающих включение и реализацию режимов охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина, интересов иных лиц, общества и государства в целом. Прокуратура РФ, несомненно, является государственным институтом, принимающим активное участие в формировании гражданского общества, создающим необходимые условия для его эффективного функционирования.

На протяжении всех исторических периодов менялось восприятие прокуратуры в общественном

сознании: от карательной силы до органа, к которому может обратиться любой человек в случае потребности в получении юридического консультирования, при посягательстве, воспрепятствовании в реализации, нарушении принадлежащих ему прав и свобод. В этой связи, часто используется выражение: «Прокуратура – это адвокатура для бедных».

Сегодня прокуратура России через спектр надзорных и ненадзорных полномочий, образующих ее компетенцию, способствует поддержанию, обеспечению, восстановлению нарушенных прав, свобод, интересов, нарушенной законности, привлечению виновных лиц к ответственности. Совокупностью разновекторных действий органы прокуратуры сохраняют стабильность: поддерживают законность и правопорядок на всей территории государства.

Органам прокуратуры Российской Федерации предоставлена законодательно оформленная возможность (обязанность) одновременного использования как режимов охраны и защиты, так и их чередование.

К настоящему времени в юридической литературе не достигнут консенсус в понимании правоохранительной деятельности с позиции содержания наполнения, признаков; ученые неоднозначно трактуют и ее значение. Широкий диапазон взглядов позволяет выдвигать и обосновывать различные авторские подходы.

Правоохранительной можно называть такую государственно-властную деятельность, в основе которой положен комплекс взаимосвязанных мер, направленных на предупреждение нарушений закона, причин и условий, им способствующих.

Правозащитная деятельность – система законодательно очерченных мероприятий, направленная на устранение всяческих препятствий к реализации права, свободы, интереса. Правозащитные механизмы включаются тогда, когда возникает потребность в восстановлении нарушенной законности, нарушенного права (свободы, интереса), привлечению виновных в этих нарушениях лиц к установленной законом ответственности, иными словами, когда необходимо восстановить социальную справедливость в узком и широком смысле[3].

В представленных определениях критерием разграничения сходных юридических процессов выступает момент совершения правонарушения. Но несмотря на условное различие, имеется множество сходных черт: цель; правовые инструменты; государственно-властный характер; субъект реализации охраны и/или защиты и т.п.

Российская прокуратура – правоохранительный и правозащитный государственный институт.

«Око государево» неоднородно с точки зрения своего функционального окраса. В соответствии с положениями Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» на органы прокуратуры возложено выполнение полномочий по следующим направлениям:

- надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации, исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации;
- надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина;
- надзор за исполнением законов судебными приставами; надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, все формы предварительного расследования;
- надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание, применяющих меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу;
- надзор за исполнением законодательства РФ о несовершеннолетних;
- координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью;
- участие в правотворческой деятельности;
- участие в осуществлении международного сотрудничества;
- участие в осуществлении уголовного преследования;
- участие в рассмотрении дел судами (включая все, предусмотренные Конституцией РФ, формы судопроизводства).

И в каждой из обозначенных сфер прокуратура преследует цели охраны и защиты общества и государства, личности; защиты интересов, прав, свобод.

Эффективное осуществление как правоохранительной, так и правозащитной работы требует обеспеченности необходимыми и достаточными правовыми инструментами, в роли которых выступают полномочия, воплощенные в реальных правовых средствах.

Правовые средства, в свою очередь, классифицируются по разным основаниям. Это могут быть правовые средства превентивного характера; правовые средства, направленные на выявление нарушений закона; правовые средства реагирования на нарушения закона. Кроме того, имеется определенная специфика при дифференцировании правовых средств, применяемых в ненадзорном пространстве.

При осуществлении надзора традиционно рассматривают правовые инструменты профилактического воздействия; выявления нарушений закона; реагирования на нарушения. Такая градация коррелирует со стадиями надзора как непрерывного государственного процесса.

В части профилактики органы прокуратуры используют широкий арсенал правовых механизмов (средств): профилактические беседы (особенную актуальность данный инструмент приобретает при осуществлении надзора за исполнением законодательства РФ о несовершеннолетних); правовое информирование, просвещение (в некотором смысле даже правовая пропаганда); информационные письма и доклады; ежедневный мониторинг

информационного интернет – контента; работа по рассмотрению обращений; направление (объявление) предостережения о недопустимости нарушения закона в статусе самостоятельного акта прокурорского реагирования, предусмотренного ст. 25.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и прочее.

К правовым средствам выявления нарушений закона отнесена прокурорская проверка. Основания, сроки, порядок и некоторые особенности ее организации и проведения отмечены в тексте Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», а также в правовых актах Генерального прокурора РФ (в частности, определения специфики проверочного мероприятия в привязке к конкретной отрасли надзора).

Средства реагирования представлены актами прокурорского реагирования (установлены Федеральным законом «О прокуратуре РФ», приказами и указаниями Генерального прокурора РФ), а также правовыми механизмами судебной защиты (например, обращение прокурора с иском заявлением).

Максимально ярко правозащитная направленность деятельности органов российской прокуратуры проявляется через реализацию полномочий (правовых средств) при осуществлении надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, обозначенного законодателем в качестве самостоятельного направления деятельности прокуратуры (ст. 1, глава 2 Раздела 3 Федерального закона «О прокуратуре РФ»). Прокуратура обеспечивает реализацию, охраняет, защищает, восстанавливает права и свободы, установленные Конституцией РФ (личные, социальные, экономические, политические, духовные), воспринятые на уровне федерального законодательства, либо непосредственно, либо в опосредованном режиме (например право на жизнь прокуратурой обеспечивается и охраняется через надзор за исполнением трудового, экологического законодательства РФ и т.д.).

Ненадзорные направления деятельности органов прокуратуры также обеспечены и используют в полном объеме разнообразные правовые средства, их набор обусловлен спецификой вида деятельности, в котором они применяются.

Для примера: участие прокурора в рассмотрении гражданских дел судами позволяет использовать следующие правовые средства: обращение с иском в суд в защиту неопределенного круга лиц, в защиту нарушенных прав лиц, которые по разнообразным причинам (оценочного характера) не могут самостоятельно совершить указанные действия; дача заключения по делу (после вступления в судебный процесс на любой его стадии); внесение апелляционных, кассационных и надзорных представлений в случаях усмотрения незаконного, необоснованного, несправедливого решения суда.

При осуществлении правотворческой деятельности органы прокуратуры осуществляют экспер-

тизу законопроектов, дают заключения на данные проекты, а в случае принятия незаконного правового акта поднадзорным объектом – реагируют на данный факт принесением протеста, добиваются исполнения требований, в нем содержащихся.

Прокуратура России на протяжении более 300 лет выступает мощнейшим рычагом воздействия на общество, является той силой, которая обеспечивает стабильность государства; охраняя и защищая интересы, права и свободы, она, тем самым, устанавливает законность и правопорядок.

Несмотря на доказанную временем способность к успешному выполнению многообразных обязанностей правоохранительного и правозащитного толка, безусловно, прокуратуре требуется обновление. Речь идет о необходимости усиления прокурорской власти в аспекте придания большего императива тем правовым средствам, которые находятся в распоряжении органов прокуратуры для реагирования на выявленные нарушения закона.

Современная прокуратура в известной степени является посредником между нарушителем и тем, чьи права, свободы и интересы нарушены, иначе, окончательным арбитром в разрешении правового конфликта выступают органы правосудия. Прокуратура лишена прямой законодательной возможности восстановления законности, нарушенных прав, свобод и интересов. Требуется придание максимальной обеспечительной силы мерам прокурорского реагирования. Представляется, только такой подход позволит успешно достигать тех целей, которые намечены.

Таким образом, прокуратура России – уникальный правоохранительный и правозащитный элемент структуры государственного механизма [4], единственный в стране орган конституционного надзора (не контроля); укрепление ее позиций на законодательном уровне (посредством проведения реформаций) – необходимое условие формирования полноценного гражданского общества и построения правового государства.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.93 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 года;
2. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202–1 //РГ, № 39, 18.02.1992;
3. Изложенные в тексте определения, безусловно, носят субъективный характер и не содержат претензий на признание их единственно верными – примечание автора;
4. Каинов А.С. Прокуратура как особый правоохранительный орган // Юридическая наука. 2016. № 3. С. 101.

HUMAN RIGHTS AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF THE PROSECUTION AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION: ON THE ISSUE OF FILLING SEMANTIC VOLUMES

Potapova L.V.

Ural State Law University

The presented scientific article is devoted to the analysis of the semantic volumes of law enforcement and human rights activities implemented by the prosecution authorities of the Russian Federation as independent legal processes. The text focuses on the absence to date in the special legal literature of a uniform perception of law enforcement from the standpoint of content, features and meaning. The author gives subjectively colored definitions of law enforcement and human rights activities through the prism of the areas of work of the Russian prosecutor's office. It is noted that the Prosecutor's Office of the Russian Federation is provided with a legally formalized opportunity (duty) of both the simultaneous use of security and protection regimes, and their alternation.

Today, the Prosecutor's Office of Russia, with the help of a range of supervisory and non-supervisory powers that form its competence, contributes to ensuring, maintaining, restoring violated rights, freedoms, interests, bringing perpetrators to the responsibility established by law. By a combination of multi-vector actions associated with the use of legal instruments (legal means), the prosecution au-

thorities of the Russian Federation maintain stability: they maintain law and order throughout the state.

A judgment has been put forward about the prosecutor's office as a unique law enforcement and human rights element of the structure of the state mechanism, the only body of constitutional supervision in the state; the conclusion is formulated about the need to strengthen its position at the legislative level, in particular, through reforms, which can be considered as the most important condition for the formation of a full-fledged civil society and the final building of a law-based state.

Keywords: prosecutor's office, law enforcement, human rights types of legal activities; legal instruments.

References

1. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by a nationwide vote on 12/12/93 with amendments approved during a nationwide vote on 07/01/2020;
2. Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» dated January 17, 1992 No. 2202-1 //RG, No. 39, February 18, 1992;
3. The definitions set forth in the text, of course, are subjective and do not contain claims to recognize them as the only true ones – the author's note;
4. Cainov A.S. Prosecutor's office as a special law enforcement agency // Legal science. 2016. No. 3. P. 101.

Социально-философский анализ категории национальной политики государства

Похожаев Валерий Иванович,

старший помощник начальника отдела организации научной работы и подготовки научно-педагогических кадров; соискатель; Военный Университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: 11300vch@mail.ru

В статье с социально-философской позиции исследуются подходы к определению национальной политики государства, в основу которой легли категории «политика» и «национальная политика». Опираясь на авторитетное мнение отечественных и зарубежных исследователей в этом весьма сложном, интересном и важном направлении автор проводит анализ имеющиеся подходов, определяет сходства и различия во мнениях и взглядах ученых, проводит попытку объединить их в группы и делает вывод о специальном значении вышеуказанных терминов. Кроме того, в статье рассматриваются различные концепции возникновения и развития многонационального государства и определяется вектор его поступательного развития, даются определения национальной и государственной политики, представляется вывод о важности целенаправленного, профессионального и грамотного подхода к управлению межнациональными отношениями и использованию национальной политики в качестве основного инструмента в решении межнациональных проблем.

Ключевые слова: национальная политика, общество, субъекты политики, межнациональные отношения, социальные группы.

Исследование основ национальной политики требует философского осмысления категорий «политика» и «национальная политика», состоящих, в свою очередь, из национального (этнологического) и собственно социально-философского компонентов.

Понятие «политика» является многозначным. К вопросу о том, что на самом деле необходимо понимать под «политикой», неоднократно обращались самые известные ученые разных времен. Одним из них являлся М. Вебер, который отвечал, что политика – крайне многоаспектное понятие, поскольку существуют, например, политики государства, политики банков, политики в корпорациях, политики общин (в городах и селах).

А. Панарин, один из наиболее активных отечественных специалистов в этой области, отмечает, что политика – понятие, которое должно рассматриваться в трех аспектах, связанных между собой:

первый аспект предполагает, что политика – одна из главнейших областей в жизни общества;

во втором аспекте политика рассматривается как вид активности, осуществляемой социальными субъектами;

наконец, третий аспект политики заключается в том, что это определенный вид социальных взаимоотношений.

Политика, по мнению А. Панарина, не может существовать в тех областях, где действуют какие-либо непреложные законы. О политике нельзя говорить, если исход противостояния между противоборствующими силами заранее известен.

На основе представленных высказываний следует отметить, что политика в специальном значении, в собственном смысле слова, является государственным общением. Как отмечал Аристотель, любое общение ориентировано на достижение тех или иных благ, и общение, наиболее значимое, охватывающее все иные виды общения, а именно общение политическое, ориентировано на достижение высшего блага [1].

Соответственно, политика, ориентированная на достижение блага государства как высшего блага должна рассматриваться по Аристотелю в качестве основного искусства, основной науки.

В античный период политика трактовалась в качестве управления государством. Данный подход сохранил свою значимость и до сегодняшнего дня – соответствующая дефиниция присутствует в различных словарных изданиях [2].

Он также представлен в российских публикациях по вопросам, связанным с государственным

управлением. Так, в трактовке Н.И. Глазуновой наличие политики является отражением достижения обществом определенного уровня. Развитие политики, как указывает автор, происходит по мере развития общества. Политическая сфера, по мнению Н.И. Глазуновой, охватывает все то, что может решаться, делаться с использованием публичной политической власти [3].

В понимании Г.В. Баранова политика выступает в виде осуществляемой государством целенаправленной деятельности [5].

Согласно мнению В.И. Леушина, политика должна пониматься в виде государственно-правового воздействия в отношении общества [4].

Существует тесная связь между политикой и управлением. Политика представляет собой обязательный элемент управления. Соответственно, у указанного подхода имеются определенные основания. Общество, характеризующееся наличием публичной власти, имеет следующую особенность – ведущим средством управления в подобном обществе выступает государство. Государство, представленное государственными органами, в данном обществе выступает в виде носителя публичной власти.

При этом государство не обладает монополией на наличие и реализацию функций, связанных с управлением, властью.

В этой связи государственная организация не должна рассматриваться как политическая организация всего общества.

Народ выступает в качестве источника власти.

Средством выражения народной воли может являться как государство в виде представительных государственных органов. Народная воля может реализовываться в нормативно предусмотренных формах прямой демократии (референдум и др.).

Кроме того, народ может осуществлять создание общественных объединений, политических партий, оказывающих влияние на политику государства.

Общество, соответственно, оказывает влияние на государство, осуществляемую государством деятельность властно-управленческого характера, на реализуемую им политику.

В этой связи политика отражает сущность как государства, так и общества.

Г.В. Атаманчук обоснованно отмечает, что общество реализует политику в отношении государства [6], на основе социальных организаций, институтов, осуществляя воздействие на государство.

Аналогичные рассуждения представлены и иными исследователями.

Так, М. Вебер полагал, что политика является стремлением к тому, чтобы влиять на распределение власти, участвовать во власти [7].

В.И. Ленин и философы советского периода рассматривали политику в виде определения содержания деятельности государства, задач данной деятельности, форм в которых она осуществляется [8].

В энциклопедическом издании по философии, опубликованном в 1989 г., политику следует трактовать в виде особой сферы деятельности человека, связанной с завоеванием госвласти, ее удержанием, использованием в связи с отношениями социальных групп [9].

На основе указанных подходов следует отметить их взаимодополняющий характер. Таким образом, возможно выделение отдельных видов политики исходя из такого критерия, как субъект ее осуществления. Возможна политика, реализуемая государством, правящей, оппозиционной партиями, и др.

Гражданское общество оказывает влияние на политику государства, участвует в ней, и в этой связи уместно вести речь о политике, реализуемой гражданским обществом.

Представляется возможным вести речь и о политике всего общества. Данная политика может трактоваться в виде результирующего вектора политики, реализуемых всеми присутствующими в политической системе составляющими – государственными и негосударственными.

Данный вектор имеет определяющее значение с точки зрения направления развития общества.

Трактуя политику в виде сферы, в которой осуществляется общественная деятельность, она может пониматься как деятельность, осуществляемая отдельными членами общества, социальными группами.

При этом подход, предполагающий понимание политики лишь в виде определения вектора развития, не является достаточным.

Для того, чтобы развитие соответствовало критерию эффективности, необходимы процедуры, средства, способы, приемы, методы осуществления социальных функций.

В то же время необоснованным является понимание политики лишь в виде выбора и применения указанных процедур, методов и др.

Обоснованным видится подход Ж.Т. Тощенко, Г.В. Атаманчука, иных исследователей, которые трактуют политику в виде комплекса, включающего цели, задачи целенаправленной деятельности субъекта, осуществляемой на практике, а также методы, и средства, которые используются в рамках данной деятельности [10, 11].

Присущие деятельности политического характера особенности обуславливают многообразие используемых при упорядочении общественных отношений методов, средств.

По замечанию А.С. Панарина, политика является формой, в которой осуществляется рискованная деятельность, сопровождающаяся оспариванием субъектами данной деятельности возможности определения поведения и характера власти [12]. Возникновение политики в виде сферы жизни общества происходит только при столкновении присущих соответствующим субъектам устремлений, стратегий, подходов.

Политика есть сфера, в котором реализуется стремление многообразных индивидов, социаль-

ных групп посредством воздействия на осуществляемую государством деятельность обеспечивать условия собственного существования, являющиеся благоприятными.

Указанные субъекты могут придерживаться полностью противоположных подходов, и следствием их столкновения могут являться конфликты, вплоть до сопряженных с применением насилия.

Политика ориентирована на то, чтобы обеспечивать на основе интеграции развитие каждой социальной группы и всего общества. При этом речь идет о развитии любых существующих в обществе групп вне зависимости от их территориальной, классовой, демографической, профессиональной, этнической принадлежности, размера и иных параметров. За счет политики должна обеспечиваться интеграция, концентрация усилий всех осуществляющих политическую деятельность субъектов для того, чтобы решать связанные с достижением общего блага задачи.

При анализе способов, посредством которых осуществляется подобная концентрация, необходимо учитывать целостность общества как социальной системы. Присущие социальным системам закономерности организации и функционирования определяют, что каждый из элементов развивается согласно развитию всей системы.

В этой связи усилия составляющих интегрируются, консолидируются исходя из приоритетов системы в целом. Способы интеграции могут быть представлены в виде принуждения субъектов, противодействия между ними, до достижения победы одним из субъектов и подавления другого со стороны победителя.

Соответствующая концепция, как утверждает В.А. Соколов, создана К. Марксом [13], однако, по нашему мнению, предпосылки ее формирования представлены уже в работах таких исследователей, как К. Каутский, Е. Дюринг, Л. Гумплович – сторонников насильственной теории происхождения государства. Использование силы для разрешения разногласий политического характера является, как представляется, наиболее древним способом поведения в политике.

К. Маркс и его сторонники рассматривали и рассматривают в конфликт классов в виде ведущей силы политики [14]. В качестве противоборства классов политику рассматривал В.И. Ленин [15].

При этом в качестве борьбы классов политика, сферы, в которой действуют народные массы, рассматривалась еще французскими мыслителями периода Реформации – Ж. Мишленом, Ф. Гизо, О. Тьери.

Марксисты вслед за данными мыслителями допускали возможность социальной революции и отмечали, что после победы необходимо устанавливать основанную на насилии диктатуру.

Ими было сформирована концепция, согласно которой в обществе, в котором имеются антагонистические классы, любая государственная власть

и политика основывается на классовом господстве, организованном насилии. Марксисты рассматривают в качестве классов существующие в обществе социальные группы крупного масштаба, отличия между которыми связаны с отношением к средствам производства и материальным ресурсам, и, соответственно, отношением к власти. Соответственно, наличие материальных ценностей обуславливает наличие власти.

Следует также выделить еще один подход, согласно которому политика является постоянно существующей борьбой, в которой контроль в отношении общества и получение материальных благ получают те, у кого есть власть [16].

Формирование представленных подходов соотносится с подходами к пониманию причин появления государства, отличающимися с точки зрения возникновения в различных странах государства.

Маркс как сторонник формационного подхода рассматривает политику не как результат случайного стечения обстоятельств или деятельности, осуществляемой отдельными личностями. Политика по Марксу обусловлена экономическими отношениями. Политика представляет собой надстройку в отношении экономического базиса. При этом не следует рассматривать политику таким образом, что она полностью определяется экономическими закономерностями и не зависит от имеющейся у политических субъектов воли. Однако подобный упрощенный подход высказывается рядом исследователей. Подход Маркса является и сегодня предметом повышенного интереса, в силу его объяснительных возможностей.

Экономическое положение влияет на поведение, в т.ч. и политическое. Для господствующих классов, навязывающих идеологию классам неимущих, стремятся к поддержанию социальной, и, соответственно, экономической дифференциации. Устремления неимущих классов состоят в получении власти для того, чтобы распределить блага более справедливым образом.

Подход, согласно которому вопросы в политической сфере решаются лишь на основе подавления, не является состоятельным. Однако продолжают существовать те, кто стремится его реализовать на практике. Примером могут служить продолжающиеся захватнические войны, продолжающийся экспорт революций, наличие в России и зарубежных государствах организаций экстремистской направленности.

Следует упомянуть тезис, высказанный в свое время Мао Цзэдуном, председателем КПК, согласно которому власть рождает винтовка.

При этом опыт свидетельствует, что подобный подход нередко обосновывается поверхностной трактовкой закона единства и борьбы противоположной с акцентом на борьбе без учета единства.

Следует отметить, что в философии определяющее значение придавалось и придается единству. Сохранение единства представляет собой условие сохранения смысла борьбы между противоположностями для обеспечения совершенство-

вания целого. Лишь в рамках единства возможна борьба. Борьба невозможна, если целое будет разрушено.

Теория целостных социальных систем представляет собой доказательство отсутствия возможности придавать абсолютное значение крайностям в социальных процессах.

Каждая составляющая указанных систем развивается согласно развитию всей системы. Также имеется и закон, предусматривающий обратную связь, согласно которому взаимодействующие друг с другом и всей системой составляющие системы влияют на то, как развивается система в целом.

Применительно к сфере политики данный закон предусматривает исключение подавления тех или иных интересов в связи с доминированием других интересов – необходимо уязвлять, учитывать, согласовывать интересы. Следствие согласования интересов – результирующий вектор, развитие по которому будет представлять интерес для всех участвующих в политических интересах субъектов.

Ряд исследователей исходя из подобных рассуждений используют в определении сущности политики указание на необходимость согласования интересов. Так, В.И. Буренко отмечает, что политика является одной из ключевых сфер существования общества, которая предполагает борьбу за приобретение политической власти, согласование интересов, присущих различным социальным группам, определение и осуществление интересов, являющихся общезначимыми [17]. В определении А.А. Федосеева, А.И. Демидова политика является системным единством особых черт, в числе которых особое значение присуще единству интересов, являющихся общими и частными [18]. Согласно дефиниции, представленной М.А. Фроловой, Г.В. Барановым, функции политики включают согласование интересов, присущих различным слоям населения, интересов, являющихся общими и частными [19].

Несмотря на значимость гармонизации интересов в осуществлении политики, следует учитывать, что подобная гармонизация не является универсальным средством. В некоторых ситуациях данное средство неприменимо. Примером могут быть отношения с группировками экстремистской направленности, ориентированными на то, чтобы разжечь ненависть, вражду, нарушить целостность государства в территориальном отношении, свергнуть конституционный строй вооруженным путем. Данные группировки не желают взаимодействовать с государством каким-либо образом, и единственным возможным вариантом является применение насилия для того, чтобы их подавить. Также для того, чтобы отразить вооруженную агрессию со стороны другого государства, в качестве единственного средства могут выступать лишь методы силового характера.

Видится более обоснованным рассматривать политику как сочетание методов, приемов, явля-

ющихся как диспозитивными, так и императивными. Диспозитивным следует отдавать приоритет, однако в порядке исключения следует использовать силовое воздействие в отношении тех, кто противодействует устойчивому развитию, создает угрозу для существования всей системы, ее составляющих.

В этой связи, как представляется, указание в определении сущности политики лишь согласования интересов ограничивает сущность данного понятия. Представляется обоснованным подход, согласно которому в определении отсутствует уточнение используемых средств, и присутствует лишь указание на реализацию присущих социальным субъектам интересов, потребностей.

Так, Е.Е. Шнейдерова, О.П. Морякова рассматривают политику в виде деятельности, осуществляемой индивидами, социальными группами, связанную с осознанием, представлением собственных коллективных интересов, являющихся противоречивыми, и выработкой решений, являющихся общеобязательными [22].

В трактовке И.М. Кривогуз политика является деятельностью, ориентированной на то, чтобы решать общественные проблемы, удовлетворять общественные интересы [21].

В.А. Мельник рассматривает политику как сферу деятельности, которая предполагает реализацию интересов, потребностей, которыми обладает все общество, индивиды, нации, социальные группы, классы [20].

С учетом проведенного анализа государственная политика в государстве, являющемся правовым и демократическим, может рассматриваться в виде осуществляемой государством при участии гражданского общества, относящихся к политической системе составляющих, деятельности, связанной с признанием интересов, потребностей, учетом, согласованием, защитой, осуществлением данных интересов, потребностей, для того, чтобы на основе упорядочения при осуществлении публичной власти общественных отношений обеспечивать развитие общества.

Исходя из представленного определение может быть выведено определение государственной национальной политики. Представляется необходимым рассматривать данную политику в качестве политики в области национальных отношений, этнической политики. В национальных отношениях в качестве ведущих субъектов выступают общности людей, являющиеся организованными в этническом отношении.

Национальную политику следует рассматривать в качестве осуществляемой государством, иными политическими движениями, организациями и институтами деятельности, ориентированной на то, чтобы учитывать интересы, потребности, которые имеются у этносов, гармонизировать и реализовывать данные интересы и потребности, а также регулировать отношения этносов друг с другом.

Основополагающим фактором в национальной политике является согласование интересов этносов, возможность народа реализовывать свои права для достойного и свободного существования, сохраняя свою самобытность языковую и культурную составляющие.

За счет национальной политики регулируются взаимоотношения – экологические, экономические, социальные, религиозные, политические, языковые, культурные, духовные – этнических групп, наций.

В качестве политики в целом она является как обоснованной в научном отношении осуществляемой государством – его центральными, местными органами – деятельности, так и искусством.

В данном значении она предусматривает необходимость детально изучать национальные процессы, их диалектику, объективные тенденции, эффективное и конкретное решение национальных проблем с учетом всего комплекса факторов объективного, субъективного характера, связанных с национальными настроениями, национальным самочувствием и др.

Национальная политика, осуществляемая важнейшими социальными (этнические общности, национальные элиты и лидеры) и институциональными (государство, политические партии, общественно-политические организации и движения) субъектами, имеет свои объекты. К ним относятся носители этнических свойств, межнациональные отношения и возникающие проблемы в них, межнациональные конфликты, статус этноса в обществе и ряд других. Кроме того, этносы и национально-государственные образования также можно отнести к объектам национальной политики.

Национальная политика является одной из составляющих реализуемой в политическом государстве политики. При этом она характеризуется наличием относительной самостоятельности и может обуславливать как повышение, так и замедление темпов развития общества.

Управлять национальной политикой необходимо, учитывая специфику сосуществования определенных народов друг с другом, качество социально-экономического развития каждого из народов, наличие и влияние национальных элит, особенности климатического и иного характера. Отметим, что любая национальная политика является комплексной (т.е. предусматривает элементы языковой, культурной, демографической политики).

Любая национальная политика должна быть обоснованной с научной точки зрения. Она должна базироваться на существующих межнациональных отношениях, препятствовать тому, чтобы такие отношения приводили к конфликтным ситуациям между представителями разных народов. Таким образом, использование национальной политики должно способствовать устранению конфликтогенных факторов.

Литература

1. Аристотель. Политика // Аристотель: Сочинения: В 4 т. – Т. 4. – М., 1984. – С. 376.
2. См., напр., Словарь иностранных слов (М., 1987), где на с. 380 сказано, что в буквальном переводе с греческого политика есть искусство управления государством.
3. См.: Глазунова Н.И. Система государственного управления. – М., 2003. – С. 22.
4. Леушин В.И. Государственно-правовое воздействие на социальные системы // Теория государства и права: Учеб. пос. для вузов / Под ред. проф. В.М. Корельского и проф. В.Д. Перевалова. – 2-е изд. – М., 2000. — С. 67.
5. Политология: Словарь понятий и названий: Учеб. пособие / Ред.-сост. Г.В. Баранов. – Омск, 2004. – С. 193–197.
6. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: Курс лекций. – 2-е изд., доп. – М., 2004. – С. 549.
7. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 646.
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 33. – С. 340; Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя. – М., 1975. – С. 320.
9. Философская энциклопедия / Гл. ред. Ф.В. Константинов. – Т. 4. (Наука логики – Сигети). – М., 1967. – С. 295.
10. См.: Атаманчук Г.В. Указ. соч. – С. 81; Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность: Социологические очерки. – М., 2003. — С. 136–137.
11. Тощенко Ж.Т. Указ. соч. – С. 136; Словарь по обществоведению: Учеб. пособие для абит. вузов. – М., 2002. – С. 247.
12. Панарин А.С. Политология: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2004. – С. 3.
13. Соколов В.А. Политология для студентов вузов. – Ростов н/Д., 2003. – С. 4.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 4. — С. 419–459.
15. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 33. – С. 25.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 3. – С. 63; Т. 37. – С. 394, 420. См.: Кривогуз И.М. Указ. соч. – С. 23.
17. Буренко В.И. Краткий терминологический словарь // Политология: Учебник для вузов / Под ред. В.И. Буренко, В.В. Журавлева. – М., 2004. – С. 313.
18. Демидов А.И., Федосеев А.А. Основы политологии. – М., 1995. – С. 78. Фролова М.А. Указ. соч. – С. 136.
19. Мельник В.А. Современный словарь по политологии. – Мн., 2004. – С. 301.
20. См.: Кривогуз И.М. Указ. соч. – С. 24.
21. Морякова О.В., Шнейдерова Е.П. Указ. соч. – М., 2002. – С. 132.

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE CATEGORY OF NATIONAL POLICY OF THE STATE

Pokhozhaev V.I.

Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

The article explores approaches to the definition of the national policy of the state from a socio-philosophical position, which are based on the categories of "politics" and "national policy". Based on the authoritative opinion of domestic and foreign researchers in this very complex, interesting and important direction, the author analyzes the available approaches, determines the similarities and differences in the opinions and views of scientists, makes an attempt to combine them into groups and concludes about the special meaning of the above terms. In addition, the article discusses various concepts of the emergence and development of a multinational state and determines the vector of its progressive development, gives definitions of national and state policy, presents a conclusion about the importance of a targeted, professional and competent approach to managing interethnic relations and using national policy as the main tool in solving international problems.

Keywords: National politics, society, political actors, interethnic relations, social groups.

References

1. Aristotle. *Politics* // Aristotle: Works: In 4 volumes – T. 4. – M., 1984. – P. 376.
2. See, for example, *Dictionary of Foreign Words* (M., 1987), where on p. 380 it is said that in a literal translation from the Greek, politics is the art of governing the state.
3. See: Glazunova N.I. *Public administration system*. – M., 2003. – S. 22.
4. Leushin V.I. *State-legal impact on social systems // Theory of State and Law: Textbook. settlement for universities* / Ed. prof. V.M. Korelsky and prof. V.D. Perevalova. – 2nd ed. – M., 2000. – S. 67.
5. *Political science: Dictionary of concepts and names: Proc. allowance* / Ed.-comp. G.V. Baranov. – Omsk, 2004. – S. 193–197.
6. Atamanchuk G.V. *Theory of public administration: a course of lectures*. – 2nd ed., add. – M., 2004. – S. 549.
7. Weber M. *Selected works*. – M., 1990. – S. 646.
8. Lenin V.I. *Full coll. op.* – T. 33. – S. 340; *Philosophical Dictionary* / Ed. MM. Rosenthal. – M., 1975. – S. 320.
9. *Philosophical Encyclopedia* / Ch. ed. F.V. Konstantinov. – V. 4. (Science of logic – Sziget). – M., 1967. – S. 295.
10. See: Atamanchuk G.V. *Decree. op.* – S. 81; Toshchenko Zh.T. *Ethnocracy: history and modernity: Sociological essays*. – M., 2003. – pp. 136–137.
11. Toshchenko Zh.T. *Decree. op.* – S. 136; *Social Studies Dictionary: Proc. allowance for abit. universities*. – M., 2002. – S. 247.
12. Panarin A.S. *Political Science: Textbook*. – 2nd ed., revised. and additional – M., 2004. – S. 3.
13. Sokolov V.A. *Political science for university students*. – Rostov n / D., 2003. – S. 4.
14. Marx K., Engels F. *Op.* – 2nd ed. – T. 4. – pp. 419–459.
15. Lenin V.I. *Full coll. op.* – T. 33. – S. 25.
16. Marx K., Engels F. *Op.* – T. 3. – S. 63; T. 37. – S. 394, 420. See: Krivoguz I.M. *Decree. op.* – S. 23.
17. Burenko V.I. *Brief terminological dictionary // Political science: Textbook for universities* / Ed. IN AND. Burenko, V.V. Zhuravlev. – M., 2004. – S. 313.
18. Demidov A.I., Fedoseev A.A. *Fundamentals of political science*. – M., 1995. – S. 78. Frolova M.A. *Decree. op.* – S. 136.
19. Melnik V.A. *Modern dictionary of political science*. – Mn., 2004. – S. 301.
20. See: Krivoguz I.M. *Decree. op.* – S. 24.
21. Moryakova O.V., Shneiderova E.P. *Decree. op.* – M., 2002. – S. 132.

Понимание знака за пределами пользы и информации. Знак в теории не-систем

Сафронов Алексей Владимирович,

кандидат технических наук, кафедра онтологии и теории познания, МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: alexey.safronov.w@gmail.com

В статье рассматривается проблема знака в контексте кризиса современного сциентизма и монизма вообще. Понимание знака как отношения, а не как вещи, свойственное семиотике, формирует парадигму «нереальности» текста и всех социальных отношений, основанных на коммуникации. Несмотря на то, что прагматизм преследовал цель упрощения онтологии, ее прагматизации, результатом применения идей этой философии стало не просто усложнение, но и виртуализация представлений о Вселенной. Понимание всего как информации оставило за скобками вопрос об авторстве, а значит, и об ответственности, во многом лишая читателя возможности сохранять связь с реальными источниками информации. В статье предлагается рассмотрение знака в плюралистической парадигме или, иначе говоря, в рамках теории не-систем. В этом ключе знак рассматривается как мультисубстанциальный объект не-системы или мультивещь, но данная каждой субстанции как определенное отношение в двух планах: как тип отношения и как уровень сложности отношения. Данный поход, в частности, открывает путь для исследования взаимосвязи нейронных и знаковых структур, понятий и идей.

Ключевые слова: знак, мультивещь, мультивселенная, мультисубстанциальная онтология, плюрализм, не-система, теория не-систем.

Переходя от изучения переживаний, что было актуально для романтизма, к изучению верований или убеждений, прагматизм был вынужден объявить переживания чем-то совсем простым. Одновременно знак в этой системе понятий стал равновелик мысли или ощущению. А это значит, что понимаемый таким образом знак и, следовательно, наше познание, стали не способны более проникать глубже в мысль и ощущение, анализируя их части, структуры и т.п.

В работе «Вопросы относительно некоторых способностей, приписываемых человеку» Ч.С. Пирс пишет: «...ни одна мысль, ни одно чувствование сами по себе не содержат никаких других мыслей или чувствований, но все они являются абсолютно простыми и недоступными для анализа; считать, что они состоят из других мыслей или чувствований, так же ошибочно, как и считать, что движение по прямой линии состоит из двух движений, результатом которых оно является; то есть это утверждение – метафора или фикция, параллельные истине. Всякая мысль, какой бы искусственной и сложной она ни была, является, коль скоро она дана непосредственно, просто ощущением, не имеющим частей...» [1].

О том же пишет и другой знаменитый прагматист У. Джеймс в своей «Психологии»: «Ощущения не суть нечто сложное. Основным возражением против попытки Фехнера, по-видимому, должно быть то, что любая различимая степень и любое различимое количество самого ощущения – это нераздельный факт сознания, хотя внешние причины наших ощущений и состоят из многих частей. Каждое ощущение есть непрерывное целое» [2].

Понимание ощущения как непрерывного целого, однако, есть ограничение познания. Такое ограничение мы рассматриваем как влияние биологического или информационного в науке, где организм или единица информации заведомо выступают как единицы целесообразности, как атомы смысла или даже пользы. Однако, общеизвестно, что атом всегда бывает расщеплен. Поэтому рассмотрим, может ли семиотика «копнуть» глубже в суть вещей. Есть ли у нее такой потенциал?

Семиотика (наука о знаках) началась, по большей части, с прагматизма, но, что особенно важно, она имманентно до сих пор включает в себя элемент стремления к пользе. И это по-своему разумно, так как редукция знака к значимости, в конечном счете, оказалась весьма «полезной». В современном мире мы видим постоянную оптимизацию работы с информацией, и только то, что

по-настоящему значимо, теперь воспринимается как знак. На остальное, попросту говоря, нет времени. Однако, не правда ли, это не тот результат, к которому стремился, скажем, Уильям Джеймс? Будучи сам человеком в высшей степени образованным и добродетельным, Джеймс вряд ли думал о том, что прагматизм может привести к тотальному упрощению работы человека с информацией. Действительно, если в информации для данного человека нет никакой пользы, то зачем тратить на нее силы. Обратная сторона такого прагматизма – спекуляция фактами, стремление довести любую информацию до степени «значимой», жизненно важной.

Конечно, говоря о У. Джеймсе или Ч.С. Пирсе, мы не имеем в виду «бытовой» прагматизм, часто вырождающийся в банальную лень современного человека ставить перед собой амбициозные задачи. Прагматизм – это прежде всего пространство методологической свободы, позволяющее выбор всего и вся, от инструментов познания до законов природы, с целью достижения некоторых практических целей, удовлетворения важнейших потребностей, решения актуальных проблем. При этом представляется, что прагматизм – это половинчатая редукция, делающая только первый (биологический) шаг – от знака к значимости, но не способная ничего сообщить о самих целях, о самой целесообразности тех или иных проблем, потребностей и т.д.

Говоря о значимости, Джеймс призывает нас быть морально «сильными»: «Поступок не имеет никакой нравственной ценности, если он не был выбран из нескольких одинаково возможных. Бороться во имя добра и постоянно поддерживать в себе благие намерения, искоренять в себе соблазнительные влечения, неуклонно следовать тяжелой стезей добродетели – вот характерные проявления этической способности. Мало того, все это лишь средства к достижению целей, которые человек считает высшими. Этическая же энергия *par excellence* (по преимуществу) должна идти еще дальше и выбирать из нескольких целей, одинаково достижимых, ту, которую нужно считать наивысшей. Выбор здесь влечет за собой весьма важные последствия, налагающие неизгладимую печать на всю деятельность человека» [2].

Попытки Джеймса показать, что такое лучший поступок и что он заключается в том, чтобы не идти путем наименьшего сопротивления, следует признать неуспешной надстройкой на теле прагматизма. Современный деятельный человек, исходящий из практической пользы, очень часто просто впадает в апатию из-за неспособности получить ответ, к чему же все-таки стоит стремиться такими невероятными усилиями и с таким завидным упорством. В лучшем случае такой человек находит себе ценностный ориентир в других людях.

Рассуждения о знаке приводят к осознанию кризиса современного сциентизма, который происходит, казалось бы, во время самого расцвета

науки и техники, поражающей нас почти каждый день. В то же время мы видим, как быстро растет пропасть между теми, кто занимается наукой, и теми, кто потребляет ее плоды. И пропасть эта вовсе не в том, что одним интересно, как устроен мир, а другим – нет, как можно было бы подумать, а в том, что ученые и все остальные живут в принципиально разных знаковых системах. Если для ученых знаки все еще имеют «привкус» отражения какой-то реальности, то у потребителей науки просто нет никакой возможности почувствовать этот «привкус».

Деятельность ученых отодвигает границу знаков, которые еще «соприкасаются» с реальностью, слишком далеко от бытовых представлений зрелого человека. В тот момент, когда ребенок окончательно погружается в мир потребления знаков (созданных другими), он оказывается полностью отрезан от того, что мы бы назвали возможностью редукции к более глубокой онтологии, чем онтология значимости, ценности (или пользы).

Что же лежит за границей пользы? Существуют ли там знаки? Еще Платон утверждал, что если что-то не освещается светом блага, то его невозможно и познавать. Иными словами, бесполезное не переводимо в знаки (как их понимает прагматизм). Однако благо, в самом деле, есть продукт биологической природы, в которой есть место жизни и смерти, тогда как мир в целом, к счастью или несчастью, значительно больше его биологической прослойки. Много ли беды, что погибнет вселенная, в которой не существует и никогда не может появиться ни одной живой души? В то же время такую вселенную можно было бы познавать. Так к чему, в таком случае, на втором шаге редуцирует значимость? Чем еще более общим можно было бы фундировать существование знаков?

Вопрос крайне непростой, тем более что сами знаки, кажется, появились, тоже ради пользы – ради обособления организма, коммуникации и объединения усилий разных живых существ или даже для слаженной «работы» белков (биосемиотика).

Принято считать, что знак имеет место тогда, когда что-то одно обозначает другое (в более общем смысле – является моделью другого или правилом интерпретации одного другим). Однако для реализации этого, казалось бы, неприятельного условия онтология уже должна содержать «систему» и в ней должен быть «субъект», для которого в широком смысле существует различие в том, чтобы быть чем-то и означать что-то. Должен быть кто-то, кто разбирается в правилах интерпретации, кто способен видеть за вещью модель, а за моделью вещь.

Так, скажем, лиса отличает самого зайца от его следов на снегу или его «духа», понимая, что съесть можно только самого зайца, а не его след. Но при этом следы означают, что заяц есть и его можно выследить. Следы являются знаком зайца, но, как известно, только лиса или другой хищник в состоянии этот знак прочесть. Без субъекта

этого знака якобы не существует, так как нет никого, для кого след зайца что-либо обозначал.

Вселенная прагматизма, таким образом, – это вселенная читателя. Именно «читатель», такой как лиса, распознает здесь знаки, как будто все знаки уже даны. При этом заяц не создает знаки, он даже не пишет текст. Текст как бы возникает сам собой. Правила интерпретации одного через другое как бы возникают в силу некоторого системного детерминизма, через память или привычку. Но как может быть иначе в «системе», которая состоит только из читателей, где даже текст не создается, а возникает как чтение? Читатель и текст здесь постоянно меняются местами и «читают» друг друга. Сейчас я читатель, а через мгновение мое чтение становится текстом для другого. Упомянутая выше лиса, которая взяла след зайца, сама стала знаком для кого-то, но не стала автором этого знака.

Ролан Барт в 1967 году сообщает нам о «Смерти автора», что неудивительно, так как целостная единая вселенная без онтологического раскола не может породить «автора». Автор в такой закрытой и замкнутой на себе системе может быть только медиумом чужого текста.

Однако человек сложнее лисы, что заставляет задуматься, верны ли наши системные представления вообще. Человек может не только распознавать знаки, не только писать текст, но и играть в онтологические игры, например, создавать новые знаки, которые в момент осознания еще не отражают ничего в реальности. И это требует хотя бы базового объяснения. Например, словам «единорог» или «ангел», кажется, не соответствует ничего в окружающем мире. Точнее, не существовало до того, как они проникли в нашу «систему» из онтологического раскола. Сегодня «ангелы» и «единороги» могут оказаться участниками историй, которые вызывают неподдельные эмоции, учат и воспитывают. Следует отдать должное тому, что и понятие «стол», например, когда-то появилось таким же образом.

Такие понятия, как «ангел» или «единорог», называются пустыми, но им соответствуют непустые знаки. В своем знакотворчестве человек способен и на большее. Еще дальше в бездну знака заглянул постмодернизм, обнаружив, что бывают также и пустые знаки. От Ж. Лакана, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Делеза, М. Фуко мы узнаем, что есть знаки, которые не содержат совсем ничего реального, и читатель, или потребитель искусства, сам интерпретирует то, что видит. Фуко, более того, считает, что невозможно заложить в любой знак, даже непустой, полную определенность: он всегда лишен строго определенного смысла. Поэтому со стороны читателя в принципе всегда требуется собственная интерпретация.

Этот «трюк» постмодерна далеко не случаен. Мы видим в нем реакцию современного человека на заложенную прагматизмом управляющую или даже подчиняющую функцию знака. В известном смысле, знак-модель, знак-правило – это всег-

да данность уже совершенного чужого решения. Знак не только сообщает информацию, но и навязывает чью-то волю в виде модели ее исполнения. Знак сам является знаком того, что кто-то уже принял решение, совершил выбор, снизил уровень неопределенности, и восприятие знака как бы есть акт авторского диктата над «читателем» (в самом широком смысле). Но мы пока не видим автора и не можем решиться выделить его из системы, поэтому наше сопротивление «автору» пока подобно поведению ребенка, закрывающего от страха глаза.

Таков знак прагматизма, создавший биоинформационный мир, в котором мы живем. Как писал Норберт Винер, «организм» – это информационный «сигнал». Живая клетка – это сигнал, даже человек – это сигнал. Это информационное понимание знака еще больше подчеркивает насильственную природу знака-модели, каким его видит прагматизм. Это значит, что информация не просто дается человеку извне, но и сообщается ему как «семья» чужой жизни. Если я знаю другого, стало быть, я уже «вынашиваю» его в себе.

Ответ постмодернизма – это, пожалуй, высшая точка «самообороны» от диктатуры знаковой реальности, которая только и доступна монистическому воззрению, или, что то же самое, парадигме системного мышления. Сообщая, как Фуко, что знак всегда требует интерпретации (а мы добавим – отличной от авторской), постмодернизм говорит вовсе не то, что знак не несет никакой определенности и смысла (определенность была заложена чужой волей): он говорит, что, не интерпретируя знак, мы оказываемся под его давлением, под его контролем. Это совершенно логичная реакция на то утилитарное понимание знака как чего-то полезного (как правила достижения цели), которое возникло вместе с семиотикой.

Такое понимание знака, конечно, имеет сугубо практический смысл. К. Шеннон сообщает нам, что любой выбор снижает уровень неопределенности. Постмодернизм поэтому намеренно повышает неопределенность, чтобы сохранить толику пространства для свободы читателя в широком смысле.

Неслучайно М. Маклюэн пишет: «По-видимому, в неграмотном, лишенном письменности обществе просто невозможно сделать грамматическую ошибку. Во всяком случае, никто и никогда не слышал об этом» [3]. Этим он подчеркивает, что совершить ошибку в рамках знаковой системы может только тот, кто следует правилам этой системы. Поэтому неграмотность им в некотором смысле приравнивается к освобождению от диктата такой системы.

Постмодернистский разрыв обозначающего и обозначаемого – это как бы разрыв онтологической клетки, в которой пребывает читатель. Однако такая реакция на знак со стороны постмодернизма сама исходит из поверхностного утилитарного понимания знака. Постмодернистский методологический раскол – это лишь эрзац онтологи-

ческого раскола, который следовало бы уже признать как реальность, принимая онтологический плюрализм.

Другую крайность такого понимания знака мы наблюдаем в понятии симулякра Ж. Бодрийяра: «Речь идет уже не об имитации, не о дублировании, даже не о пародии. Речь идет о субституции, подмене реального знаками реального, то есть об операции по апотропии всякого реального процесса с помощью его операциональной копии, идеально дескриптивного, метастабильного, программированного механизма, который предоставляет все знаки реального, минуя любые перипетии» [4].

Бодрийяр, по всей видимости, продолжает постмодернистские попытки «побега» из семиотической клетки. И он совершает еще одну отчаянную акцию – сообщает нам, что знаковая реальность способна порождать внутри независимые, вполне свободные от реальности самодостаточные образования. Речь о симулякрах разного порядка и уровня, о гиперреальности. Фактически, идея Бодрийяра здесь в том, что знаковые реальности создают модели, из которых мы уже не можем добраться до реальности. Впрочем, если она существует на самом деле.

Так, А.А. Костикова отмечает, что уже на третьем порядке симулякр становится полностью неотличим от реальности: «Симулякр третьего порядка имеет своей целью симуляцию различий, в этом случае симуляция тотальна и незаметна. Симулякр третьего порядка конструирует самодостаточную гиперреальность. Являясь полностью технологичным, даже в тех случаях, где участие техники вовсе не предусмотрено, симуляция несет в себе все свои “технические” черты (операциональность, инструментальность, алгоритм)» [5].

К сожалению, Бодрийяр здесь оказывается статистом ситуации, или, по крайней мере, крайним скептиком, не видящим выхода. В лучшем случае – он мыслитель Спинозианского типа, который предостерегает нас: в познании – сила. Ибо мы не беспомощны, и все еще можем кое-где и за симулякром разглядеть его истинную природу. Хотя можем ли? Если справедливо утверждение Костиковой, то уже не можем, и симулякр третьего порядка наглухо захлопывает «дверцу семиотической клетки». Принимая эту философию, мы больше не способны из нее выбраться.

Как уже отмечалось выше, такой скептицизм сам по себе является продуктом монистической философии или теории систем (в науке), которая, кажется, достигла в постмодернизме вершины допустимой сложности обращения с Единым – своеобразного пика «монистических оговорок», после которого только «пропасть» и «пустота».

Действительно ли всякий знак является командой? Отдаляет ли симулякр нас от действительности? Конечно, да, если считать, что знак – это модель, правило действия, навязанное другим. Конечно, да, если понимать вселенную как Единое, как систему, в которой все взаимосвязано и все

есть свойства системы. Так, скажем, «польза» и само «значение» тоже оказываются свойствами системы. Выход за пределы пользы означает и выход из системы, и переход к пониманию вселенной как не-системы, переход от онтологии Единого к онтологии Многого, где есть место и воле, и онтологической игре, и той форме знака, которая предшествует знаку-модели или знаку-команде.

В «системе» знак может быть только моделью внутри Единого, то есть, в конце концов, причиной и командой, обязательной к исполнению. Если принять плюралистическую парадигму, для которой Единого не существует, знак может быть не моделью того, что и так существует (зачем же ему понадобилась модель?), не правилом, а формой взаимодействия элементов в не-системе (независимых субстанции). Тогда знак перестает быть командой, а становится сам по себе вещью и одновременно целью. Пирс неоднократно подчеркивал, что знак не является вещью, но он имел в виду обыденное представление знака как вещи в его материальном проявлении, а вовсе не онтологический смысл этого утверждения.

В то же время Пирс лишает нас возможности видеть в знаке что-то непосредственно данное, а следовательно, мы не можем проследить и процесс создания знака и переход от непосредственности к опосредованию в интерпретации внутри субъекта.

Он пишет: «Из пропозиции, что всякая мысль есть знак, следует, что всякая мысль должна обращаться к какой-то другой мысли, определять какую-то другую мысль, поскольку такова сущность знака. Это, в конечном счете, есть не что иное, как другая форма известной аксиомы, согласно которой в интуиции, то есть в непосредственно данном, нет мысли, или, иначе говоря, все, что осмысляется, имеет прошлое» [1]. Но если все, что осмысляется, имеет прошлое, то осмыслить само возникновение знака (понимаемого так) мы не в состоянии. Отсюда и цинизм современного человека, который решительно за всем видит «смысл» и часто даже «умысел», а не само существование.

Так, мы можем сказать, что дружба есть знак общения двух людей, но можем увидеть в ней и смысл этого общения. В теории систем (в рамках Единого) мы вынуждены задаться вопросом: зачем, для какой пользы, по какой причине имеет место дружба. В не-системе такой вопрос неуместен, так как дружба оказывается здесь вещью, которая прежде всего есть и есть в виде формы взаимодействия миров-субстанции. В ней и способ, и сам смысл (ценность) такого взаимодействия.

Знаки-модели прагматизма начинаются в момент такого домысливания до Единого, когда мы за дружбой стремимся увидеть биологический смысл, усмотреть информационные законы дружбы, которые подчинены законам сохранения энергии, и тому подобные вещи. Знаки-модели прагматизма снижают неопределенность, но в ряде

случаев, когда это касается человеческой свободы, делают это чрезмерно. Мы видим, что неопределенность в нашем понимании мира и других людей сейчас снизилась необыкновенно сильно, как будто «умысел» каждого для нас «как на ладони». Поэтому в постмодернизме возникает мотив – вернуть баланс неопределенности, или, проще говоря, вернуть нам другого человека, воссоздать мир, в котором есть баланс нашей и чужой воли.

Когда психолог объясняет нам, что дружба отражает наши детские комплексы и мы ищем в друге определенные психологические свойства, а биолог утверждает, что эту связь людей подкрепляет также и определенный выброс нейромедиаторов, мы, конечно, не будем тут спорить. Но заметим, что все эти объяснения недостаточны, и они построены на понимании дружбы как системного свойства. В конце концов, дружба становится здесь таким же сигналом, как любой другой, и можно было бы измерять ее с помощью датчиков на основе уровня выделения нейромедиаторов. Однако являются ли эти нейромедиаторы для нас биологическими знаками-командами, которым мы можем только подчиняться? Конечно, нет. Даже известный эксперимент Либета показал, что человек в состоянии противостоять импульсам нервной системы, отменяя ее команды, то есть как минимум свободой «неволи». Но как человек способен на это? Не означает ли это, что человек способен создавать свои собственные правила и модели, то есть заниматься творчеством знаков? И ключевой вопрос здесь тогда – как и из чего человек создает знак? Не из памяти, не из привычки, и не из потребности.

Представляется, что знак глубже встроен в онтологическую структуру мира и являет собой не только нечто обозначающее или значимое для субъекта, а вообще являет собой некоторый вид явлений природы. По крайней мере, в знаке, который нам известен, есть что-то еще, чего мы не знаем, и что существует, но не является лишь отношением вещей или «материалом» для коммуникации. И здесь мы собираемся предпринять попытку разглядеть это скрытое явление. От нуля на оси «значения» мы оттолкнемся в обратную сторону, где постараемся обнаружить то, что лежит по ту его сторону.

Онтологический раскол

Вероятностная вселенная, о которой нам постоянно рассказывают физики, может быть осмыслена как мультисубстанциальная. В такой вселенной знаки становятся внешней стороной того, что есть на самом деле – вероятность. Причинно-следственные связи мы здесь понимаем как каузальность внутри одной субстанции, тогда как связь между субстанциями обусловлена тем же, чем и связь слов в предложении.

Э. Гуссерль пишет: «Там, где мы говорим, что положение дел А есть оповещение о положении дел В, что бытие одного указывает на то, что суще-

ствует также и другое, то здесь мы можем ожидать с полной определенностью, что мы действительно обнаружим это последнее, однако, говоря таким образом, мы не имеем в виду, что между А и В наличествует отношение объективно необходимой связи; содержания суждений не выступают здесь для нас в отношении посылок и выводов». И добавляет: «Если же оповещение (или мотивационная связь, в которой оно проявляется как объективно данное отношение) не имеет существенного отношения к необходимой связи, то, конечно, можно спросить, не должно ли оно иметь сущностное отношение к вероятностной связи» [6].

Квантовая физика постоянно намекает нам, что мир не един, так как в природе существует вероятностная связь явлений, которая по сути есть информационная или знаковая связь там, где детерминизм «не имеет прав». Принимая плюрализм всерьез, мы признаем, что в мире имеют место области онтологического раскола, расщепления – иными словами, области неопределенности. В плюралистической вселенной нет Единого, точнее, нет какой-то единой вселенной, а на ее место приходит мультивселенная, но не как нечто целостное, а как совокупность или даже со-бытие Многого. Плюралистическая онтология больше не говорит о бытии, так как она говорит о со-бытии.

Тогда знак становится здесь мультисубстанциальным объектом (мультивещью) – «связующим материалом» или со-бытием для независимых субстанций и областей неопределенности. Знак прокладывает здесь мост между субстанциями, является способом и формой взаимодействия (одной из форм) онтологически не связанных частей не-системы. Специфика знака здесь, в отличие от прагматизма, заключается в том, что знак со-бытийствует как мультивещь, но дан каждой субстанции как феномен в виде отношения. Стало быть, поиск знака самого по себе, как он есть онтологически, – это изучение его мультивещности.

Для этого рассмотрим знак в двух планах: «с точки зрения» каждой субстанции (каждой вселенной), участвующей в этом процессе (тип отношения), а также в зависимости от числа таких субстанций (сложность отношения). Рассмотрим отдельно оба эти плана знака как мультисубстанциального объекта в не-системе:

- тип отношения;
- сложность отношения.

Тип отношения в не-системе определяет «точку зрения», в рамках которой знак может быть либо уже существующим, либо существующим частично, либо непосредственно создаваться. Этим типам отношения соответствуют пассивное потребление знака, деятельное потребление знака и знакотворчество.

Как пишет М. Фуко: «Давно было известно – задолго до “Кратила”, – что знаки могут быть даны природой или образованы человеком. XVI век также знал об этом и распознавал в человеческих языках установленные знаки. Однако искусствен-

ные знаки обязаны своей жизнеспособностью исключительно их верности естественным знакам. Последние издавна составляли основу всех других знаков» [7]. Фуко несомненно прав, утверждая, что, создавая искусственные знаки, человек использует знаки естественные, существующие сами по себе в природе. Однако в этом смысле знакотворчество, о котором мы говорим, надо понимать двояко: и как творчество на основе естественного «материала» каждой отдельной вселенной, и как развертывание внутренней мультиструктуры (данной нам в виде логической схемы) самого знака.

Постараемся проследить это развертывание в обратном порядке. От его финальной стадии, когда знак уже существует во всем своем со-бытии (как многочисленные отношения) и может только потребляться, до его «зародыша» как идеальной логической конструкции, которая существует только как потенциал своего осознания, и в то же время как мультивещь. Для этого дадим описание указанных типов «взаимодействия» знака с помощью информационных принципов произвольного и произвольного внимания, которые мы ранее привели в статье «Гипотеза об информационных принципах произвольного и произвольного внимания. К вопросу о теории не-систем и каузальных сред в каузальном дуализме».

В соответствии с первым предложенным принципом и его информационной интерпретацией: «В случае произвольных действий нервная система стремится расходовать ресурсы преимущественно на менее вероятные сигналы. То есть, как следствие, на более интенсивные, более контрастные и более новые и редкие сигналы» [8].

Из этого следует, что произвольное внимание связано с пассивным (бездеятельным со стороны сознания) потреблением информации. Нервная система, следуя этому принципу экономии ресурсов, отбирает из всех поступающих сигналов лишь некоторые, пропускает их дальше и многократно кодирует. В коре больших полушарий сигнал может быть осознан или не осознан. Неосознанные сигналы такого типа остаются на уровне нейронных динамических процессов, а осознанные оказываются даны также и в виде ментальной проекции, образуя в паре «процесс – проекция» какой-либо знак – образ, чувство, идею, изображение, звук и т.д.

Пассивно потребляемый знак строго индивидуален и уникален. Его обозначающее – это нейронный процесс, а обозначаемое – ментальная проекция. В свое время Фердинанд де Соссюр дал такое описание языкового знака: «Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ. Этот последний является не материальным звучанием, вещью чисто физической, а психическим впечатком звучания, представлением, получаемым нами о нем посредством наших органов чувств...» [9]. В этом смысле пассивно потребляемый знак, о котором мы говорим, является психофизическим или, точнее, психонейрон-

ным. Он может осознаваться в большей или меньшей степени, но не пониматься, то есть не иметь никакой интерпретации. Понимание знака, напротив, требует интерпретации, или, в терминах этой статьи, его деятельного потребления.

В процессе воспитания учитель или воспитатель через вторую знаковую систему формирует очаги вынужденного произвольного внимания у ребенка. Используемые при этом воспитателем или учителем знаки создают произвольные связи с произвольно потребляемыми знаками. Это новая пара «означающее – означаемое». Здесь ментальная проекция становится означаемым, а его учительская (внешняя) интерпретация – означаемым.

При этом такая интерпретация сама становится новым нейронным процессом. Этот новый нейронный процесс оказывается результатом деятельного потребления знака с участием воспитателя. Кроме того, этот новый нейронный процесс сам может выступать как означающее для своей ментальной проекции – означаемого. Этот механизм формирования ассоциаций запускает возможность самостоятельного в дальнейшем деятельного потребления знаков без учителя или воспитателя. Однако этот механизм является очень сложным и может быть классифицирован по уровню «новизны» ассоциаций от просто деятельных до знакотворческих. Это условное деление необходимо всесторонне изучать, но мы можем выделить некоторые очевидные критерии двух таких механизмов.

Отличие этих механизмов связано с тем, что деятельное потребление знака, несмотря на «деятельную» составляющую, все еще является потреблением. Деятельным его делает то, что этот знак возникает в ответ на ситуацию информационной неопределенности в результате познавательного усилия, но при этом знак не создается, а копируется из самой возникшей ситуации – стимула, решения и подкрепления. Это происходит тогда, когда уровень неопределенности «поислен» для преодоления силами потребляющего знак по сложности каузальной схемы.

Так чаще всего бывает, когда неопределенность создается учителем искусственно, и тогда она снижается также совместными с учителем усилиями. Хотя «учителя» здесь следует рассматривать в широком смысле, им может быть и воспитатель, и преподаватель, тренер, психолог, наставник, ментор или проповедник. Еще шире – любой собеседник или даже просто событие может оказаться учителем, если такой собеседник или событие порождает в человеке сомнение по какому-то поводу, и показывает его решение, подкрепляя его верность. Или не показывает решение, и тогда возникает очень важная промежуточная стадия – «неполный» знак или знак-радикал, который все еще содержит неопределенность.

«Неполный» знак, обладающий лишь потенциалом связи «означающее – означаемое» (знак-радикал), на обыденном языке можно свя-

зать с различными понятиями/состояниями: сомнение, предчувствие и др. Выход из этого состояния связан с активизацией нейронных связей, изменением каузальной топологии нейронных процессов, в результате которого знак-радикал (или знак-предчувствие) достраивается до полного знака, обладающего определенными означаемым и означающим. Этот процесс может быть охарактеризован в терминах «понимание», «осознание» и т.д. Если этот процесс происходит без участия учителя, то его можно рассматривать как знакотворческий.

Такое понимание знакотворчества соответствует второму принципу, описанному в упомянутой статье. В соответствии с ним: «В ситуациях информационной неопределенности нервная система производит собственные сигналы, которые стремятся снизить эту неопределенность». Действительно, если потребляемые знаки (в том числе деятельно потребляемые знаки) не снижают уровень неопределенности, то в этом случае нервная система стремится произвести новую каузальную схему – новый знак, решающий такую задачу.

Таким образом типы потребления и производства знаков представляют следующую иерархию:

- пассивно потребляемые знаки – нейронные процессы и ментальные проекции;
- деятельное потребление знака – новый нейронный процесс и связь с сигналами учителя;
- знакотворчество – неполный знак-предчувствие, полный знак.

При этом полный знак состоит из определенной связи ментальной проекции как обозначающего и нейронного процесса как обозначаемого. Переход от неполного знака к полному снижает уровень неопределенности. Однако сам процесс знакотворчества, как было показано, включает на первом этапе и образование неполного знака, то есть приводит вначале к росту неопределенности. Следует поэтому предположить, что возможно далеко не все неполные знаки сразу же преобразуются в полные, снижая неопределенность. Напротив, вероятнее всего имеет место некоторый баланс определенности и неопределенности, который, в свою очередь, поддерживает энергетический баланс между процессами в нервной системе.

Это связано с тем, что знаки-предчувствия (неполные знаки), вероятно, менее энергетически затратны, чем полные знаки, в кратковременной памяти и более затратны – в долговременной. Снижение неопределенности является энергетически затратным процессом, но зато после этого полный знак может быть переведен в долговременную память, что, по всей видимости, приводит к экономии ресурсов. По сути, это означает, что эмоции представляют собой экономичный вид хранения знаний (пред-знаний или схем-знаний) на уровне кратковременной или оперативной памяти. Также они, вероятно, могут направлять рациональные процессы. Роль эмоций в формировании когнитивных процессов подробно изучал А. Дамасио [10].

Рациональному сомнению предшествует эмоция сомнения или эмоция предчувствия. При этом неполные знаки обладают потенциалом к движению, они «беспокойны» и стремятся к образованию полноты. Но создаваемый ими импульс далеко не всегда достаточен, чтобы активизировать достаточно нейронных связей и процессов и образовать полный знак. Нервная система может не обладать необходимыми для этого средствами (шаблонами) на уровне нейронных структур. Это становится причиной, по которой нервная система организует проведение «исследования» (самообучение, поиск информации), поиска недостающих знаков-шаблонов. Полный знак при этом представляет собой не любое случайное сочетание ментальной проекции и нейронного процесса, а зависит от ряда факторов.

Чтобы определить, каким может или должен быть полный знак, необходимо проследить всю цепочку его образования: от причины возникновения чувства сомнения, образования знака-предчувствия со всеми его вариациями разрешения до уже конкретной схемы полного знака. Рассмотрим это на следующем примере.

Сомнение возникает как результат деятельного потребления знаков с учителем, где под учителем понимается любое информационное событие, которое создает информационную неопределенность в нервной системе. Потребляемый знак-сигнал в данном случае – это не любой знак, а такой знак, для которого в нервной системе нет соответствующего ему нейронного процесса. Например, достаточно взрослый ребенок видит, что его родитель, разговаривая со своим собеседником, краснеет. Допустим, что ребенок наблюдает такое впервые. Поэтому он не понимает, что этот знак обозначает, но видит, что поведение родителя тоже выглядит необычно. У него возникает подозрение, что он заметил что-то важное, связанное с разговором взрослых.

Ребенок может сделать какой-то неверный вывод. Например, что краснота лица родителя связана с тем, что последний заболел. Но это будет означать, что нервная система ребенка уже обладает таким знаком, то есть в его мозге имеет место необходимый нейронный комплекс, и он связан с определенной ментальной проекцией. В данном случае – с идеей болезни. Такой процесс нельзя считать знакотворчеством, так как эта связь и этот неверно считанный знак уже имели место в нервной системе ребенка. Поэтому более важно посмотреть ситуацию, когда ребенок оказывается не в состоянии сделать какой-то вывод и сохраняет сомнение.

Данное сомнение, оставаясь на уровне чувства, почти сразу формирует неполный знак-предчувствие. Его означающим является наблюдаемая ребенком ситуация или примерная схема этой ситуации, а означаемое не определено и существует в виде специальной эмоции. Такой знак энергетически затратен, так как не может быть переведен из кратковременной памяти в долговременную.

Эмоция продолжает беспокоить ребенка, часто возвращаясь в сознание при каждой ассоциации, а не укладывается в архив. Ребенок стремится выяснить причину – содержание означаемого знака.

Весьма интересно, что, чем дольше эмоция-сомнение продолжает оставаться в рабочей памяти ребенка и не получает разрешения, тем вероятнее это событие оставит эмоциональный след и в долговременной памяти. Если же ребенок быстро получает ответ на свой вопрос, то эмоция (знак-сомнение) перерождается в полный знак и сохраняется в долговременной памяти не как эмоция, а как готовая каузальная схема, то есть как некое знание. Причем в этом случае эмоции ребенка о познавательном акте на переходят в долговременную память, и он быстро забывает природу происхождения такого знания и считает его своим исходно.

Рассмотрим некий более общий вариант развития этой ситуации.

Например, ребенок спрашивает у родителя, что означал данный знак, и, скажем, получает ответ, что в комнате было жарко. Родитель не раскрывает истинное содержание означаемого. Этот вариант развития событий ценен тем, что дает возможность проследить процесс знакотворчества. Ведь ребенок догадывается, что если бы причина была в температуре, тогда краснота на лице появилась бы у всех, и его сомнения не уходят, то есть неопределенность для него не снижается.

Тревожащий ребенка неполный знак переходит в долговременную память в виде эмоции. Рано или поздно ребенок узнает, что краснота лица может вызываться разными причинами, в том числе смущением. Он вспоминает, что его родитель странно себя вел и странно говорил о такой ситуации. Все это подтверждает ему, что его родитель был смущен. Возникает постоянный знак, в котором означаемым оказывается смущение родителя, а означаемым – покраснение лица. То есть ребенок приобретает форму мышления, что родитель может смущаться. В дальнейшем такие наблюдения уже не будут вызывать у ребенка сомнение. Ребенок сам доходит в нашем примере до важного вывода, и значит, создает для себя знак. Поскольку его наблюдение стало творческим процессом, вероятнее всего, оно также найдет отражение в обычном творческом поведении ребенка – рисунках, придуманных словах, фразах и т.д.

Важно отметить, что, кроме верной интерпретации, у ребенка могла закрепиться как полный знак также и ложная интерпретация этого события. Он мог бы решить, что родитель краснеет по какой-то иной причине. Например, из-за того, что злится или боится чего-то, или что это особая очень важная способность, дающая ему преимущества. Поэтому полный знак может возникать не только как верная интерпретация события, но и как такая интерпретация, которая объясняет достаточно много и снижает уровень неопределенности. При этом уровень неопределенности оказывается информационным понятием, но зависящим не от содер-

жания информации, а только от того, соответствует ли каузальная схема события каузальной схеме нейронного процесса (его топологии) в достаточной мере.

Что значит соответствие каузальных схем? Его можно понимать в самых общих чертах, например, как смысловое соответствие. Ведь помимо обозначаемого за знаком скрывается и смысл. Г. Фреге писал: «Напрашивается мысль, связать с каждым знаком (именем, оборотом речи, письменным знаком), помимо обозначаемого, которое мы будем называть значением знака, также и то, что я называл бы смыслом знака и в чем выражается способ данности...» [11]. Однако, расчлняя знак, мы хотели бы двигаться дальше и увидеть за смыслом что-то более конкретное. Поэтому мы понимаем это как топологическое соответствие.

В частности, известна теорема Краскала [12]. Это теорема, которая дает последовательность графов (деревьев), составленных из, например, трех типов вершин. Причем одним из условий этой теоремы является то, что «ни одно дерево не должно являться частью более позднего дерева или повторять его». Иными словами, каждый следующий граф не просто структурно сложнее предыдущего – он не включает ни один из предыдущих как свою часть. На уровне топологии это можно проиллюстрировать на примере таких двух последовательностей:

- 1) шар и объемная восьмерка,
- 2) тор и объемная восьмерка.

Мы не можем сконструировать восьмерку из шара (шаров), но можем сконцентрировать ее из тора (торов). Переход от тора к восьмерке, по крайней мере в топологическом смысле, требует меньше затрат ресурсов, чем от шара к восьмерке. Фактически, тор является готовой схемой для восьмерки, а шар нет.

Такое рассуждение близко к структурализму, но на уровне нейронных топологических структур и ментальных проекций, а не языка. Оно открывает путь к изучению нейронных «дополнений» графа. Скажем, рассматривая нейронную составляющую неполного знака, мы можем говорить о топологическом графе этого знака и о его производных. Например, о его «дополнении» до полного графа, или до полного знака.

Полным графом мы называем по определению полный граф, составленный из всех вершин исходного. А полным знаком мы называем тут нейронную составляющую полного знака, который мог бы быть образован нервной системой. Очевидно, что не все вершины полного графа и полного знака будут иметь нейронные соединения (на этапе неполного знака), поэтому часть нейронных связей такого «дополнения» будут существовать здесь как возможность – то есть идеально. Иными словами, такой подход открывает возможность для изучения нейронной природы «идеальных» явлений.

В этом смысле физические знаки, а именно их означающие, как физические объекты, оказыва-

ются «вершиной айсберга» иерархии знаков, самым глубинным пластом которой выступает «идеальное» как знак, чувствительностью к которому обладает только столь сложная структура как мозг. Знаки-дополнения не существуют физически, но существуют как мультивещи и являются необходимыми для снижения информационной неопределенности каузальными топологиями нейронных процессов. Мы уже неоднократно писали, что именно для образования таких каузальных топологий и требуются сознательные процессы в мозге.

Завшая краткое описание первого плана рассмотрения знака в плюрализме или теории не-систем, отметим, что в этом плане особое значение имеет изучение неполных знаков и их «идеальных дополнений». Говоря о знаках за пределами пользы и информации, мы, в первую очередь, имеем в виду именно этот вид знака в виде «идеального дополнения» существующих материальных схем. Эти знаки даны человеку как нечто несуществующее, так как они существуют лишь в виде своего отсутствия. Но это отсутствие может быть рассмотрено на подобии формы замочной скважины, для которой необходимо подобрать ключ, то, что мы называем полным знаком. Хотя, конечно, это не лучшее сравнение, так как замок может открыть только один ключ, тогда как, создавая знак, человек или животное может довольствоваться бесчисленным числом приближений к «идеальному дополнению». Здесь слово «идеальное» оказывается сразу в двух своих смыслах: и как нечто нематериальное, и как что-то идеализированное – как недостижимый абстрактный идеал.

Здесь обнаруживается причина, почему «идеальное дополнение» к неполному знаку не является информацией. Почему в нем нет и «пользы». Это связано с тем, что такой знак сам ничего не обозначает и является по сути вещью, хотя и пустой, а значит, имеющей потенцию к творчеству. Такой знак является самим собой в том смысле, что он существует, объединяя различные несвязанные реальности или субстанции. Причем его существование лишь отчасти переходит в одну из реальностей, так как он по природе идеализирован и проявляется своими набросками – не в виде идеального ключа, а, скорее, как набор отмычек. При этом «отмычки» становятся «указателями», «индексиалами» и существуют как информация, как сомнение и предчувствие, тогда как само «идеальное дополнение» есть недостижимое Ничто. Оно не передается в рамках какой-то коммуникации нервной системы, а возникает как ее каузальная граница (вполне в витгенштейновском смысле, что субъект есть граница мира).

Как пишет в статье «Символ в системе культуры» о подобном явлении Ю.М. Лотман: «Важно лишь, что смысловые потенции символа всегда шире их данной реализации: связи, в которые вступает символ с помощью своего выражения с тем или иным семиотическим окружением, не исчерпывают всех его смысловых валентностей. Это

и образует тот смысловой резерв, с помощью которого символ может вступать в неожиданные связи, меняя свою сущность и деформируя неподвижным образом текстовое окружение» [13].

Второй план рассмотрения знака в плюрализме – это изучение сложности отношения в самом знаке. Осуществляя мечту Г. Фреге, можно попробовать рассматривать знаки с позиции внутренней сложности их логических конструкций. Как указывает Б.В. Бирюков: «Основной идеей, пронизывающей логическую теорию Фреге, является метафизическое представление о логике и ее законах как о чем-то абсолютном и неизменном. С точки зрения Фреге законы мышления всегда и всюду одни и те же. Если когда-либо будут открыты отличные от людей мыслящие существа, они тоже, говорит он, будут мыслить по этим законам» [14].

В этом вполне фрегеанском смысле знаки могут сами по своей логической структуре состоять из высказываний, рассматриваемых как внутренние для знака логические процедуры. При этом онтологически степень сложности таких высказываний будет соответствовать числу взаимодействующих в структуре такого высказывания единиц или независимых «субстанций» не-системы (каузально динамических независимых областей мозга, источников каузальности и т.д.). По смыслу это соответствует числу мест в логическом операторе плюс один (за счет неопределенной среды не-системы).

Так, «отрицание» является одноместной операцией и соответствует не-системе, в которой имеет место одна субстанция в неопределенной среде. Знаки (второй степени сложности) в такой не-системе соответствуют по своей форме ощущениям или инстинктам, ограничивающим и определяющим границы субстанции в неопределенной среде. Это высказывания типа «А» или «не А». При этом одно из них есть «идеальное дополнение» другого и, следовательно, изначально также ничего не означает и существует как пустая вещь. То, что этой пустой вещи присваиваются значения, уже вторично.

Так, скажем, знак «пища» есть связь нейронного процесса и его ментальной проекции, в нем с самого начала есть обозначающее и обозначаемое. Пища выполняет функцию и является информацией. Знаком «пища» природа сообщает свое уже совершенное решение человеку или животному, и ему, кажется, только остается выполнять эту команду. Но знак «не пища» изначально ничего не обозначает. В процессе знакотворчества человек приписывает ему разные значения, не принадлежащие ему изначально. Человек формирует для пустой вещи «не пища» различные сочетания нейронных процессов и ментальных проекций. При этом сама эта вещь «не пища» не пропадает, а постоянно существует как связь субстанций, вызывая все новые и новые свои интерпретации. Например, «человек – не пища» и др.

Здесь мы находимся на онтологическом горизонте, так как в этом контексте знак как мульт-

тивещь как бы «отражается» сам от себя, чтобы породить свои многочисленные идеальные дополнения – идеальные знаки (отношения). Если понимать знак только как отношение, то есть идеально, и не видеть за ним порождающую его пустую вещь, то становится непонятно, почему вообще что-либо обозначает что-либо. Как пишет Ж. Деррида: «Если стереть принципиальную границу между означающим и означаемым, то придется отказаться и от самого слова “означающее” как от метафизического понятия» [15]. Но что значит «принципиальная граница»? Очевидно, если этот водораздел приводит к онтологически последствиям, то и сам он должен быть онтологическим.

В этом смысле со знаков второго уровня сложности начинается онтология ощущений. Поэтому знаки этого уровня – это прежде всего сами ощущения, чувства, инстинкты и их простейшие ограничители (дополнения): «тепло», «холод», «боль», «голод», «красное», «опасность» и т.д. Например, «Мне больно» или «Это пища».

Двухместные логические операторы, такие как конъюнкция, импликация или дизъюнкция, составляют знаки третьей степени сложности. С помощью таких знаков, в частности, описываются причинно-следственные связи, любые детерминистические теории («Если А, то В»). К ним относятся такие знаки, как «сытость», «знание», «теория», «закон», «возмездие», «преграда», «страх», «смерть» и т.д. Скажем: «Если двигаться, то рано или поздно встретишь препятствие» (преграда).

Эти знаки имеют три варианта «идеального дополнения», образуемых одним или двумя отрицаниями: «Если неА, то В», «Если А, то неВ» и «Если неА, то неВ». Первый тип дополнения порождает здесь идею (знак) о пустом, о нуле. «Если не двигаться, то встретишь преграду». Иными словами, отсутствие причины тоже может иметь следствие. Второй тип дополнения здесь порождает идею (знак) ненасыщаемости, бесконечности. «Если двигаться, то не встретишь преграду». Третий тип дополнения образует здесь знак гипотезы или правила. «Если не двигаться, то не встретишь преграду». Неудивительно, что древние философы, открывшие знаки этого порядка сложности, были озабочены идеями пустоты, бесконечности и установления правил (законами самоограничений). Очевидно также, что осмысление этих знаков-вещей («идеальных дополнений») может быть многообразным, и более поздние мыслители их видели по-своему.

К знакам третьего уровня сложности относятся также «желание», «симптом» и, собственно, сам «знак». Как пишет Ж. Лакан: «Итак, мы все время возвращаемся к нашей двойной ориентации: на речь и язык. Чтобы освободить речь субъекта, мы вводим его в язык его желания, т.е. в первичный язык, на котором, помимо всего того, что он нам о себе рассказывает, он говорит нам что-то уже безотчетно, и говорит, в первую очередь, символами симптома» [16]. Но язык желания не яв-

ляется первичным, так как желание становится знаком только на третьем уровне сложности. Чтобы осознать и использовать «желание» как знак, недостаточно помыслить: «Я хочу». Необходимо осознать: «А приводит к В» или «Пища утолит голод», и т.д. До такого осознания речь идет не о желании, а об инстинкте.

Для вероятностных моделей и выражений убеждений/верований необходимы знаки четвертого порядка сложности, то есть трехместные логические операции. Например, это тернарная операция – вероятностное суждение «Если А, то В или С». Однако далеко не все тернарные операции составляют структуру знака четвертого порядка. Если тернарная операция является детерминистической теорией, то она вырождается до знака третьего уровня. Например, условная дизъюнкция, конъюнкция или импликация вырождаются до третьего уровня сложности, несмотря на то, что они трехместные. Это может быть условная теория «Если А, то В, иначе С».

Возникает ключевой вопрос. Почему из двух трехместных операций одна оказывается знаком четвертого порядка (вероятностной теорией, убеждением), а другая вырождается до знака третьего порядка (до знания), то есть до детерминистической теории? Единственный критерий здесь заключается в том, что каждое место логической операции должно выполнять роль независимой субстанции в общей не-системе данного порядка сложности. Если же выражение распадается на две отдельные независимые теории, то порядок не-системы снижается. «Если А, то В, иначе С» заменимо на две теории «Если А, то В» и «Если неА, то С». Любопытно, что одна из этих теорий является естественным знаком, а вторая – идеальным (искусственным) дополнением.

Вероятностное суждение «Если А, то В или С» теряет целостность не-системы, если его разбивать на части. Важно, что оно также может быть интерпретировано как суждение об убеждении. В этом случае оно может принимать вид в обыденном языке: «А убежден, что В, а не С» или более строго «Если А, то В, хотя С». Например: «Свобода воли возможна, хотя есть детерминизм». Очевидно, что таблицы истинности для вероятностных суждений произвольны. Для них было бы более адекватны «таблицы убежденности».

Внутри вероятностного высказывания есть место для двух детерминистических теорий: «Если А, то В» и «Если А, то С», которые могут противоречить или не противоречить друг другу. Однако только в целостном высказывании они образуют вероятностный знак. Это, например, такие знаки, как «удача», «возможность», «преимущество», «вера», «убеждение», «фактор», «обстоятельство» и т.д. Такой знак имеет семь возможных дополнений, каждое из которых порождает тип идеи, понятия. Например, дополнение «Если неА, то неВ или неС» является по своей природе диалектическим. Скажем, «Если мир бесконечен, то он не ограничен по объему или не имеет грани-

цы». В знаке четвертого порядка также уже заложена идея относительности теории.

Вероятностные суждения, о которых идет речь, никак не связаны с существующей вероятностной логикой, где исходы В, С и т.д. имеют какую-то конкретную или определяемую вероятность. Такие суждения типа «Если А, то В с вероятностью 10% или С с вероятностью 17%» также должны быть отнесены к детерминистическому типу высказываний (третьего уровня сложности), так как они могут быть разделены на части без потери смысла. Скажем, выражение «Если я выйду пораньше в школу, то встречу на улице Петю с вероятностью 10%» вполне самоценно и осмысленно даже без части «или Васю с вероятностью 17%». Однако фразу «Если я выиграю в лотерею, то отдам деньги приюту для собак или куплю телевизор» нельзя разделить на части, так как по частям оно будет иметь иной смысл, нежели вместе.

Также важно, что начиная с высказываний (знаков) четвертого уровня сложности теряет актуальность следующее положение Р. Карнапа: «Соглашение. Предложение σ L-истинно в семантической системе S, если и только если σ истинно в S таким образом, что его истинность может быть установлена на основе одних лишь семантических правил системы S, без всякой ссылки на (внеязыковые) факты» [17]. Это связано с тем, что, как мы отмечали в [18], для вероятностных высказываний или высказываний убежденности/веры истина перестает быть критерием. Такие высказывания не могут быть истинными или ложными, так как таблицы истинности принципиально не определяемы. Как было указано выше, они могут быть убедительными или неубедительными в каком-то строгом смысле, присущем данному типу логики.

Четырехместные логические операции могут составлять знаки пятой степени сложности. Мы причисляем их к вероятностным высказываниям второго порядка или высказываниям «надежды» [18]. Например: «Если данный эксперимент будет плохо сочетаться с теорией, это не значит, что теория неверна». Более формально: «Если А или В, то С или D». В таком высказывании вероятностно не только следствие, но и причина. Внутри такого высказывания есть место для двух убеждений:

- 1) «Если А, то С или D»,
- 2) «Если В, то С или D».

Также оно содержит шесть возможных детерминистических теорий:

- 1) «Если А, то С»,
- 2) «Если А, то D»,
- 3) «Если В, то С»,
- 4) «Если В, то D»,
- 5) «Если А или В, то С»,
- 6) «Если А или В, то D».

Контекст «надежды» заключается в том, что одно из убеждений «данная теория верна» может оказаться в будущем надежным, несмотря на то, что какая-то из теорий этого убеждения вызывает сомнение.

Пяти-, шестиместные (и более) логические операции еще более усложняют контекст и будут весьма актуальны для будущих исследователей, но пока мы не видим смысла их подробно рассматривать. Ограничимся знаками для пяти степеней структурной сложности:

- 1) неопределенность,
- 2) чувство/инстинкт,
- 3) знание/мотив,
- 4) убеждение/вера,
- 5) надежда.

Интересно, что, когда Сартр пишет о различиях в использовании знаков писателем и поэтом, он, вероятно, имеет в виду, что в поэтическом тексте знаки из категории «убеждения», «надежды» и «знания» искусственно понижаются в своей структурной сложности до «чувства» или «предчувствия» («до-чувствия»). «Со значениями работает писатель. Но и тут желательно различать: мир знаков – это проза, поэзия же находится там же, где и живопись, скульптура и музыка». «На самом деле поэт одним махом избавляется от языка-инструмента – раз он навсегда избрал поэтическую позицию, в которой он видит слова как вещи, а не как знаки» [19].

Что же дальше

Вернемся к изначальному предмету нашего исследования. Дает ли такое понимание знака выход из ловушки прагматизма и уловок постмодернистской традиции? Дает ли эта теория способ обрести баланс информационной неопределенности? В описанной теории, которую мы ранее назвали каузальным дуализмом, или теорией не-систем, оказывается, что в основании знаковой системы находится онтологический раскол, который для нас существует как нечто идеальное – недостающие элементы каузальных топологий нервной системы.

Фактически, это описание телеологической причинности Аристотеля на нейронном уровне. А это в свою очередь означает, что фундаментально знак оказывается укоренен здесь в той цели, которую он и формирует. То есть знак и цель оказываются историческими близнецами. Больше нельзя сказать, что знак необходим для коммуникации, так как знак – ее «материал». Знак нужен для какой-то цели, так как он и есть в конечном счете сама эта цель, но в ином отношении. А именно в том отношении, в котором знак управляет балансом информационной неопределенности. Знак подчиняет читателя, если только потреблять его, и, напротив, позволяет «осознавать», если создавать его самостоятельно.

Так, один из известнейших симулякров в философии – иллюзия, создаваемая хитроумным демоном Декарта. Если задаться вопросом, куда, действительно, приводит сомнение, то выяснится, что, каким бы изворотливыми ни был демон, какие бы хитроумные симулякры он ни создавал для нас, всегда есть место разным версиям – картезианской, Спинозианской, Лейбнизианской и т.д.

А это значит, что симулякр не скрывает истину, а, напротив, создает условия, в которых человек стремится к истине, а точнее – к убежденности или надежде. И все зависит от того, кто ищет. Знаки не ограничивают того, кто достраивает свой мир новыми знаковыми системами, тем самым задавая и ценностные ориентиры.

Как мы уже отмечали, знакотворчество связано у человека с осознанием чего-либо, и одним из видов такого осознания является акт молитвы. Смысл осознанной молитвы заключается в творении знака для личности. Примером такой молитвы, открывающей молящемуся новый знак, несомненно является Гефсиманское моление, или Моление о чаше Иисуса Христа. Очевидно, что речь идет не о самом Христе, а о том, кто читает эту молитву. В ней Христос говорит: «Да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты». Затем он говорит: «Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя»; и заключает: «вот, предается Сын Человеческий в руки грешников. Встаньте, пойдем; вот, приблизился предающий Меня».

Вместе с Молитвой о чаше человек открывает для себя неожиданную идею, что Бог также может страдать, как и человек. Это становится знаком неизбежности страданий или истины о реальной природе мира. Мир несовершенен, в нем есть страдания. И даже Бог не лишен этой участи. Далее молитва Христа переходит от темы неизбежности к теме воли. Христос говорит: «Да будет воля Твоя», и мы снова видим в этом знак того, что есть место воле. И воля оказывается выше, сильнее неизбежности. Иными словами, молитва сначала как будто заставляет молящегося смириться, но потом показывает, что, оказывается, воля сильнее неизбежности. И, наконец, в третьей части Христос переходит от идеи к действию. Воля вершится над неизбежным, и тут мы видим знак того, что действие воплощает волю.

Мы также замечаем, что ученики Христа еще спят, и все эти знаки им пока недоступны. Они вынуждены постигать эти знания самостоятельно. Ученики здесь олицетворяют каждого человека, который «спит», но коль скоро обращается к Молитве о чаше, осознает знаки – неизбежность, волю и поступок, Каждому человеку, как и Христу в Евангелии, рано или поздно приходится создать для себя эти знаки. Один из путей такого знакотворчества – это молитва или вообще чтение в широком смысле.

Знак как вещь. Токенизация текста

Проблема интерпретации современных текстов заключается в том, что они скрывают вещи, а не раскрывают их. В текстах мы привыкли видеть правила, модели. Мы примеряем эти модели к тем моделям, которыми обладаем в памяти, и часто, особенно в последнее время, приходим к выводу, что получаемые инструкции противоречат друг другу. Через средства массовой информации с разных сто-

рон к нам поступает противоречивая информация, и это становится причиной недоверия, пожалуй, почти ко всему.

Но мы недооцениваем вещьность текстов, которая может быть более отчетлива для нас благодаря современным технологиям. Мир многосубстанционален, но он не противоречив. Любой парадокс свидетельствует лишь о неверной логике, в которой мы рассматриваем явления. Если знание недоступно, например, то необходимо говорить об убеждениях, а не о знаниях. Видя в текстах вещи, мы смогли бы избежать очень многих парадоксов. Для этого текст должен обладать следующими вещьными свойствами:

1. Уникальность (вещность). Каждая вещь уникальна сама по себе. Чтобы изучать вещь, необходимо непосредственно или опосредованно взаимодействовать с ней самой в ее уникальности. Копия вещи может содержать отклонения, о которых мы не знаем. Если текст уникален, то, изучая его, мы всегда можем быть уверены, что изучаем сам текст, а не его копию.
2. Принадлежность (авторство). Если вещь принадлежит человеку или организации, то необходимо знать об этой принадлежности. Читая каждое слово, каждый знак препинания текста, мы хотели бы знать, кому принадлежит это слово или этот знак.
3. Статус. Каждая вещь создана природой, животным или человеком. Если вещь создана человеком, то она может иметь также разный статус в зависимости от принадлежности к автору (человеку или организации). Статусы составляют иерархию в двухмерном/многомерном пространстве. Основными критериями иерархии статусов могут быть, например, научность и фактичность. Также критерии могут оценивать художественные качества текста и пр.
4. Статус уровня перевода. Для тестов критично качество перевода на разные языки с исходного языка автора.

Для реализации проекта овеществления текстов необходимо создание специальных институтов, например, рейтинговых агентств, присваивающих всем авторам текущий статус научности и фактичности создаваемых автором (человеком или организацией) текстов. Причем рейтинг может регулярно меняться, в таком случае не только каждый автор, но и каждое отдельное произведение (статья, новость, книга и пр.) можно подвергнуть рейтингованию. Кроме того, необходимо создание и таких рейтинговых агентств, которые будут оценивать качество перевода текста, которое представлено в каждом конкретном случае.

Главное условие успеха овеществления текстов, однако, – это их токенизация. Чтобы быть уникальным, каждый текст, как и вещь, должны существовать в единственном числе (свойство 1). Отображения текста для разных читателей должны быть токенами самого этого текста, то есть быть им же самим. Как будто электронное средство, с помощью которого мы видим текст, – это

телескоп, с помощью которого мы видим все одну и ту же вещь вдалеке.

Токен текста, в свою очередь, должен иметь свойства 2, 3 и 4, содержать информацию о принадлежности, научный и фактологический статусы автора и статус качества перевода (в случае перевода). Либо статус, что текст не переведен.

Если какой-то текст содержит в себе цитаты, вставки других авторов и т.д., то, значит, такой текст состоит из нескольких токенов. Читатель должен это видеть, понимая авторство каждого слова и знака препинания, качество перевода каждого слова и фразы, если необходимо.

Представленный таким образом текст сразу разоблачает всех авторов и организации, стоящие за ним, даже если они не упомянуты, экспертизу этих организаций и т.п. Безусловно, такой проект – дело будущего, но он несомненно нужен и должен быть осуществлен. В противном случае современный читатель остается именно в том положении, в котором его стремится видеть современный автор: в положении лица, исполняющего команды.

Литература

1. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. Пер.с англ./Перевод К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М: Логос, 2000. – 448с.
2. Джеймс У. Психология/Под ред. Л.А. Петровской. – М.: Педагогика, 1991.—368 с.
3. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / Пер. с англ. И.О. Тюриной. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2015. – 443с. С. 366.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240с. Стр. 7.
5. Костикова, А.А. Симулякр третьего порядка в современном мире / А.А. Костикова, А.Д. Конавалова // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. – 2020. – № 23. – С. 102–107.
6. Гуссерль Эд. Собрание сочинений. Т. 3(1). Логические исследования. Т II (1) (пер. с нем. В.И. Молчанова). – М.: Гнозис, ДИК, 2001.
7. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Пер.: В.П. Визгин, Н.С. Автономова. Спб.: А-сид, 1994. – 408 с. ISBN: 5–85962–021–7.
8. Сафронов А.В. Гипотеза об информационных принципах произвольного и непроизвольного внимания. К вопросу о теории не-систем и каузальных сред в каузальном дуализме // Философская мысль. – 2021. – № 11. – С. 66–83. DOI: 10.25136/2409–8728.2021.11.36862.
9. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики / Пер. с французского А.М. Сухотина, под редакцией и с примечаниями Р.И. Шор. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с. – (Лингвистическое наследие XX века). – ISBN 5–354–00556–6.

10. Damasio, A; Carvalho, GB (2013). “The nature of feelings: Evolutionary and neurobiological origins”. Nature Reviews. Neuroscience. 14 (2): 143–52. doi:10.1038/nrn3403. PMID 23329161. S2CID 35232202
11. G. Frege. Uber Sinn und Bedeutung. «Zeitschrift für Philosophic und philosophische Kritik», 1892, Bd. 100, S. 25–50.
12. Kruskal, J. B. (May 1960), Well-quasi-ordering, the tree theorem, and Vazsonyi’s conjecture, Transactions of the American Mathematical Society (American Mathematical Society). – Т. 95 (2): 210–225, doi:10.2307/1993287
13. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн, 1992. – С. 191–199.
14. Бирюков Б.В. Теория смысла Готлоба Фреге. // Применение логики в науке и технике. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – С. 502–555.
15. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000.
16. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. – М: Гнозис, 1995.
17. Р. Карнап. Значение и необходимость. М., ИЛ, 1959.
18. Сафронов А. В. К проблеме эволюции сознания. Мульти-субстанциальная эволюция наблюдателя и иерархия модальных логик в каузальном дуализме // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2021. – № 5. – С. 73–83
19. Сартр Ж.П. Что такое литература? Слова/ Пер. с фр. – Мн.: ООО «Поппури», 1999. – 448с.

UNDERSTANDING THE SIGN IS BEYOND USEFULNESS AND INFORMATION. SIGN IN THE THEORY OF NON-SYSTEMS

Safronov A.V.
Moscow State University. M.V. Lomonosov

The article deals with the problem of the sign in the context of the crisis of modern scientism and monism in general. The understanding of the sign as a relationship, and not as a thing, which is characteristic of semiotics, forms the paradigm of the “unreality” of the text and all social relations based on communication. Despite the fact that pragmatism pursued the goal of simplifying ontology, its pragmatization, the result of applying the ideas of this philosophy was not just complication, but also virtualization of ideas about the Universe. Understanding everything as information left out the question of authorship, and therefore of responsibility, largely depriving the reader of the opportunity to maintain contact with real sources of information. The article proposes consideration of the sign in a pluralistic paradigm, or, in other words, within the framework of the theory of non-systems. In this vein, a sign is considered as a multi-substantial object of a non-system or a multi-thing, but given to each substance as a certain relationship in two ways: as a type of relationship, and as a level of complexity of the relationship. This approach, in particular, opens the way for the study of the relationship between neural and sign structures, concepts and ideas.

Keywords: sign, multi-thing, multi-universe, multi-substantial ontology, pluralism, non-system, non-system theory.

References

1. Piers Ch.S. Selected Philosophical Works. Translated from English / Translated by K. Golubovich, K. Chukhruidze, T. Dmitrieva. M: Logos, 2000. – 448s.

2. James W. Psychology / Ed. L.A. Petrovskoy. – M.: Pedagogy, 1991. – 368 p.
3. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy. Formation of a person who prints / Per. from English. AND ABOUT. Tyurina. – 3rd ed. – M.: Academic project, 2015. – 443 p. S. 366.
4. J. Baudrillard. Simulacra and simulations / J. Baudrillard. – M.: POSTUM Publishing House, 2015. – 240p. Page 7.
5. Kostikova, A. A. A third-order simulacrum in the modern world / A.A. Kostikova, A.D. Konovalova // PR and advertising in a changing world: a regional aspect. – 2020. – No. 23. – P. 102–107.
6. Ed Husserl. Collected works. T.3(1). Logical research. T II (1) (translated from German by V.I. Molchanov). – M.: Gnosis, DIK, 2001.
7. Foucault M. Words and things. Archeology of the Humanities. Transl.: V.P. Vizgin, N.S. Avtonomova. SPb.: A-cad, 1994. – 408 p. ISBN: 5–85962–021–7.
8. Safronov A.V. Hypothesis about the information principles of voluntary and involuntary attention. To the question of the theory of non-systems and causal environments in causal dualism // Philosophical Thought. – 2021. – No. 11. – P. 66–83. DOI: 10.25136/2409–8728.2021.11.36862.
9. Saussure Ferdinand de. Course of General Linguistics / Per. from the French by A.M. Sukhotin, edited and with notes by R.I. Shor. – M.: Editorial URSS, 2004. – 256 p. – (Linguistic heritage of the XX century). – ISBN 5–354–00556–6.
10. Damasio, A; Carvalho, G. B. (2013). “The nature of feelings: Evolutionary and neurobiological origins”. Nature Reviews. neuroscience. 14(2): 143–52. doi:10.1038/nrn3403. PMID 23329161. S2CID 35232202
11. G. Frege. Uber Sinn und Bedeutung. “Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik”, 1892, Bd. 100, S. 25–50.
12. Kruskal, J. B. (May 1960), Well-quasi-ordering, the tree theorem, and Vazsonyi’s conjecture, Transactions of the American Mathematical Society (American Mathematical Society). – T. 95 (2): 210–225, doi: 10.2307 / 1993287
13. Lotman Yu.M. Selected articles. T. 1. – Tallinn, 1992. – S. 191–199.
14. Biryukov B.V. Gottlob Frege’s theory of meaning. // Application of logic in science and technology. – M.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. – S. 502–555.
15. Derrida J. Structure, sign and game in the discourse of the humanities // French semiotics: From structuralism to poststructuralism. Moscow: Progress, 2000.
16. Lacan J. Function and field of speech and language in psychoanalysis. – M: Gnosis, 1995.
17. R. Carnap. Meaning and necessity. M., IL, 1959.
18. Safronov A.V. On the problem of the evolution of consciousness. Multisubstantial evolution of the observer and the hierarchy of modal logics in causal dualism // Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research. – 2021. – No. 5. – S. 73–83
19. Sartre J.P. What is literature? Words / Per. from fr. – Minsk: LLC “Popuri”, 1999. – 448s.

Теоретико-методологические подходы к исследованию социальных ожиданий от обучения

Суховская Дарья Николаевна,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник,
кафедра исторических и социально-философских дисциплин,
востоковедения и теологии, ФГБОУ ВО «Пятигорский
государственный университет»
E-mail: daria.sukhovskaya@yahoo.com

В статье проведен анализ теоретико-методологических подходов к пониманию феномена социальных ожиданий от обучения. Изучение рассматриваемого феномена проведено в ретроспективном ключе. С помощью ретроспективного подхода идентифицировано и описано шесть направлений научной мысли, рассматривающих данную категорию: философский, социологический, нейрофизиологический, психологический, социально-психологический. Отдельно выделено направление конструирования будущего.

Автором проведен анализ существующих подходов к концептуализации понятия «социальные ожидания» как значимого конструкта отношений, возникающих в рамках образовательной практики. Рассмотрено соотношение категории социальные ожидания с феноменом социальной роли. Социальные ожидания в статье рассмотрены как важный элемент, который входит в коммуникативно-ролевое взаимодействие личности в процессе обучения. Рассмотрено влияние феномена на продуктивность межличностного взаимодействия в отношениях преподаватель – обучаемый.

Ключевые слова: коммуникация, межличностное взаимодействие, социальные ожидания, ролевые ожидания.

В процессе жизнедеятельности личность проявляет социальные ожидания. Этот феномен основан как на индивидуальном, так и на социальном опыте человека. Социальные ожидания личности формируются, выражаются, транслируются различными способами, главными из них являются коммуникация и межличностное взаимодействие [12, с. 184].

В социальных ожиданиях проявляется социальная действительность. Она находит выражение в различных формах отношений, например, супружеских, родительских, наставнических, в отношениях учитель-ученик. Помимо этого, социальная действительность проявляется на уровне малых социальных групп, а также более объемных сообществ [8, с. 16].

Социальные ожидания личности – сложный феномен. Он включает в себя текущую социальную реальность в широком смысле слова, т.е. ту обстановку, которая имеется на данный момент в обществе. В итоге, социальные ожидания, возникшие и развивающиеся на коммуникативно-ролевой базе, реализуются как личностные или групповые феномены. Тем не менее, даже в этом случае они относятся к результату функционирования масштабной социальной системы. Это и дало название личностному феномену – «социальные ожидания».

Изучение рассматриваемого феномена начнем с ретроспективного анализа. С помощью этого подхода нами идентифицировано шесть направлений научной мысли, рассматривающих данную категорию. В соответствии с ними произошло формирование и развитие проблематики социальных отношений.

В частности, феномен социальных ожиданий исследовался на основе следующих подходов: философский, социологический, нейрофизиологический, психологический, социально-психологический. Отдельно стоит выделить направление конструирования будущего.

В процессе жизнедеятельности личность примеряет на себя множество ролей [13, с. 6]. Как следствие, межличностное взаимодействие регламентировано ролевыми ожиданиями. Например, педагог, выполняя свою роль, ожидает определенной модели поведения от ученика. То же самое можно сказать о системе взаимоотношений родитель-ребенок, начальник-подчиненный и т.д.

Вопросом ролевой концепции занимался психолог-исследователь П.П. Горностай. Автор сформулировал компоненты ролевого взаимодействия людей [10, с. 43]. В качестве главных компо-

нентов этой структуры выступают подструктуры ролевых ожиданий. В данном случае исследователь имеет в виду систему требований общества к роли, которую выполняет человек. Иногда место общества «занимает» один человек. Помимо этого, на модель поведения личности в конкретной ситуации оказывает влияние тот факт, какие требования она сама предъявляет к выполняемой роли.

С точки зрения П.П. Горностая, ролевые ожидания представляют собой внешнюю оболочку взаимодействия. Она отображает социальные причины конкретной модели поведения личности. Данные причины имеют как субъективную, так и объективную основу. Объективный базис включает нормы и правила, которые зафиксированы в социуме, они проявляются в форме предписаний и требований для отдельного человека или социальной группы. Субъективный базис включает в себя внутренние ориентиры человека касаясь правил и норм, следование которым необходимо обществу.

Учитывая этот факт, приходим к умозаключению, что ролевые ожидания, продуцируемые обществом, реализуются в индивидуальном сознании. Тем не менее, это далеко не всегда так. Восприятие личностью ролевых ожиданий всегда специфично, т.е. основано на итоге тех представлений, которые сложились у него на основе жизненного опыта.

В большинстве случаев ролевые ожидания человека имеют расхождения с «идеалом», поэтому их можно назвать самостоятельным феноменом. Тем самым подтверждается комплексная суть социальных ожиданий, как одного из самых интересных явлений для изучения.

Многие эксперты рассматривали социально-психологические нюансы ролевых ожиданий. Значительный вклад в этом аспекте принадлежит М.М. Кашапову и его исследовательской группе. Данный феномен он и его коллеги изучали в двух аспектах. Первый из них описывает проблематику с социальной точки зрения, второй – с социально-психологического аспекта.

В социально-психологическом аспекте ролевые ожидания являются представлениями, правилами, нормами, которые выработались у субъектов сообщества. Участники различных социальных групп примеряют на себя различные роли, узнали о предъявляемых к ним требованиях и ожиданиях других людей. Социальные ожидания во многом базируются на экономических, политических, морально-ценностных критериях, превалирующих в конкретном социуме. Именно они формируют ту основу, на которой возникают и развиваются социально-психологические ожидания [17, с. 127].

Отличительной особенностью учения М.М. Кашапова и коллег выступает исследование социальных ожиданий в двух аспектах. Данный подход дает возможность полноценно описать суть феномена, выявить их ролевую составляющую. Более того, подход авторов помогает выявить родо-видовую связь явления и его закономерности.

Социальные ожидания в рамках своей эволюции преобразуются в социальные нормы. Они тесно сопряжены с огромным перечнем интересов, целей, мотивов субъектов межличностного взаимодействия.

Социальные ожидания возникают на коллективном базисе. Они транслируются и дополняются с помощью коммуникативных методов и межличностного взаимодействия. С точки зрения Л.И. Рогачевой, О.М. Фадеевой, М.А. Рогачева, иногда транслируются социальные ожидания, которые не соотносятся с объективной реальностью [20, с. 93]. Рассматриваемый феномен нельзя назвать только итогом отображения окружающей действительности, поскольку в нем заложен еще мощный потенциал для преобразования. Например, в небольших сообществах социальные ожидания становятся триггером, запускающим процесс согласованного взаимодействия для изменения текущей ситуации. Каждый субъект должен не только выполнять возложенную на него задачу, но в идеале соответствовать морально-этическим, интеллектуальным, культурным критериям. Когда поведенческие модели личности не соотносятся с ожиданиями остальных участников группы, то это формирует ответную реакцию. Она проявляется в форме социальных санкций.

По мнению Л.И. Рогачевой, О.М. Фадеевой, М.А. Рогачева, социальная группа держится, в том числе на применении многочисленных санкций. На этой основе контролируются поведенческие модели, вырабатываются различные реакции других субъектов межличностных отношений. На базе ограничений и ожиданий других людей поведенческие модели личности становятся более упорядоченными. Критерии «правильного» и «требуемого» поведения соотносятся с фактором согласованности, а эта категория напрямую отождествляется с групповыми нормами [20, с. 95].

Нормативное поведение всегда лимитировано. Для него вводятся определенные рамки, подбирается соответствующий метод действия. Тем не менее, данное ограничение не строгое, т.е. могут быть предусмотрены различные варианты поведения, но не противоречащие общепринятым нормам. На многообразии допустимых моделей поведения указывают «коллективные ожидания». Так, например, К. Репкова находит связь между условностью нормативности поведения и его прогностической неопределенностью [5, с. 93].

Социальные ожидания личности характеризуются ориентационной функциональностью. Она предопределяет разнообразие поведенческих моделей и выбор оптимальных вариантов. На протяжении жизни у человека формируется уникальная система ожиданий и возникает определенный план развития событий. По сути, на базе социальных ожиданий личность самостоятельно конструирует свое будущее. Конечно, не всем социальным ожиданиям дано сбыться. Тем не менее, активизация деятельности позволяет достичь многих запланированных свершений. Главное, правильно

оценивать ситуацию и корректировать деятельность вместе с целями.

Социальные ожидания – это не итог группового взаимодействия. Дело в том, что на феномен может влиять и одна личность. Причины формирования могут быть разными [14, с. 143]. Некоторые из них выходят за рамки непосредственного взаимодействия. Например, иногда причины выработки социальных норм отождествляются с общественными требованиями. В таком случае личностные нормы претерпевают изменения, в частности становятся общественным идеалом поведенческой модели. Такой образец зачастую ставится в пример тем, кто только овладевает поведенческими моделями (детям, подросткам и т.д.). В итоге, образец социального поведения, который является общепринятым, является социальной ролью личности, которую они принимают на себя [15, с. 10].

Социальные ожидания – феномен, который задает вектор развития социальной роли. Данное явление может не формировать связи с сознанием и поведенческими моделями определенной личности. Ожидания зачастую служат внешней оболочкой. Она наслаивается на роль, т.е. образует внешнюю оболочку (в той или иной мере обязательную). В этой ситуации субъектом выступает не личность, а непосредственно социум, иногда определенная социальная общность людей. Примечательно, что общество (социальная группа) устанавливает свои критерии оценки поведения личности. Высокая оценка предоставляется той модели, которая полностью соответствует социальным ожиданиям, впрочем, как и наоборот. Указанная точка зрения в точности соотносится с позицией и Т. Шибутани [22, с. 201].

Проблематикой психологии коммуникации занимались Н. Льюис и Дж. Ваи. Специалисты выделили в процессе общения три фазы. Исследуемая экспертами проблематика тесно взаимосвязана с социально-психологическими ожиданиями человека.

По мнению Н. Льюиса и Дж. Ваи, социально-психологические ожидания провоцируют коммуникацию. В этом феномене имеются возможности актуализации прошлого опыта коммуникации, воплощения различных ролей в виртуальных коммуникативных случаях [4, с. 1243].

Отдельное внимание вопросу коммуникативных ожиданий уделяли современные западные исследователи-психологи Дж. Васил, К. Фристон и М.И.Д. Рамстеад. Эксперты смогли идентифицировать содержательные признаки феномена социальных ожиданий. Среди них специалисты отметили многовариантность и вероятность. Дж. Васил, К. Фристон и М.И.Д. Рамстеад отмечают, что личность обычно прогнозирует несколько вариантов развития событий. По мере развития событий они либо становятся максимально вероятными, либо утрачивают актуальность. Благодаря мыслительным процессам личность ставит наиболее вероятные, по ее мнению, результаты в приоритет.

Остальные «откладываются в ящик» или со временем вовсе исключаются [6, с. 17].

Авторы отмечают биполярную специфику формирования систем ожидания. Другими словами, выделяется несколько категорий ожиданий. Положительные ожидания неизменно сопровождаются противоположными (негативными) ожиданиями. На базе этих переживаний формируется как положительная, так и отрицательная модель ожиданий [6, с. 21].

С точки зрения Дж. Васил, К. Фристон и М.И.Д. Рамстеад, ожидания связаны с процессом коммуникации. Они влияют на нее, задавая тон и конструктивную основу общения. Эксперты отмечают важность исследования деструктивного влияния негативных ожиданий. Если на личность длительное время давят подобные эмоции, она становится «взрывоопасной». Данному факту есть научное объяснение. Общая напряженность провоцирует настороженность, что усугубляет ожидание негативного исхода событий. У личности появляется склонность трактовать заблаговременное событие, как реальность. На негативно эмоциональном фоне худшее развитие событий принимается за данность, что только усиливает деструктивные тенденции. Для реализации намеченных коммуникативных целей следует принимать во внимание негативные ожидания партнера по общению. Таким образом, социальные ожидания человека тесно связаны с принятием ролей и коммуникацией. Более того, указанные процессы относятся к смысловой составляющей феномена.

Если учитывать теорию ролей, то под социальные ролевые ожидания отводится центральная роль (И.П. Форгас, О. Винцзе, Й. Ласло). Социум формирует определенные модели общепринятого поведения. В них роли понимаются как система ролевых ожиданий. Принятие конкретной роли на себя задает вектор развития личности [2, с. 175].

Иногда личность приобретает навык принятия роли другого субъекта. В данном случае активизация навыка в процессе коммуникации делает ее максимально эффективной для двух участников и позволяет быстрее достичь поставленных целей межличностного взаимодействия. Вместе с тем, отчетливо прослеживается стремление такого человека дополнить своими социальными ожиданиями социальные роли партнера по коммуникации [16, с. 221].

Для подтверждения взаимных ролевых ожиданий существует специальный термин. Он исследуется такими науками, как социология и психология, и получил название «социальная конгруэнция». Теория ролей ставит социальные ожидания на превалирующую роль. Изучение с точки зрения социологии не затрагивает психологическую сторону явления, впрочем, как и наоборот. Т. Шибутани вплотную занимался проблематикой социальных ролей [22, с. 73]. В рамках своего исследования он рассматривал взаимодополняющий и взаимообуславливающий аспект социальных ролей. Эксперт отмечал, что некоторые люди могут рас-

ходиться со своими мнениями. Например, одна личность может считать что-то правом, в то время как другая относит это к обязанностям. Для того чтобы полностью погрузиться в сферу переживания другой личности, необходимо на некоторое время вжиться в роль этого человека (проявить солидарность). Если участники группы не могут предвидеть реакции других людей, то совместная деятельность идет на спад, а затем неизбежно распадается. Современные жизненные реалии таковы, что любая личность может примерить несколько социальных ролей [22, с. 81].

Эксперт отмечает, что исследование социально-психологической проблемы в той или иной мере связано с социальными ожиданиями личности. Когда люди занимаются совместной деятельностью, т.е. решают общие задачи, то это формирует чувство «взаимной общности». У субъектов совместной деятельности формируются взаимные обязательства друг перед другом. По мере завершения процесса стремления людей преобразуются в систему ожиданий, которые подтверждаются в рамках совместной деятельности. Если кто-то из группы отклоняется от заданных ожиданий, остальные участники приводят его деятельность в соответствие с общей целью (поставленной задачей). Об этой закономерности в различное время говорили многочисленные эксперты-психологи. Среди них: С. Гаврилеску [3], Т. Шибутани [22, с. 82], Ц. Бадеа [1] и др.

Перечень ожидаемых оценок относится к первой категории установок. Такие установки входят в сферу межличностных оценок [19, с. 8]. Помимо этого, они становятся индивидуальной формой репрезентации, когда человек принимает групповые нормы [9, с. 231]. На основании этой информации приходим к выводу, что в случае не реализации ожиданий, человек переживает острое чувство вины.

Социальные ожидания личности – сложный феномен, который становится «неформальным кодексом» человека. Они же становятся движущей силой межличностного взаимодействия. Степень внедрения данного неформального кодекса варьируется. Во многом она детерминирована уровнем чувств, формирующихся в процессе межличностных отношений.

На базе проведенного теоретико-методологического исследования вопроса приходим к выводу, что социальные ожидания являются сложным феноменом. Они выступают в качестве важного элемента, который входит в коммуникативно-ролевое взаимодействие личности в процессе обучения. Рассматриваемый феномен оказывает ключевое воздействие на продуктивность межличностного взаимодействия в отношениях преподаватель – обучаемый.

Литература

1. Badea C., Binning K.R., Sherman D.K., Boza M., Kende A. Conformity to group norms: How group-

- affirmation shapes collective action // *Journal of Experimental Social Psychology*. – 2021. – PP. 231–254.
2. Forgas J. P., Vincze O., László J. Social cognition and communication. – Psychology Press. – 2013. – PP. 1–350.
3. Gavrillets S. Coevolution of actions, personal norms and beliefs about others in social dilemmas // *Evolutionary Human Sciences*. – 2021. – PP. 1–200.
4. Lewis N.A., Wai J. Communicating What We Know and What Isn't So: Science Communication in Psychology // *Perspectives on Psychological Science*. – 2021. – 16(6). – PP. 1242–1254.
5. Repková K. Social construction of social work in domiciliary care service // *Socialni Prace*. – 2021. – 21(1). – С. 90–104.
6. Vasil J., Friston K., Ramstead M.J.D. A World Unto Itself: Human Communication as Active Inference // *Frontiers in Psychology*. – 2020. – 112 p.
7. Анохин П.К. Эмоции // Психология эмоций. Тексты / Ю.Б. Гиппенрейтер и В.К. Вилюнас. – Москва: Издательство МГУ, 1984. – 288 с.
8. Бородич С.А., Мискевич А.Б. Инновации в образовании: потребности общества и социальные ожидания // Актуальные проблемы экономической деятельности и образования в современных условиях. Сборник научных трудов Четырнадцатой Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор О.С. Лазарева. – 2019. – С. 14–22.
9. Головаха Е.И., Кроник А.А. К исследованию мотивации жизненного пути: Техника «каузометрии» // Мотивация личности (феноменология, закономерности и механизмы формирования). – М., 1982. – 331 с.
10. Горностай П.П. Личность и роль: Ролевой подход в социальной психологии личности: монография / П.П. Горностай. – К.: Интерпресс ЛТД, 2007. – 312 с.
11. Горностай П.П., Титаренко Т.М. Психология личности: словарь-справочник / под ред. П.П. Горностая, Т.М. Титаренко. – К.: Рута, 2001. – 320 с.
12. Грибакина Т.Э. Эвристический потенциал исследования социальных ожиданий // Булгаковские чтения. – 2017. – № 11. – С. 184–189.
13. Гудзовская А.А. Психология социальной зрелости: монография / А.А. Гудзовская – Самара: СИПКРО, 2014. – 256 с.
14. Дарендорф Р.Г. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142–147.
15. Долинский Г.Д. Исследование социально-психологических особенностей ролевых ожиданий (на примере деятельности руководителя школы): автореф. дис. ... на соискание ученой степени канд. психол. наук: спец. 19.00.05 «Социальная психология» / Г.Д. Долинский. – Л.: ЛГУ, 1974. – 22 с.
16. Ершов А.А. К исследованию потребности человека в общении // Проблемы формирования

социогенных потребностей: сборник науч. трудов. – Тбилиси. – 1974. – С. 220–225.

17. Кашапов М.М., Перевозкина Ю.М., Перевозкин С.Б., Кашапов А.С. Специфика развития ролевых ожиданий в процессе формирования личности // Сибирский педагогический журнал. – 2020. – № 2. – С. 127–140
18. Михальский А.В. Психология конструирования будущего / А.В. Михальский. – М.: МГППУ, 2014. – 192 с.
19. Панкратова О.В. Социальные ожидания молодёжи: социологический аспект // Постулат. – 2019. – № 2 (40). – С. 8.
20. Рогачева Л.И., Фадеева О.М., Рогачев М.А. Социально-психологические особенности подростков отклоняющегося поведения // Сборник: Личность, семья и общество: вопросы педагогики, психологии, социальной работы. Труды международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 91–96.
21. Титаренко Т.М. Психологические практики конструирования жизни в условиях постмодерной социальности: монография / Т.М. Титаренко, О.Н. Кочубейник, Е.О. Черемных – К.: Міленіум, 2014. – 206 с.
22. Шибутани Т. Социальная психология / пер. с англ. В.Б. Ольшанского. – Ростов н/Д.: Феникс, 2002. – 544 с.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF SOCIAL EXPECTATIONS FROM LEARNING

Sukhovskaya D.N.

Pyatigorsk State University

The article analyzes theoretical and methodological approaches to understanding the phenomenon of social expectations from learning. The study of the phenomenon under consideration was carried out in a retrospective manner. Using a retrospective approach, six directions of scientific thought considering this category have been identified and described: philosophical, sociological, neurophysiological, psychological, socio-psychological. The direction of designing the future is singled out separately.

The author analyzes the existing approaches to the conceptualization of the concept of “social expectations” as a significant construct of relations arising within the framework of educational practice. The correlation of the category of social expectations with the phenomenon of social role is considered. Social expectations are considered in the article as an important element that is included in the communicative role interaction of a person in the learning process. The influence of the phenomenon on the productivity of interpersonal interaction in the teacher-student relationship is considered.

Keywords: communication, interpersonal interaction, social expectations, role expectations.

References

1. Badea C., Binning K.R., Sherman D.K., Boza M., Kende A. Conformity to group norms: How group-affirmation shapes collective

action // Journal of Experimental Social Psychology. – 2021. – PP. 231–254.

2. Forgas J. P., Vincze O., László J. Social cognition and communication. – Psychology Press. – 2013. – PP. 1–350.
3. Gavrilets S. Coevolution of actions, personal norms and beliefs about others in social dilemmas // Evolutionary Human Sciences. – 2021. – PP. 1–200.
4. Lewis N.A., Wai J. Communicating What We Know and What Isn't So: Science Communication in Psychology // Perspectives on Psychological Science. – 2021. – 16(6). – PP. 1242–1254.
5. Repková K. Social construction of social work in domiciliary care service // Sociální Práce. – 2021. – 21(1). – С. 90–104.
6. Vasil J., Friston K., Ramstead M.J.D. A World Unto Itself: Human Communication as Active Inference // Frontiers in Psychology. – 2020. – 112 p.
7. Anokhin P.K. Emotions // Psychology of emotions. Texts / Yu.B. Gippenreiter and V.K. Vilyunas. – Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1984. – 288 p.
8. Borodich S.A., Miskevich A.B. Innovations in education: the needs of society and social expectations // Actual problems of economic activity and education in modern conditions. Collection of scientific papers of the Fourteenth International Scientific and Practical Conference. Responsible editor O.S. Lazareva. – 2019. – PP. 14–22.
9. Golovakha E.I., Kronik A.A. To the study of the motivation of the life path: The technique of “causometry” // Motivation of personality (phenomenology, patterns and mechanisms of formation). – М., 1982. – 331 p.
10. Ermine P.P. Personality and role: Role approach in social psychology of personality: monograph / P.P. Ermine. – К.: Interpress LTD., 2007. – 312 p.
11. Ermine P.P., Titarenko T.M. Personality psychology: dictionary-reference / edited by P.P. Ermine, T.M. Titarenko. – К.: Ruta, 2001. – 320 p.
12. Gribakina T.E. Heuristic potential of social expectations research // Bulgakov readings. – 2017. – No. 11. – PP. 184–189.
13. Gudzovskaya A.A. Psychology of social maturity: monograph / A.A. Gudzovskaya – Samara: SIPKRO, 2014–256 p.
14. Darendorf R.G. Elements of the theory of social conflict // Sociological research. – 1994. – No. 5. – PP. 142–147.
15. Dolinsky G.D. Research of socio-psychological features of role expectations (on the example of the activity of the head of the school): autoref. dis. ... for the degree of Candidate of Sciences. psychological sciences: spec. 19.00.05 “Social psychology” / G.D. Dolinsky. – L.: LSU, 1974. – 22 p.
16. Ershov A.A. To the study of the human need for communication // Problems of the formation of sociogenic needs: collection of scientific works. – Tbilisi. – 1974. – PP. 220–225.
17. Kashapov M.M., Perevozkina Yu.M., Perevozkin S.B., Kashapov A.S. The specifics of the development of role expectations in the process of personality formation // Siberian Pedagogical Journal. – 2020. – No. 2. – PP. 127–140.
18. Mikhailsky A.V. Psychology of designing the future / A.V. Mikhailsky. – М.: МГППУ, 2014. – 192 p.
19. Pankratova O.V. Social expectations of youth: a sociological aspect // Postulate. – 2019. – № 2 (40). – P. 8.
20. Rogacheva L.I., Fadeeva O.M., Rogachev M.A. Socio-psychological features of adolescents deviant behavior // Collection: Personality, family and society: questions of pedagogy, psychology, social work. Proceedings of the International scientific and practical conference. – 2016. – PP. 91–96.
21. Titarenko T.M. Psychological practices of constructing life in postmodern sociality: monograph / T.M. Titarenko, O.N. Kochubeynik, E.O. Cheremnykh – К.: Millennium, 2014. – 206 p.
22. Shibusani T. Social psychology / translated from English by V.B. Olshansky. – Rostov n/A: Phoenix, 2002–544 p.

Конструкт служения-лидерства: особенности применения руководителями с различным уровнем религиозного сознания

Фурманова Алима Якубовна,

аспирант кафедры философии и религиоведения ПСТГУ

E-mail: furmanova_2011@mail.ru

Религиозность оказывает влияние на различные социальные роли человека, в том числе и на отношения начальника и подчиненных. Понятия руководитель и лидер нередко применяются синонимично, потому что от этого человека ожидают влияния и на духовную сферу последователей. Центральность религиозной этики в мировоззрении руководителя является предпосылкой формирования особенного лидерского стиля – философии служения-лидерства. Он парадоксален тем, что лидер способен поставить себя ниже последователей, подчинить личные интересы групповым и служить другим, как слуга господину. Такой руководитель должен обладать уникальными личностными ценностями – целостностью, смирением, служением и эмпатией.

В статье приводятся результаты исследования ценностей руководителей с различной религиозностью. В первую группу вошли респонденты, хорошо знакомые с христианской этикой и практикой, для которых заповеди веры важны в повседневной жизни, во вторую – руководители с различным отношением к религии. Предполагалось, что личностные ценности респондентов отличаются, и верующие руководители будут ближе к слуге-лидеру по своему ценностному портрету.

Ранее выявлено, что для «среднего» российского менеджера важны две ценности – смирение и служение. Этот вывод подтвердился частично – во второй группе нерелигиозных респондентов значимым явилось только смирение. Теоретический четырехчастный ценностный конструкт подтвердился в первой группе респондентов. Вероятно, это связано с мировоззренческой позицией, ядром которой выступает христианская этика, где жертвенное служение последователям, милосердие к друзьям и к врагам являются желаемыми качествами для человека.

Ключевые слова: религиозность, ценности, служение-лидерства, мировоззрение, суждения, Обоснованная теория, качественно-количественная методика.

Введение

Личная религиозность интересна и как самостоятельный феномен, и с позиции реализации человеком социальных ролей – влияния на отношения в семье, в кругу друзей и знакомых, в трудовом коллективе и т.д. Значительную часть времени жители городов проводят на работе, где многое определяет начальник. Поэтому стили лидерства, в которых реализуются духовно-религиозные и поведенческие ‘портреты’ руководителей, выступают предметом многочисленных современных исследований [Meuser, Dinh, Gardner, 2016]. Особое место в этом ряду из-за своих религиозно-философских корней занимает служение-лидерства (ServentLeadership). Фигурально его можно представить перевернутой пирамидой, где лидер занимает низшее в сравнении с последователями положение, что парадоксально само по себе. Его способны принять люди с религиозным (возможно, квазирелигиозным) мировоззрением.

Не удивительно, что во времена господства религиозной этики образ лидера-слуги присутствовал в культурах и Востока, и Запада – об этом писали Лао-цзы, Платон, Августин Блаженный, Фома Аквинский, Эразм Роттердамский [Котляров, 2013, 11]. Со времени провозглашения Макиавелли лозунга «цель оправдывает средства» внимание лидеров сместилось в сторону антропоцентричности, и лидер-слуга потерялся в портретном многообразии.

Образ слуги вернул в “портрет” лидера Роберт К. Гринлиф [Greenleaf, 1970]. Слуга-лидер Р. Гринлифа отличается особым этическим взглядом на мир, который сформировался под воздействием религиозного мировоззрения. Автор раскрывает религиозно-этические мотивы слуги-лидера через пример литературного героя Г. Гессе – Лео [Гессе, 2004, 251–310], главы эзотерического ордена, который в мистическом походе членов братства тайно участвует в качестве слуги. Смирение, эмпатия, талант быть всем помощником и одновременно наставником, постепенно делают Лео негласным лидером сообщества.

Главным фактором формирования ценностей и поведения лидера-слуги выступают духовные убеждения – надежда и вера в бога, духовные практики – молитва, чтение писания и т.д. [Freeman, 2011]. Часть исследователей считают образ слуги-лидера универсальным для различных культур [Winston, Ryan, 2008], другие не фиксируют его в российской культуре [Grachev, Bobina, 2006]. Однако, авторы сходятся во мнении, что слуг-лидеров

отличают особенные личностные качества и уникальный набор ценностей [Stone, Russell, 2004]. Теоретический «портрет» слуги-лидера представляют четыре личностные ценности – целостность, смирение, служение, эмпатия, а также восемь личностных характеристик, ожидаемых последователями в его образе. [Петровская, Бычкова, 2014, 10–20]. Количественное исследование показало [Петровская, Бычкова, 2014, 10–20], что для российских менеджеров и предпринимателей значимы две из четырех ценностей – смирение и служение. Мы предположили, что эти две ценности слуг-лидеров могут быть общими для респондентов с различным отношением к религии, без учета влияния религиозной этики на их мировоззрение. Когда же религиозные постулаты лежат в основе мировосприятия, целостность может стать значимой ценностью, а эмпатия – мерилем отношения к людям. Другими словами, центральность религиозности может расширить ценностный портрет руководителя и приблизить его к теоретическому четырехчастному конструкту. Для прояснения влияния религиозности на стиль лидерства руководителей проведено качественно-количественное исследование, с методологией и результатами которого предлагаем далее ознакомиться.

Метод

Основным источником информации о религиозности и ценностях респондентов стали биографические интервью. В примерный гайд были включены вопросы о месте религии в жизни человека, о сценариях управления людьми, о конфликтах, об отношении к критике, о прощении и т.п. Также участники исследования заполняли анкеты для оценки Центральности религиозности [Хубер Ш., Хубер О, 2018, 158] и Самооценки ценностей лидера (в части восприятия себя) [Петровская, Бычкова, 2014, 13].

Группа респондентов состояла из 33-х руководителей среднего звена, работающих в коммерческих сферах услуг – в банках, страховании и образовании. Это женщины и мужчины 37–60 лет с высшим образованием, с опытом работы руководителями от 5 лет, сравнимым финансовым и культурным уровнем, крещенные в православной церкви, в подчинении которых находятся 30–50 человек.

На первом этапе анализа интервью респонденты были разделены на две группы по уровню значимости религии в жизни. К первой отнесены 13 участников, для которых религиозная этика христианства (нравственный пример Иисуса Христа, Евангелие) и практика – личная и коллективная (посещение храма, участие в таинствах церкви, домашняя молитва и т.д.) важны в повседневной жизни. Ко второй группе отнесены 20 респондентов, которые признают себя слаборелигиозными, заключают религию в приватную сферу, не связывают себя с конфессией, исповедуют духовность, гуманизм и т.п.

Мнения респондентов о своей религиозности не подвергались сомнению, однако их критерии не единообразны, и не охватывают все сферы влияния религии на жизнь индивида. Поэтому мы просили дополнительно ответить на вопросы анкеты CRS-5 [Хубер Ш., Хубер О, 2018, 158], в которой задается по одному вопросу для прояснения каждого из пяти религиозных конструктов – интеллектуального: «Как часто Вы задумываетесь на религиозные темы?», идеологического: «Насколько сильно Вы верите в существование Бога или некоей божественной силы?», публичной практики: «Как часто Вы принимаете участие в религиозных службах?», личной практики: «Как часто Вы молитесь?», опыта: «Как часто Вы переживаете ситуации, в которых у Вас появляется чувство, что Бог или некая божественная сила вмешивается в Вашу жизнь?». Это позволило оценить в цифрах, от 1 до 5, суммарное влияние религиозных конструктов как единой психологической сущности. Соединив суждения и анкеты, к первой группе религиозных, с оценкой 4–5 (ответы «часто» и «очень часто») были отнесены 12 участников, ко второй – 21.

На втором этапе был проведен анализ значимости ценностей слуги-лидера по группам. В анкете определения ценностей слуги-лидера [Петровская, Бычкова, 2014, 17] представлено по два рамочных утверждения, характеризующих каждую из четырех ценностей (целостность, смирение, служение, эмпатию). На этот предмет были проанализированы ценностные суждения респондентов и выделены наиболее абстрактные из них, которые могут служить групповыми ценностными характеристиками. Также респонденты оценивали значимость этих утверждений по шкале от 1 до 5, на основании чего были рассчитаны групповые медианы значимости каждой из четырех ценностей лидера-слуги.

Таким образом, нарративы о своей религиозности и ценностях явились основным источником информации о респондентах, а числовые данные послужили формализующей иллюстрацией.

Исходя из разделения на две группы по уровню центральности религиозности, рассмотрим далее нарративы и определим ценностный конструкт религиозных и нерелигиозных респондентов.

Результаты

Служение-лидерства – это лидерская философия, и ценностный конструкт лидера выступает ее логичной характеристикой. В него входят *целостность* – верность своим принципам, *смирение* – признание талантов других людей, *служение* – умение поставить себя ниже других, *эмпатия* – желание понять интересы других. Рассмотрим сходства и различия в понимании ценностных утверждений религиозными и нерелигиозными респондентами и проанализируем влияние религиозности на значимость различных ценностей в портрете слуги-лидера.

Целостность. Рамочное утверждение 1: «Я считаю, что честность и последовательность

в действиях важнее, чем достижения коллектива и личная выгода».

Религиозные респонденты соглашаются с этим утверждением:

«Мы первое поколение руководителей после СССР, нам бы удержаться в рамках понимания жизни через веру, духовных подвигов от нас ждать нечего»

«Ты должна постоянно над собой работать, ты должна уметь прощать, ...уметь идти дальше, если тебя предадут. Все по заповедям, они укрепляют»

Респонденты демонстрируют мировоззренческую позицию – верность христианским жизненным установкам, на которых выстраиваются отношения с людьми.

Нерелигиозные респонденты больше ориентированы на коллектив:

«Я не собираю новую команду – работаю с теми, кто есть. Если человек долго не справляется – увольняю. Не быстро, стараюсь помогать. Но коллектив должен понимать, что есть справедливость»

«В команде – одинаковые ценности, одинаковые представления о результате, одинаковые сроки. Люди разные, но они могут дополнять друг друга. В этом кроется общий успех»

Респонденты реализуют, скорее, взгляды универсалистского толка – полагаются на толерантность и справедливость.

Рамочное суждение 2: «Если я узнаю, что в компании нарушают этические нормы, я, скорее всего, прекращу в ней работать, несмотря на перспективы карьерного роста».

Вот что думают об этом религиозные респонденты:

«Сильных руководителей, кто имеют веру крепкую, тренинги личностного роста не сломают, а слабые вот ломаются, меняются и начинают исповедовать всякое корпоративное сектанство»

Респондент не опасается за свою нравственную позицию из-за давления корпоративной среды.

Для нерелигиозных респондентов важна руководящая и направляющая сила организации:

«Комфортно работать в компании, где все в порядке с миссией. Люди могут свои цели сравнивать с целями компании»

«Ты не можешь в коллективе каждый день с броневика призывать к подвигу непонятно во имя чего..., должен быть понятно будущее – каков следующий шаг? Куда идем? Иначе, как в тумане».

Респонденты чувствительны к этике компании. Они ожидают от нее стройного мировоззрения, соглашаются с ним или критикуют.

Ценность целостности опирается на сформированную личную мировоззренческую позицию. Религиозные респонденты показывают в этом единообразии – верность христианской этике, которая служит ориентиром и в социальной роли руководителя. Поэтому они не ожидают от компании нравственных установок, нечувствительны к эти-

ческим «перегибам» с ее стороны. Нерелигиозные респонденты, напротив, нуждаются в выстроенном корпоративном нравственном кодексе. В личных этических соображениях ориентируются на гуманистические категории, более зависят в своих управленческих решениях от компании и коллектива. Таким образом, ценность целостности является характеристикой первой группы. Это подтверждают и данные анкетирования – медиана по суждению 1=5 (первенство внутренней христианской этики), по суждению 2=3 (вторичность этики компании). Для второй группы эти показатели иные: 1=3, 2=5.

Смирение. 1-е рамочное утверждение «я положительно отношусь к критике в свой адрес и использую ее для работы над ошибками» религиозный респондент комментирует таким образом:

«Первая моя реакция на критику – огорчение. Потом понимаю, что наверно недостаточно знаю человека, пытаюсь разобраться – мои действия неверные в принципе, или я плохо объяснила»

Нерелигиозный – иначе: *«Критика – дело полезное. Важно, кто критикует. Если этого человека уважаю, то стараюсь все принять без эмоций. А другое пропускаю мимо себя как белый шум»*

Респонденты по-разному рефлексировали на критику. Первый готов анализировать свои действия, независимо от отношения к критикуемому персонажу, а второй отталкивается от своей оценки автора критики, а затем выбирает – принять ее или оставить без внимания.

Комментарии 2-го утверждения «я признаю, что другие люди, независимо от их положения в обществе, часто превосходят меня в различных сферах, и я учусь у них», сходно у религиозных и нерелигиозных респондентов по форме:

«У каждого человека свои таланты, поэтому положение в обществе не аргумент, если хочешь чему-то научиться»

«Если человек достиг высот мастерства, он уже достоин уважения, к нему пойду учиться сам и отведу детей»

Различия в уважении к достижениям других носит, скорее, антропологический характер. Исходный посыл религиозного респондента заключается в талантливости каждого как дара божия, нерелигиозного – как результата своих собственных усилий.

Таким образом, смирение может быть значимым независимо от религиозности. Однако, имеются глубинные мировоззренческие различия. Мир религиозного человека христоцентричен – Евангелие учит, что любовь лежит в основе отношений между людьми, она жертвенна, «...долготерпит, милосердствует, не ищет своего...» [1-е к Кор., 13–4], а таланты даются Богом, и развивать их – обязанность христианина. Мир нерелигиозного человека антропоцентричен – в нем первичны заслуги самого человека, а чтобы их реализовать, нужны равные, справедливые условия.

Согласие в значимости ценности смирения подтверждается равными в обеих группах меди-

анами, соответствующими первому и второму суждениям: 1=4, 2 = 5. Надо отметить, что без анализа нарративов мировоззренческую разницу установить не удалось бы.

Служение. Это не просто решение ущемить свои интересы в конкретной ситуации, а жизненная позиция.

1-е рамочное утверждение «я испытываю радость, когда люди вокруг меня становятся успешнее и счастливее», так отражается в рассказах религиозных респондентов:

«Когда я вижу успехи сотрудников не только в работе – кто-то впервые пошел в храм, причастился, кто-то женился, родил ребенка, для меня это счастье. Я уйду, когда меня не станет, но останется духовный опыт нашего общения. Это не дает мне унывать, помогает преодолевать трудности»

«Когда я подхожу к двери офиса, оставляю домашние проблемы и начинаю невольно улыбаться. Потому что сотрудники придут со своими радостями и бедами в надежде получить поддержку и утешение, оттают душой. Из этого... и складывается наш успех в работе»

Руководитель готов быть терпеливым “родителем” который не боится потерять авторитет из-за своей подчиненной позиции, если это необходимо “семье”.

Нерелигиозные респонденты также нацелены на трансформацию последователей:

«Ты вкладываешься в менеджеров – учишь, помогаешь, советуешь... Это может людям и в личной жизни пригодиться. Порой это напрасные усилия – уходит человек, но это неизбежные потери в работе руководителя»

«Бывают руководители с высокой миссией, они хотят прямо мир переделать – чтобы все у них были успешны, здоровы и счастливы. Вопрос, насколько их хватит. Я просто подхожу ко всем изначально с одинаковой линейкой, а потом уже по плодам...»

Нерелигиозные респонденты направляют свои усилия на создание “команды мечты”, в основе которого лежит идея изначально равного отношения ко всем людям, толерантность. Их усилия могут повлиять и на другие сферы жизни последователей.

Все респонденты признают важность коммуникации с последователями. Однако, существенное различие заключается в позиции самого руководителя – религиозные респонденты готовы принять позицию “пастыря”, (схема перевернутой пирамиды), нерелигиозные общаются с последователями “на равных”. Небольшая разность имеется и в медианах – 1=5 в первой группе и 1=4 во второй.

2-е утверждение «я убежден, что руководитель должен быть открыт и доступен для всех сотрудников» респонденты толкуют примерно одинаково:

«За двадцать лет директорства бывало всякое – и ночью звонили, и деньги последние от своей семьи отрывала, и женила и хоронила. Это просто жизнь, и люди в ней – не штатные единицы, а братья и сестры»

«Люди, с которыми работаешь – это богатство. Капитал руководителя. Если ты оказываешь им в помощи, порой и в личных вопросах, не жди и результата»

Медианы 2=4 по обеим группам.

Однако, в открытости лидеров к последователям прослеживаются те же различные мотивы, что и в первом утверждении – пасторские у религиозных и товарищеские у нерелигиозных респондентов.

Ценность служения в нашем исследовании значима для религиозных респондентов, и это связано с осознанной позицией следования христианской этике. Однако, если гуманистические или другие идеи сложатся в нравственную иерархию со своими “заповедями веры”, служение может войти в ценностный континуум нерелигиозных людей.

Эмпатия. Это живой интерес к другому человеку и желание помогать, не ожидая ответных действий.

1-е утверждение «в первую очередь я стремлюсь понять других, а не быть понятым», религиозные респонденты комментируют так:

«Коллектив, как и семья, это сад, который я возделываю. Каждому надо дать свое, чтобы получить общий результат»

«И в команде, как и в семье, ты прислушиваешься к другому человеку, а не просто вдалбливаешь свою мысль. И радуешься, когда всем хорошо»

Коллектив нередко сравнивается с семьей, возможно, потому, что в идеале в семейных отношениях главенствует любовь, которая «...не ищет своего...» [1-е Кор.13–5].

Нерелигиозные респонденты настроены на универсализм:

«Сотрудник в любой должности хочет понимать, что им дорожат. Более или менее справедливого к себе отношения ждет любой человек, и это – основа для работы коллектива»

«Люди – не роботы, с ними надо общаться, мотивировать, получать обратную связь... Только так работает команда»

Значения медиан также разнятся, как и суждения: 1=5 (религиозные), 1=4 (нерелигиозные).

2-е утверждение «я выражаю благодарность и прощаю людей, даже если они не отвечают мне тем же», при одинаковых значениях медиан по группам – 2= 4, комментируется не одинаково:

«Не прощая коллег от сердца нельзя двигаться дальше. Конфликт интересов будет всегда, не надо из-за этого барьеры с людьми строить»

«Обидчивый руководитель не выживет. Надо уметь переступить и идти дальше... Только вот отношения не поправишь, так и будет взаимная настороженность»

Сложно отделить в этих суждениях ценность эмпатии от психологических особенностей личности. На это указывали и авторы методики. Мы учтем в этой проблематике результаты своих исследований базовых ценностей, которые показа-

ли, что ценность Благожелательности (эмпатии) коррелируется с религиозностью, а ценность Универсализма значима для нерелигиозных респондентов [Фурманова, 2021]

Таким образом, четыре ценности философии служения-лидерства значимы для религиозных респондентов. Смирение имеет место в ценностном портрете нерелигиозных руководителей, в то время как служение, при близости числовых показателей – медиан, не значимо. Возможно, это выяснилось потому, что в суждениях улавливается разность между благожелательностью и универсалистской ценностными позициями.

Заключение

Предполагалось, что религиозность может оказывать влияние на ценности руководителей, расширяя ценностный конструкт до теоретического четырехчастного формата. В ходе работы с нарративами респондентов это допущение нашло подтверждение – руководители, для которых религиозные постулаты занимают близкое к центральному положение в мировоззрении, демонстрируют целостность, с которой, вероятно, связаны и другие ценности – смирение, служение и эмпатия, имеющие основания в заповедях христианской веры.

Предположение о том, что усредненный “портрет” российского менеджера, полученный без учета влияния религиозности, содержит две значимые ценности – смирение и служение, подтвердилось частично – значимо только смирение. При равенстве медиан ценности служения в обеих группах, нерелигиозные респонденты склонны к товарищеским отношениям “на равных”, что более соответствует идеям универсализма. Эту разность возможно выявить только качественным методом исследования.

Механизмы влияния религиозности на теоретический и практический “портреты” российских менеджеров требуют дальнейшей разработки – во-первых, меняется корпоративная культура организаций и в ней набирает популярность идея служения – трансформации последователей в положительном контексте этой категории, во-вторых, идеи эти основываются на различных духовных и гуманистических началах, конструируя мировоззрение со своими нравственными нормами. Когда эти духовные конструкты займут близкую к центральной мировоззренческую позицию, служение в формате перевернутой пирамиды сможет претендовать на законное место в ценностном конструкте и нерелигиозных респондентов.

Расширяя исследование и принимая за его основу качественную методологию, есть шанс встретить руководителей, для которых не христианские заповеди, а этические или квазирелигиозные конструкты лягут в основу ценностей целостности, служения и эмпатии.

Учитывая все возрастающее внимание рынка труда к личности руководителя как центра влияния на коллектив, завершенность его духовной

или религиозной позиций будет требовать все новых методов операционализации, которые разработывают религиоведение и социология религии.

Литература

1. Гессе, Г. Паломничество в страну Востока / С. Аверинцев: Пер. с нем. – М.: Изд-во «АСТ», 2004. – 432 с.
2. Забаев, И.В. Логика анализа данных в обоснованной теории (Grounded theory): версия Б. Глейзера/ И.В. Забаев // Социология: 4М. – 2011. – № 32. – С. 124–142.
3. Котляров, И.В. Социология лидерства. Теоретические, методологические и аксиологические аспекты / И.В. Котляров – Минск: Бел. наука кн. дом, 2013. – 344 с.
4. Петровская, И.А., Бычкова А.В. Концепция лидерства как служения и возможности ее реализации в российских организациях / И.А. Петровская, А.В. Бычкова // Вестник Московского университета Серия 24 Менеджмент – 2014. – № 1–2. – С. 3–23.
5. Фурманова, А.Я., Пруцкова, Е.В. Некоторые особенности базовых ценностей руководителей / А.Я. Фурманова, Е.В. Пруцкова // IV Российский экономический конгресс «РЭК-2020» Тематическая конференция «Корпоративное управление и экономика фирмы»: Сборник материалов. М., – 2020.
6. Фурманова, А.Я. Особенности ценностей религиозных и нерелигиозных руководителей/ А.Я. Фурманова // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2021. – Вып. 96. С. 136–154.
7. Хубер, Ш., Хубер, О. Шкала центральности религиозности (CRS) / Е.В. Пруцкова, К.В. Маркин: Пер. с англ. // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М). 2018. Том. 0. № 47. С. 144–171.
8. Freeman, G.T. Spirituality and Servant – Leadership: A Conceptual Model and Research Proposal/ G.T. Freeman Emerging Leadership Journeys, 2011. Vol. 4 No. 1, pp. 120–140.
9. Grachev, M., Bobina, M. Russian organizational leadership: Lessons from the GLOBE study/ M. Grachev, M Bobina. – International Journal of leadership studies, 2006. Vol. 1. No. 2. – P. 67–79.
10. Greenleaf, R.K. The servant as a leader/ R. K Greenleaf. – Greenleaf Center: Indianapolis, 1970.
11. Meuser, E.D., Dinh, J.E., Gardner, W.L., Hu, J. A Network Analysis of Leadership Theory: The Infancy of Integration / E.D. Meuser. J.E. Dinh. W.L. Gardner. J. Hu – Journal of Management. 2016, Vol. 42. No.5. p.p. 1374–1403.
12. Stone, A.G., Russell, R.F., Patterson, K. Transformational versus servant leadership: A difference in leader focus/ A.G. Stone, R.F Russell, K Patterson. – Leadership & Organization Development Journal. 2004, Vol. 25. No. 4. – P. 349–361.
13. Winston, B.E., Ryan, B. Servant leadership as a humane orientation: Using the GLOBE study

construct of humane orientation to show that servant leadership is more global than western /B.E Winston, B Ryan – International Journal of Leadership Studies. 2008, Vol. 3. No. 2. P. 212–222.

SERVICE-LEADERSHIP CONSTRUCT: FEATURES OF APPLICATION BY LEADERS WITH DIFFERENT LEVELS OF RELIGIOUS CONSCIOUSNESS

Furmanova A. Ya.

St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities

Religiosity affects different social roles of a person such as manager – employees. Manager and leader are currently used as synonyms, because the boss is expected to have spiritual influence over followers. The central position of religious ethics in the manager's worldview may affect his leadership style. It's called ServentLeadership. This is a paradoxical leadership philosophy, when a manager is able to occupy a subordinate position for the benefit of followers and serve them as a servant to the master. Such a leader must have unique personal values – integrity, humility, service and empathy. The article presents the results of a study of the values of managers with different centrality of religiosity. The first group of respondents included practicing Christians. The commandments of faith are important to them in their daily lives. In the second – managers with different attitudes to religion. It was assumed that the respondents' values would differ. Believing managers will be closer to the value portrait of a servant-leader. Service and humility are important for the average Russian manager. This conclusion was partially confirmed – only humility is significant in the second group. The theoretical four-part value construct was confirmed in the first group of respondents.

Keywords: religiosity, values, ServentLeadership, worldview, judgments, Grounded theory, qualitative and quantitative methodology.

References

1. Freeman G.T. Spirituality and Servant – Leadership: A Conceptual Model and Research Proposal. *Emerging Leadership Journeys*, 2011. Vol. 4 No. 1, pp. 120–140.

2. Furmanova AY. Bulletin of the STOU [Study of Theology Philosophy Religious]. Moscow: 2021, no 96, pp. 136–154 (in Russian.).
3. Furmanova AY. Prytskova E.V. Sbornik materialov IV Rossijskogo ekonomicheskogo kongressa «REK-2020» Tematicheskaya konferenciya «Korporativnoe upravlenie i ekonomika firmy» [IV Russian Economic Congress “REC-2020” Thematic conference “Corporate Governance and Firm Economics”. collection of materials] Moscow, 2020 (in Russian.).
4. Grachev M., Bobina M. Russian organizational leadership: Lessons from the GLOBE study. *International Journal of leadership studies*, 2006, vol. 1, no. 2, pp. 67–79.
5. Greenleaf R.K. *The servant as a leader*. Greenleaf Center, 1970.
6. Hesse H. *Die Morgenlandfahrt*. 1932. (Russ. Ed.: Hesse. H. Pilgrimage to the land of the East. Moscow: AST, 2004, 432 p.)
7. Huber S., Huber O.W. The Centrality of Religiosity Scale (CRS). *Religions*. 2012, Vol. 3. No. 3. P. 710–724. (Russ. ed.: Huber S., Huber O.W. The Religiosity centrality scale (CRS)1. Moscow: *Sociology:4M*, 2018. vol. 0, no. 47, pp. 144–171).
8. Kotlyarov I.V. *Sociologiya liderstva. Teoreticheskie, metodologicheskie i aksiologicheskie aspekty* [Sociology of leadership. Theoretical, methodological and axiological aspects]. Minsk: Bel. nauka kn. dom, 2013, 344 p. (in Russian).
9. Meuser E.D., Dinh J.E., Gardner W.L., Hu J. A Network Analysis of Leadership Theory: The Infancy of Integration – *Journal of Management*. 2016, Vol. 42. No.5. p.p. 1374–1403.
10. Petrovckaya I.A., Bychkova A.V. Bulletin of the Moscow University [Study of Management]. Moscow, 2014, vol. 24, no. 1–2, pp.3–23 (in Russian).
11. Stone A.G., Russell R.F., Patterson K. Transformational versus servant leadership: A difference in leader focus. *Leadership & Organization Development Journal*. 2004, vol. 25. no. 4, pp. 349–361.
12. Winston B. E., Ryan B. Servant leadership as a humane orientation: Using the GLOBE study construct of humane orientation to show that servant leadership is more global than western. *International Journal of Leadership Studies*, 2008, vol. 3, no. 2, pp. 212–222.
13. Zabaev I.V. *Sociology:4M* [Study of Methodology, Methods and Mathematical Modeling]. Moscow, 2011, vol. 0, no. 32, pp.124–142 (in Russian).

Роль музыки в развитии духовного мира военнослужащего: социально-философский анализ

Чупраков Кирилл Сергеевич,

соискатель кафедры философии и религиоведения, Военный университет Министерства обороны РФ
E-mail: joker.promo@mail.ru

Музыка способна выполнять организующую и дисциплинирующую роль, музыка выступает сегодня важнейшим и обязательным компонентом воспитательного процесса военнослужащих российской армии и является неотъемлемой частью их жизни. Музыка выполняет ряд функций как воспитательного, так и просветительского характера, она способна усиливать патриотические чувства военнослужащего, укрепляя духовно-нравственные основы его личности. Автор статьи приходит к выводу, что на сегодняшний день, военная музыка выступает в качестве действенного фактора формирования и развития духовного мира военнослужащего. В данной статье, автор, не углубляясь в структуру духовного мира военнослужащего российской армии, более подробно рассматривает вопросы важности музыки в военно-профессиональной деятельности и ее взаимодействии, влиянии на духовный мир военнослужащего. Музыка помогает выполнять организующую роль, дисциплинирующую, синхронизирующую и ритмизирующую роль, помогающую вырабатывать точные, четкие и согласованные действия.

Ключевые слова: военнослужащий, музыка, армия, военный оркестр, репертуар, духовный мир, нравственность, военная музыка.

Духовный мир человека – основа гармонии в жизни, это сфера субъективного внутреннего мира, в которой он проявляет свои способности: интеллектуальные, творческие и другие, которые выражаются в определенных видах деятельности, в системе ценностей. Критериями духовности человека являются его духовная деятельность, направленная на определение истины, самопознание, производство и потребление духовных ценностей, выраженных в идеях, образах, законах. В результате духовной деятельности (творчества) индивида формируется особый тип культуры – духовная культура.

Наиболее значимыми видами духовной культуры считаются религия, философия, музыка, наука и искусство, интеллектуальная, нравственная и художественная культура. Музыка, как социальное явление духовной культуры, оказывающее эстетическое воздействие на человека, представляет собой особую сферу человеческой деятельности, порожденную человеческим духом. Так, музыкальное искусство оказывает сильное воздействие на духовный мир и личность военнослужащего, запускает механизмы самосовершенствования.

Моральные и духовные ценности, как внутренние установки, представляют собой стержень человека, регулируют его чувства, эмоции, межличностное общение [2]. Уникальность музыки, как вида искусства связана с особенностью слухового восприятия, которая базируется на более общих образных связях.

Буквальное значение слова «музыка» согласно любому словарю, это «искусство гармоничного или выразительного сочетания вокальных или инструментальных звуков». Однако, полагаем, что музыка имеет значение гораздо более широкое. Музыка не имеет границ, она означает саморасширение и единство. Музыка, это то искусство, без которого невозможно представить жизнь, для многих – это стало необходимостью. Музыка – это самая универсальная из всех форм искусства, с которым люди сталкиваются ежедневно.

Музыка используется для религиозных, эстетических, развлекательных, целей, в духовной жизни. Музыка – это форма искусства, состоящая из звука и тишины. Элементами звука в музыке являются высота, мелодия, гармония, ритм, масштаб, ноты и т.д. Она помогает духовному искателю идти глубоко внутрь, чтобы получить максимальное удовлетворение от жизни, от истины, от реальности. Духовная жизнь, в свою очередь, помогает музыке, предложить миру в целом, свою

способность и свою силу, которая является светом души. Музыка помогает людям выразить свои чувства наиболее удобным способом.

Музыка является своеобразным «камертоном», выражающим эмоциональный дух эпохи и тонко реагирующим на все перемены, происходящие в духовной атмосфере общества.

В условиях духовного кризиса современного общества, музыка непосредственно влияет на эмоциональный дух людей. Духовный мир личности понимается как внутренняя форма отражения бытия, как нравственное устройство индивида. Духовный мир – это проявление сущности человека, которая выражается благодаря его пониманием идеалов добра, истины, красоты.

В свою очередь, военная музыка, влияет на духовный мир военнослужащего. В связи с этим, духовный мир военнослужащего, можно представить, как комплекс морально-нравственных норм, которые помогают ему реализовывать свои внутренние возможности как гражданина своей страны.

К примеру, стоит сказать, что роль музыки и песни в годы войны была чрезвычайно высокой. Она складывалась обо всем, что происходило на фронте и в тылу, что согревало души и воспевало великий подвиг русского народа. В них говорилось о патриотизме, о солдатской дружбе, о любви. Музыка поддерживала людей в трудные минуты, утешала их измучившиеся души. Она была необходима человеку как воздух, с ней человеческое сердце не черствело и находило в себе новые силы хранить надежду.

Стоит сказать, что музыка в армии действует как своеобразный ритуал, оказывающий магическое воздействие на военнослужащих. Музыка воспитывает высокий моральный и боевой дух армии. Так, один из самых лучших военачальников России, А. Суворов говорил: «Музыка в бою нужна и полезна. Музыка удваивает армию. С распущенными знаменами и громогласной музыкой я взял Измаил». Музыка на войне учит бойцов выживать, вселяет силу и бодрость духа, не дает ожесточиться, ожесточить душу. Значение музыки и строевых песен в российской армии велико, все это потому, что музыка является катализатором человеческих эмоций, пробуждает самые сокровенные чувства человека, подчеркивает идейное и смысловое содержание исполняемых ритуалов. Именно эмоции отражают жизненный смысл предметов, явлений, ситуаций, и в них воплощается переживание того, что воспринимается. То есть эмоции непосредственно вырабатывают ценностную оценку, мобилизуют человека к действию.

Таким образом, музыка в процессе воспитания военнослужащих российской армии выступает фактором формирования и развития их духовного мира, корректирует и обогащает эмоционально-духовную сферу военнослужащего, особенно в процессе его профессиональной деятельности в статусе защитника Отечества.

Стоит сказать, что в настоящее время, как отмечали Н.А. Фудин, О.П. Тараканов, С.Я. Класин, существуют научно обоснованные доказательства, демонстрирующие воздействие музыки на разнообразные физиологические реакции, обусловленные сложным механизмом механической рецепции. [1] Данный механизм непосредственно включает в себя несколько этапов, где первые два (акустический и физиологический) являются универсальными для всех людей.

Третий же, психологический этап восприятия – индивидуален для каждого, что обусловлено личными факторами (жизненный опыт, музыкальность, уровень образованности и т.д.), способными вызвать реакции, характерные для конкретного человека в процессе прослушивания им музыкального произведения. Так, средства воздействия военной музыки на духовный мир военнослужащего представляют собой комплекс всех этих этапов, также стоит подчеркнуть специфические характеристики военной музыки, с помощью которых на личность военнослужащего оказывается воспитательное, назидательное, образовательное влияние.

Так, говоря о важности музыки в военно-профессиональной деятельности и о взаимовлиянии музыки и духовного мира военнослужащего, некоторые авторы, выделяют средства исполнительского и содержательного характера воздействия военной музыки на духовный мир военнослужащего.

К средствам исполнительского характера, относятся инструментальные (марш, вальс, этюд, соната, fuga, симфония) и вокальные (ария, песня, романс, кантата, опера, мюзикл). Данное средство воздействия на военнослужащих имеет акустическую природу [3]. Тембровое звучание военного оркестра или сигнальных инструментов военного оркестра способно в кратчайшие сроки мобилизовать внимание, поднять боевой дух военнослужащего, прослушанные или исполненные песни способны вызвать у военнослужащего определенный круг эмоций, чувств и переживаний.

К средствам содержательного характера, относится репертуар. Репертуар военного оркестра, имеет способность поднять боевой дух военнослужащих посредством музыкальной ритмики, слова (словесный метод), выразительности, коммуникационной ориентированности (сплочению коллектива для выполнения поставленной перед ним общей задачи). Художественная ценность репертуара для оркестра военных инструментов обусловила возможность реализации культурно-просветительской функции военной музыки.

Таким образом, музыка духовно облагораживают человека, формируют у него эстетическое отношение к окружающему миру, к прекрасному в жизни.

Закрепленная семантика определённых жанров прикладного репертуара вызывает у военнослужащих прилив энергии, сил, способна мобилизовать их внимание, поднимать боевой дух.

Военная музыка воздействует на духовный мир военнослужащего российской армии специфическими средствами музыкального искусства, которое способно поднимать боевой дух и придавать силы.

Вышеперечисленное, также позволяет военнослужащим российской армии приобретать опыт музыкального восприятия, положительно отражающегося на формировании устойчивости к страху, умения владеть собой в непредвиденных, зачастую экстремальных ситуациях, обусловленных боевыми условиями выполнения профессиональной деятельности.

Литература

1. Бабич, Бабетта. “Музыкальная техника: Философская практика музыки у Платона, Ницше и Хайдеггера”. Статьи, главы книг и т.д. Бабетты Бабич. Статья 23, 2005. p.172.
2. Карлин, Лоуренс. “О самом понятии Гармонии у Лейбница”. Обзор метафизики № 54. – 2000, с. 125.
3. Чупраков К.С. Специфика воздействия военной музыки на духовный мир военнослужащего российской армии. // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 3. С. 325–330.
4. Финни Г. Л. “Гармония или восторг в музыке”. Словарь истории идей, Том. 2. Нью-Йорк: Сыновья Чарльза Скрибнера, 1973.
5. Фудин Н. А., Тараканов О.П., Классин С.Я. Музыка как средство улучшения функционального состояния студентов перед экзаменами. – Физиология человека. 1996. Том 22. № 2. С. 1–9.
6. Хмелева А.П. Духовное поле музыки и духовный мир личности. // В сборнике: Шестнадцатый Славянский научный совет «Урал. Право-

славие. Культура”; Составитель О.В. Терехова. 2018. С. 329–334.

THE ROLE OF MUSIC IN THE DEVELOPMENT OF THE SPIRITUAL WORLD OF A SOLDIER: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Chuprakov K.S.

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Music is able to perform an organizing and disciplining role, music is today the most important and mandatory component of the educational process of Russian army servicemen and is an integral part of their lives. Music performs a number of functions of both educational and educational nature, it is able to strengthen the patriotic feelings of a serviceman, strengthening the spiritual and moral foundations of his personality. The author of the article comes to the conclusion that today, military music acts as an effective factor in the formation and development of the spiritual world of a serviceman. In this article, the author, without delving into the structure of the spiritual world of a serviceman of the Russian army, examines in more detail the importance of music in military professional activity and its interaction, influence on the spiritual world of a serviceman. Music helps to perform an organizing role, a disciplining, synchronizing and rhythmizing role that helps to develop precise, clear and coordinated actions.

Keywords: soldier, music, army, military orchestra, repertoire, spiritual world, morality, military music.

Reference

1. Babich, Babette. “Mousikē technē: The Philosophical Practice of Music in Plato, Nietzsche, and Heidegger.” Articles, Book-Chapters, etc. by Babette Babich. Paper 23, 2005. p.172.
2. Carlin, Laurence. “On the Very Concept of Harmony in Leibniz.” Review of *Metaphysics* N 54. – 2000, p. 125.
3. Chuprakov K.S. The specifics of the impact of military music on the spiritual world of a serviceman of the Russian army. // *Social and humanitarian knowledge*. 2021. No. 3. pp. 325–330.
4. Finney, G. L. “Harmony or Rapture in Music.” *Dictionary of the History of Ideas*, Vol. 2. New York: Charles Scribner’s Sons, 1973.
5. Fudin N. A., Tarakanov O.P., Klassin S. Ya. Music as a means of improving the functional state of students before exams. – *Human physiology*. 1996. Vol. 22. No. 2. pp. 1–9.
6. Khmeleva A.P. The spiritual field of music and the spiritual world of personality. // In the collection: *The Sixteenth Slavic Scientific Council “Ural. Orthodoxy. Culture”*; Compiled by O.V. Terekhova. 2018. pp. 329–334.